

Юз. Аleshковский

КЫШ
И ДВА ПОРТФЕЛЯ...

Юз. Алешковский

Кыш,
двапортфеля
и целая неделя

Художник Л. Хачатрян

Издательство «МИР ИСКАТЕЛЕЙ»

Дорогие ребята!

Многие из вас читали книги о замечательных собаках — сильном и храбром Белом Клыке, об умнице Каштанке и о преданном людям Мухтаре. Маленький щенок Кыш, о котором я пишу, пока ещё ничем не выдающаяся собака. Но для её хозяина Алёши Сероглазова она самая умная, самая преданная собака на свете. Первокласснику Алёше, для которого началась совсем новая жизнь школьника, и любопытному Кышу трудно не попасть в разные передряги. К великой радости автора, они кончаются благополучно, потому что в самый трудный момент Алёша не предал Кыша, а Кыш верил, что настоящий друг Алёша выручит его из беды.

Мне очень хочется, чтобы вы любили друзей человека, будь это серый воробышек, маленькая рыбка или огромный слон. Кто знает, может быть, случится так, что кому-нибудь из вас, когда вы станете взрослыми, придётся впервые ступить на новую планету и встретить там неизвестных животных. Пусть они знают, что человек пришёл к ним как друг, с добром и любовью.

Юз. Аleshkovskiy

1

Это был мой первый выходной день, потому что я первый раз в своей жизни целую неделю проучился в первом классе.

Как нужно начать такой день, я не знал и поэтому решил подражать папе: проснувшись, заложил руки под голову и уставился в окно.

Однажды папа сказал, что в воскресное утро, так как не надо спешить на работу, он думает о всякой всячине и о том, как прошла

целая неделя. Чего в пей было больше — хорошего или плохого? И если больше плохого, то кто в этом виноват: сам папа или, как он любит говорить, стечение обстоятельств?

В моей первой школьной неделе было больше плохого. И не из-за меня, а из-за обстоятельств, которые начали стекаться давно.

Если бы я родился хотя бы на два дня позже, то мне исполнилось бы семь лет не тридцать первого августа, а второго сентября и меня не приняли бы в школу. Но папе и так пришлось уговаривать завуча. И завуч согласился принять меня с испытательным сроком.

Я был самым младшим и маленьким по росту учеником во всей школе.

В «Детском мире» мне купили самую маленькую форму, но на примерке в кабине оказалось, что и она велика. Мама попросила снять форму с незаправданного первоклашки, который стоял в витрине и улыбался, но маму уговорили отказаться от этой просьбы и посоветовали форму перешить. Ещё ей надавали советов, чем меня кормить, чтобы я быстрее рос.

Мама сама укоротила брюки, а фуражку всю ночь держали в горячей воде, потом натянули на кастрюлю и выгладили, но она всё равно спадала мне на глаза.

В общем, первого сентября я пошёл в школу, и на первой же перемене самый высокий из нашего класса мальчик Миша Львов измерил меня с ног до головы моим же портфелем. Измерил и тут же дал мне прозвище Двапортфеля. А сам себе он присвоил прозвище Тигра. Из-за фамилии Львов.

Даже до старшеклассников дошло моё прозвище. На переменках они глазели на меня и удивлялись:

— Двапортфеля!

— Действительно, Двапортфеля!

Они меня не дразнили, но всё равно я чувствовал самую большую обиду из всех, которые получал в яслях, в детском саду, во дворе и дома.

Я отходил куда-нибудь в сторонку, ни с кем не играл, и мне было так скучно, что хотелось плакать.

Правда, однажды ко мне подошла старшеклассница, погладила по голове и сказала:

— Двапортфеля, не вешай нос. Придёт время, и ты станешь четырепортфеля, потом пять, а потом восемь. Вот посмотришь. А на переменке не стой на одном месте. Разминай косточки. И никого не бойся. Начнут пугать — раздувай ноздри. Сразу отстанут. Я всегда так делала. Я — Оля.

— А я — Алёша, — сказал я, и Оля показала, как надо раздувать ноздри.

Но сколько я их потом ни раздувал, это никого не пугало, и у меня в ушах шумело от крика:

— Двапортфеля! Двапортфеля-а!

За такое прозвище я возненавидел Тигру.

Хорошо было Дадаеву. Его прозвали Дада! Капустина — Кочаном. Галю Пелёнкину, как бразильского футболиста, — Пеле. Гусева зовут Тёга-тёга, и он очень рад. Лёню Каца — Кацо. Один я — Двапортфеля.

Ничего! Может, со временем им всем надеется такое длинное прозвище, и от него останется только Фе-ля. Феля! Это неплохо...

Так я лежал и думал и вдруг засмотрелся... Перед моим окном на одном месте, прямо как вертолёт, висел воробей и вдруг — ба-

бах! Стукнулся об стекло, упал на карниз, потом опять подпрыгнул, затрепыхался и что-то пытался клюнуть.

Тут я увидел большую синюю муху, которая зале-

тела в комнату и хотела улететь обратно. Она жужжала, металась по стеклу, потом замолкала, как будто теряла сознание, и снова начинала кружиться на стекле, как на катке.

«Вот глупый воробей, — подумал я, — видит муху у самого своего клюва, а клюнуть не может. Наверно, он злится и удивляется, как это вдруг ни с того ни с сего такой тёплый движущийся воздух стал твёрдым и холодным. И муха удивляется, что всё прозрачно, а улететь нельзя».

Вдруг воробей ещё раз разлетелся и через форточку пулей влетел в комнату. Я вскрикнул, взмахнул одеялом — он испугался, сделал круг под потолком, полетел обратно и затрепыхался на стекле рядом с мухой.

А мне что-то стало жалко и воробья и муху. Выходной день... Утро такое хорошее, а они попались...

Я спрыгнул с кровати и распахнул окно.

— Летите, глупые, по своим делам! Вам не понять, что это не воздух вокруг затвердел, а стекло прозрачное. А мне понятно, потому что я — человек!

Так я сказал вслух, выглянув в окно, и мне тоже захотелось на улицу.

Как я и думал, мамы не было дома. Она давно-давно, когда ещё была жива бабушка, договорилась с папой, что воскресенье до обеда — её день. Мы с папой на это время были предоставлены сами себе. Папа лежал на диван-кровати так же, как только что лежал я, и размышлял.

— Дождя нет. Надо вставать и куда-нибудь идти, — сказал я.

Папа скосил на меня глаза и ничего не ответил.

— Ну, как прошла неделя? (Папа молчал.)
Больше было плохого?

— Было и хорошее и плохое, — наконец откликнулся папа. — Но, в общем, вся неделя была серой. Серость — это самое худшее из всего, что может быть. По-моему, не случайно пауки и крысы... бр-р... серые...

— А слоны? — возразил я.

— Слоны — серебряно-серые. Это совсем другое дело. И дирижабли и самолёты тоже серебряно-серые, — уточнил папа.

Хороших недель в жизни у меня было много, плохих, вроде первой школьной, мало, но серая неделя — это уже что-то новое. Когда мы пошли умываться, я спросил:

— Значит, всё-всё было серым? И дела тоже?

— Раз мысли серые, значит, и дела серые.

— Ну, а погода?

— Я, кажется, сказал, что серым было всё!

Папа взял мои ладони в свои, взбил густую розовую пену. Мне самому никогда не удавалось так намыливать руки.

— Ты что-то путаешь, — заметил я, — погода на этой неделе была солнечная. Ни тучи, ни дождинки.

— Будем стоять здесь и беседовать? Хочешь, чтобы и воскресенье было серым? Смывай быстрей мыло!

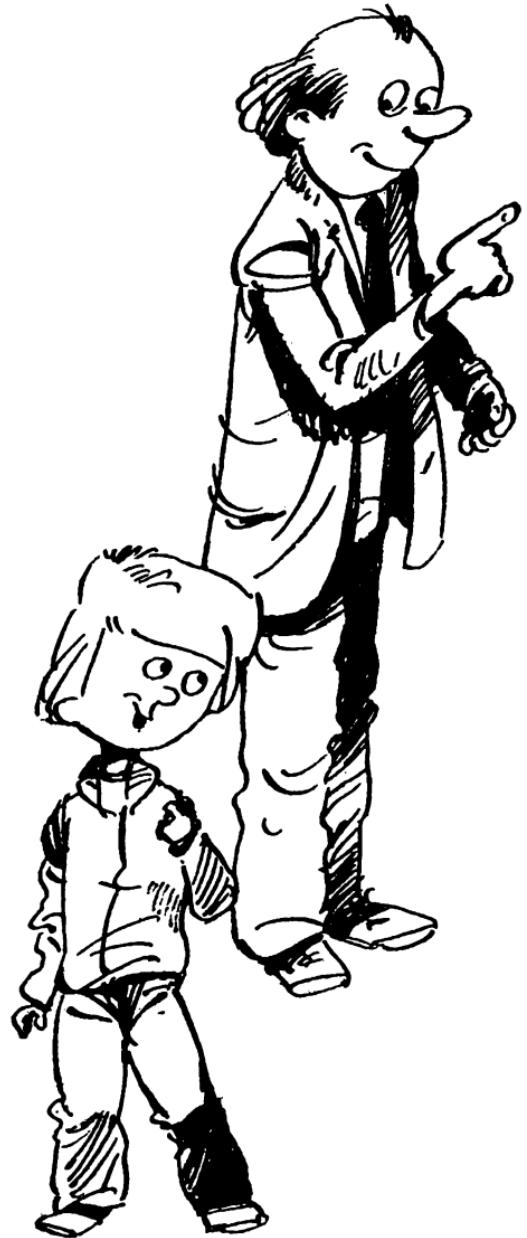
— А может, ты сам виноват, что всё было серым? — догадался я.

Папа что-то промычал, потому что у него во рту уже была зубная щётка, сделал страшные глаза и свободной рукой вытолкнул меня из ванной.

Пока он брился, вскипел чай. Яичницу с салом и с луком мы сделали сами. Папа знал, когда нужно накрывать сковородку миской и какой сделать огонь, чтобы яичница получилась высокой и пышной.

— А у тебя какая была неделя? — спросил папа. — Ведь она не простая. Её на всю жизнь запомнить надо.

— Запомнил, — сказал я, набив полный рот.

— А с кем ты сидишь за партой?

— С Тёгой, — сказал я.

— Странная фамилия! — удивился пapa. — Может, он француз? Тогда правильно не Тёга, а Тёгá. Был такой художник Дегá.

— Правильная фамилия Тёги — Гусев. А почему Тёга, я не знаю.

— Конечно, Гусев! Тёга-тёга! Так гусей зазывают в деревне, — смеясь, сообразил пapa. — Ну, а тебя как прозвали?

Я ничего не ответил, глотнув чая. А про учёбу пapa, наверно,

решил меня не расспрашивать в выходной день.

Позавтракав, он решительно сказал:

— Я понял, что мы должны сделать! Даже не сделать, а совершить! Что-нибудь необычное! Что-нибудь из ряда вон выходящее! И тогда вся серость исчезнет.

— Слушай, а я тебе тоже всю неделю казался серым? — спросил я.

— Ты мне казался фиолетовым! У тебя даже уши были в чернилах, — сказал папа.

— А мама?

— Мама всегда прекрасна, — строго заметил папа.

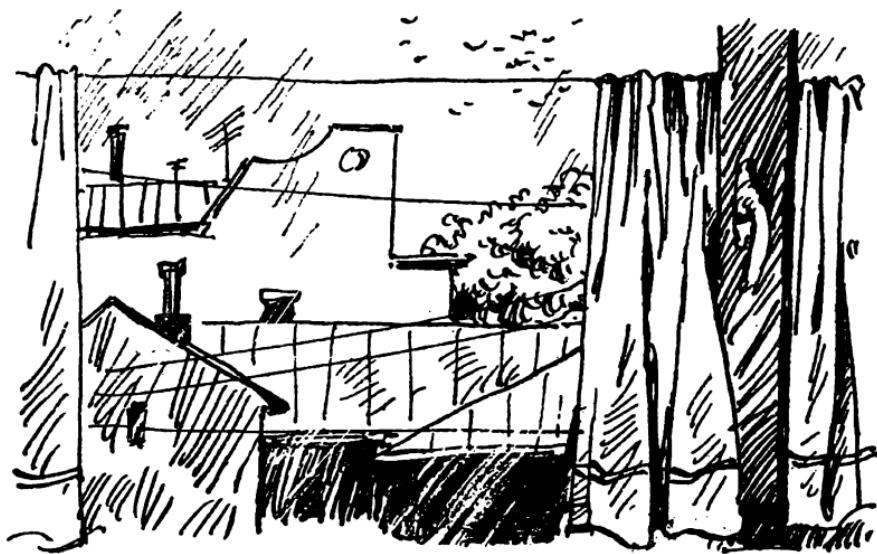
— А может, у тебя фамилия Сероглазов, — вдруг сообразил я, — из-за того, что ты всё видишь серым?

— Фамилия не имеет отношения к настроению человека, — сказал папа. — Быстро собирайся.

«Ещё как имеет! — подумал я. — Посмотрел бы я, какое у тебя было бы настроение от прозвища Двапортфеля!..»

3

Мне собираться было нечего. А вот папа зачем-то надел свой хороший костюм, белую рубашку, чёрные туфли, и мы вышли из дома.

Если бы не горьковатый дымок над газоном — это на нём всю ночь тлела куча опавших листьев — я бы ни за что не поверил, что уже осень. Так на улице было тепло и солнечно.

На нашей очень шумной по обычным дням улице стояла тишина. И было совсем мало людей и машин. А грузовики вообще не попадались нам с папой по дороге. Выходной — значит, выходной.

И воробы вовсю чирикали на ветках тополей, но среди них нельзя было узнать того, которого я мог бы взять в плен, но не взял, а, наоборот, помог спастись.

Папа положил мне руку на плечо.

— Ну, давай думать. Что необычного ты можешь предложить?

— Прокатимся на такси, — предложил я.

За нами медленно ехала «Волга». Видно, шофер надеялся, что нам надоест идти пешком.

— Ну, что это такое? — Папа даже поморщился, — Нашёл необычное! Нет у тебя фантазии.

Тут над нами пролетел реактивный лайнэр.

— Тогда слетаем хотя бы в Крым и обратно!

— Вот это уже интересней такси. Это — прекрасно! Два часа — и мы у моря! — воскликнул папа. (Я замер от радости и волнения.) — Искупаемся, потом наберём камушков, съедим шашлык и опять из моря — в небо! — Вдруг папа грустно цокнул языком. — Ничего не выйдет. Очень жаль.

— Почему?

— Я забыл дома купальные трусики.

— Давай возвратимся! Мы же недалеко ушли!

— Пути не будет, — сказал папа. — Ты придумывай необычное в пределах возможного. Не бросайся в крайности. На Азорские острова тебе не хочется?

— Хочется! — сказал я.

— А мне хочется взять отпуск за свой счёт

и с недельку пожить в космосе. Подумать. Подвести итоги. Вдали от всего человечества.

— Тебе на второй день будет скучно, — сказал я.

— Это верно, — подумав, согласился папа, — и опять же дорого.

— Тогда выпей пива с дядей Сергей Сергеевым.

Папа при упоминании имени своего лучшего друга, который почему-то не заходил к нам дней десять, нахмурился и ничего не ответил.

Мы сели на лавочку в сквере перед метро и задумались.

Папа не хотел ни в цирк, ни на пароход, ни в кафе-мороженое, ни на футбол. Он не хотел купить мяса и пойти в Зоопарк кормить тигров, потом слетать на вертолёте в аэропорт. Нырнуть солдатиком с моста он тоже отказался. И многое другое предлагал я.

— Ничего во всём этом нет необычного, — сказал папа.

Я уж и не знал, что придумывать дальше. Мне самому посмотреть мультипликации и киножурналы и то показалось бы необычным.

— Понимаешь, почему мне неохота в Зоопарк? Зверей и птиц там полно, а купить — ну хотя бы змею — нельзя, — сказал

папа. — Поэтому мы поедем на Птичий рынок. Да, да! Там необычней всего! Я не был там целый век! Вот оно! Едем!

— Что же необычного на рынке? — спросил я.

— Всё! — крикнул папа.

4

Мы доехали на метро до Таганки. Мимо нас на эскалаторе спускались вниз люди — и взрослые и мальчишки, держа в руках баночки, прозрачные мешочки, аквариумы, мешки и клетки. Клетки были пустые и с голубями, аквариумы — с рыбками и без рыбок.

Вдруг прямо у меня за спиной раздалось:
«Ку-ка-ре-ку-у!»

Я обернулся. Стоявшая на ступеньку ниже тётенька испуганно запихивала в корзину красивую петушиную голову. А петух забился в корзинке, наверно разозлившись, что ему не дали как следует покукарекать.

Впереди нас кто-то тяжкнул, потом кто-то мяукнул.

— Разве на Дзержинской или Арбатской такое услышишь? Здесь всё необычно! — вслух сказал папа.

А стоявший рядом с ним человек очень серьёзно заметил:

— Мы никогда не забудем своего детства на лоне природы.

— Вы абсолютно правы, — согласился пapa, грустно полузакрыв глаза.

— Ты жил с ним в одной деревне? — удивился я.

Пapa сильно сжал мою руку, что всегда означало: «Не задавай при свидетелях дурацких вопросов!»

— Всего хорошего! — улыбнувшись, сказал на прощание тот человек.

— И вам всех

благ! — ответил пapa и объяснил мне: — Бывает, что два человека, при чём — учти! — совершенно незнакомые, вдруг на секунду почувствуют родство друг с другом. Слышал, кукарекнул петух, и мы уже попрощались, как друзья, а встретимся — поздороваемся, а может, и подружимся.

— Но почему он сказал, что у вас было общее детство на природе, если вы незнакомы? — переспросил я.

— Он имел в виду детство всего человечества. Понимаешь? Всего! Оно прошло в де-

речнях, на лоне природы. Городов тогда ещё не было, — терпеливо объяснил папа, начиная злиться.

— А как это ты и он запомнили детство всего человечества? Как это так? — не удержавшись, переспросил я, потому что ничего не понял.

Папа вспыхнул, но взял себя в руки и сказал очень тихо и очень спокойно. Так говорил он тогда, когда не мог ответить на мой вопрос.

— Одно из двух — или мы идём на Птичий рынок, или займёмся вопросами и ответами.

— Пойдём на рынок, — сказал я.

В маршрутном такси папа молча и задумчиво смотрел в окно, как будто вспоминал детство всего человечества...

Около ворот рынка нас сразу же подхватила толпа. Было тесно, но не так, как по утрам в метро, и никто не спешил.

Вдруг мы попали в самую толкучку, и мне всё время приходилось задирать голову.

Каких только рыбок тут не было! Их носили и в стаканчиках, и в полиэтиленовых мешочках, и в банках из-под горчицы и томатного сока, и в каких-то зеленоватых пря-

моугольных сосудах, похожих на куски льда.

И во всех этих банках метались, медленно плавали и неподвижно висели разноцветные рыбки.

Оказалось, что папа знал, как они называются.

Красные и чёрные с мечами на хвостах — меченосцы... Изогнутые, словно луки, и полосатые, как зебры, — скалярии... Переливающиеся разными цветами, как мамин плащ, — бойцовые рыбки... Названия всех рыб запомнить было невозможно.

Их рассматривали, прицеплялись, вылавливали маленькими сачками.

Во многих аквариумах дрожали, словно жемчужинки, нанизанные на нитку, пузырьки воздуха. Его подкачку продавцы рыбок делали по-разному. Одни нажимали ногой на педальку, у других были надутые камеры, а один парень стучал локтем по боку, как будто у него под мышкой стоял градусник. Это он сжимал резиновую грушу. Около него собралась большая толпа. У парня на ремнях на груди висел аквариум, и в аквариуме плавали рыбки, названия которых папа не знал.

— Почём рыбки? — спросила тётинька, стоявшая рядом с папой.

— Три рубля, — мрачно сказал парень, смотря поверх покупателей.

— Это — полтора килограмма мяса! — ужаснулась тётенька.

— И пять с половиной килограммов мороженого морского окуня, — вежливо подсказал папа.

— Арифметику знаю и без вас! — Тётичка смерила папу с ног до головы страшным взглядом.

— Пять с половиной килограммов окуня мы съедим за сколько? Дней за пять, — подсчитал папа. — А на пару таких рыбок можно любоваться вечно.

— Вы это серьёзно? — поинтересовалась тётичка.

— Вполне, — сказал папа.

Мальчишка, скорей всего шестиклассник, долго приценивался, раздумывал, то и дело лазил в карман, наконец решился и протянул продавцу трёпку.

— Вот эту мне! — Он показал пальцем на рыбку, ничем не отличавшуюся от других. Он настаивал, чтобы была выловлена именно эта рыбка, и продавец поймал её сачком и осторожно пересадил в банку.

Мальчишка отошёл в сторонку, всё время держа банку с рыбкой перед глазами. Рыбка закружила так быстро, что мне показалось, в банке плавает живое колечко.

— Я вполне проживу без этой рыбки, — заявила тётичка.

— Несомненно, — вежливо подтвердил папа.

Потом мы ходили вдоль рядов, установленных аквариумами, тазами с живым кормом для рыбок и мешочками с сухим.

— Давай заведём бойцовых! — сказал я папе.

— Подожди. Сначала всё посмотрим. Кстати, если потеряемся, встретимся около вон того дедушки с картиной.

Папа показал на стариичка. Тот сидел на ящике, держа картину в позолоченной раме, и щурился на солнце. А эта рама неприятно била в глаза зайчиками.

— Вдруг он продаст картину и куда-нибудь уйдёт? — сказал я.

Мы подошли поближе. Папа, склонив голову набок, рассмотрел картину и шепнул мне:

— Дедушка никуда отсюда не уйдёт до закрытия рынка. За пятнадцать рублей эту мазню никто не купит.

На картине был нарисован стол, покрытый золочёной скатертью. На столе стояло блюдо. И чего на нём только не было! И яблоки, и груши, и зелёный лук, и куча красных раков, и бледная, как будто недожаренная, курица, и даже непотрошённая щука с раскрытой зубастой пастью. Рядом стояли три круж-

ки пива и гипсовая голова без глаз, как в школьном кабинете рисования. Почему всё это папа назвал мазней, я не понял. По-моему, картина была красива.

— Сколько тех рыбок можно купить вместо картины? — спросил я.

— Пять. Как у тебя в школе дела с арифметикой? — неожиданно поинтересовался папа.

— Идут. Считаю палочки, — ответил я.

Потом мы смотрели на кроликов, и мне не надо было задирать голову, как на рыбьей толкучке.

Кролики лежали в корзинках, в картонных коробках и самодельных загонах из дощечек. Одни спали, другие хрустели морковкой и капустными листьями, а некоторые смотрели на меня, привстав на задние лапки, и, поводя длинными ушами, смешно топорчили губы.

Глаза у кроликов были большие, добрые, а главное, у всех разные: синие, чёрные, коричневые и светло-серые.

Я гладил кроликов, а папа беседовал с продавцами насчёт самой лучшей и выгодной породы.

— Ну, правда, здесь необычно? — то и дело весело спрашивал он, и я кивал головой.

Потом мы очутились на голубиной толкучке. Голубей там было гораздо больше, чем людей, и казалось, что это они разговаривают и торгаются, а голубятники тихо курлыкают.

Папа брал голубей в руки, расправлял им крылья, дул в перышки, осторожно тянул за клюв, потом приценялся и уводил меня за руку дальше.

А около клетки с двумя бело-сиреневыми голубями папа остановился, закрыв глаза, замычал от удовольствия и спросил у продавца:

— Дорогие?

Продавец что-то неохотно ответил, а голуби посмотрели на папу так, словно они были орлами.

Когда мы отошли в сторону, папа объяснил:

— Это — почтовые. Пара стоит больше, чем мой костюм. Да что костюм! Если их выпустить в Минске, они вернутся в Москву. Умницы!

Потом мы купили по паре пирожков с мясом и выпили кваса. Папа веселел прямо на глазах и ругал себя за то, что так давно здесь не был.

Около забора, где продавались белые цып-

лята и курицы, я увидел тётеньку, которая считала, что лучше мороженый окунь, чем красивая рыбка. Я толкнул папу, и мы подошли поближе.

Оказывается, тётенька хотела купить того самого петуха, кукарекнувшего на эскалаторе в метро. Она строго говорила хозяйке, что гребешок у него бледный, а в хвосте не хватает самых красивых перьев.

— А вы посидите целый день в корзине и тоже небось побледнеете, — с обидой сказала хозяйка.

— Мне кажется, что в этом петухе течёт павлинья кровь, — сказал папа, погладив петуха по разноцветному перу, свесившемуся с края корзины. — Купим для домового зоосада?

Я кивнул, и тогда тётенька быстро отдала хозяйке петуха деньги.

Самого петуха со связанными ногами переложили в огромную, с десятком «молний» сумку. Он не вырывался. Только тихо и печально говорил: «Ко-ко-ку-ко», — и глаза его были полузакрыты.

— Простите, сколько рыбок можно было купить вместо петушка? — всё так же вежливо поинтересовался папа.

— Три! — радостно сказала тётенька и охот-

но добавила: — На даче в траве он будет ужасно красив.

— Не забудьте повесить на заборе дощечку: «Осторожно! Злой петух!» — посоветовал пapa.

Очень довольная тётинька улыбнулась и ушла, а из сумки торчал петушиный хвост, похожий на целую связку воронёных сабель.

Мы пошли дальше, туда, откуда всё громче доносился до нас птичий свист. Но я не мог забыть печальное «ко-ко-ку-ко» и спросил у папы:

— Петухи бывают почтовые, как голуби?

— А как же! И рыбы бывают, и птицы, и кошки. Даже черепахи бывают почтовые. Только они долго возвращаются, — пошутил пapa.

— Ну, а теперь тебе всё не кажется серым?

— Пожалуй, мир расцвёл. «Всё стало вокруг голубым и зелёным...» — пропел пapa и потащил меня за руку к воротам, совсем в другую сторону от птичьего свиста.

6

Мы прошлись вдоль чугунной решетки скверика, за которой прогуливались люди с собаками. И все собаки были разных пород.

— Вот главный собачий пассаж, — сказал

папа, когда мы свернули в переулок за Птичьим рынком.

Здесь продавались не только взрослые собаки, но и щенки.

Взрослые собаки прижимались к ногам хозяев, не обращали внимания друг на друга и совсем не лаяли, когда их осматривали.

А щенки так же, как и кролики, тесно лежали в корзинках, сумках и коробках.

Самые маленькие спали, устроившись поудобней. Те, что постарше, копошились, взвизгивали и щурили подёрнутые светлой пленкой глаза,

Изредка нам попадались люди, продававшие кошечек и котят.

Папа объяснил мне, что жёлтые, длинные, голубоглазые кошки с тёмными носочками на лапах и такими же тёмными кончиками ушей привезены из Азии. Из страны Сиам. Это дорогие кошки, но папа купил бы, если бы не длинные когти и скрытный, как у всех кошечек, характер.

Мне показалось: кошки не понимают, что их продают, а собаки понимают и чувствуют. И от этого мне стало так жалко собак, что я захотел уйти опять к птицам.

Но папа не торопился. Он брал щенков на руки, гладил их, прищемлялся, а у хозяина здоровенного пса спросил:

— Простите, а почему вы продаёте собаку, если, как вы говорите, она хороший сторож, умница, жрёт что попало и к тому же не имеет блох?

Хозяин пса немного смущился и хмуро сказал:

— Надо — покупай. Не надо — проходи. Уезжаю я.

Пёс вдруг вскочил и залаял на папу. Папа после этого погрустнел и сказал, когда мы отошли:

— Если бы у нас была собака и мы бы всей семьёй поехали в командировку, скажем, на полюс, — папа помахал рукой над головой, а потом показал под ноги, — или в Антартику... я бы взял собаку с собой... В крайнем случае, оставил бы соседям, родственникам или друзьям.

— А вдруг они не взяли бы?

— В тот самый момент они перестали бы быть моими друзьями и родственниками.

— Правильно, — сказал я.

Конечно, на Птичьем рынке разных животных было меньше, чем в Зоопарке, но зато я первый раз в жизни как следует рассмотрел

острую мордочку ежа с зоркими глазёнками, намотал на руку безвредного желтопузика и увидел сиамских котов с голубыми глазами.

Я всё время тянул папу пойти посмотреть канареек и волнистых попугайчиков, но он никак не хотел уходить с собачьей площадки.

— Давай купим щенка. Что же ходить и смотреть? — предложил я, ни капли не веря в то, что папа купит собаку.

Я предложил просто так. Мы с папой не раз просили у мамы разрешения привести домой собаку, но мама ни за что не разрешала. Она говорила, что щенок — это грязь, блохи, вечные заботы и огромная ответственность.

В ответ на мою просьбу папа молча на меня посмотрел долгим взглядом. Это означало, что он сам всё знает и понимает и нечего делать ему подсказки.

И мы продолжали ходить и смотреть на собак, которые от тоски даже не бросались на кошечки. Да и сами кошки при виде унылых псовых не шипели...

И вдруг сзади меня кто-то громко и радостно крикнул:

— Двапортфеля-а!

Я вздрогнул, но не обернулся. Мне не хотелось, чтобы папа и все люди на рынке узнали

моё прозвище. Я зашёл за папу, а кто-то ещё два раза крикнул, но уже совсем тихо. Наверно, подумал, что с кем-нибудь меня перепутал.

Немного погодя я выглянул из-за папы и увидел Тигру. Папа и мама уже строго отчитывали его за крик в общественном месте.

Тигра заметил, как я выглянул, и погрозил кулаком. За это его взяли за руки и повели дальше от собак.

Вдруг папа с силой дёрнул меня за руку. Мы очутились в толпе, окружавшей кого-то. Папе было тяжело. Он одной рукой тащил меня за собой, а другой — загребал так, словно боком плыл по Чёрному морю, борясь с волнами.

Наконец, запыхавшись, папа пробился в первый ряд. Я задрал голову на человека в очень помятой шляпе. Он держал на руках собаку.

Шерсть у неё была как у козлёнка — длинная, серо-белая, волнис-

тая, а нерасчёсанная чёлка закрывала глаза, и казалось, что собака спит. Но она не спала, потому что чёлка над глазами всё время вздрагивала. И шевелились тёмные курчавые уши.

Я цокнул языком.

Собака потянула носом, направленным прямо на меня, вскинула чёлку. И в это мгновение я успел взглянуть в блеснувшие на солнце, полные слез собачьи глаза.

Не успев ни о чём подумать, я потянул папу за пиджак. Он нагнулся. Я сказал:

— Давай унесём его отсюда! Давай купим!

— Ты думаешь, это будет то самое необычное?

— Конечно! Ушли без собаки, а приходим с собакой. Мы уже переглянулись. Давай быстрей, а то кто-нибудь другой захочет купить!

Папа сложил на груди руки и наморщил лоб. Он задумался.

У хозяина собаки то и дело спрашивали, сколько она стоит. Он коротко отвечал:

— Двадцать.

При этом глаза его как-то неприятно бегали по сторонам, и я подумал, что лучше бы не у собаки глаза были прикрыты чёлкой, а у него.

Услышав цену, многие, даже не торгуюсь,

K cmp. 40

K cmp. 81

выбирались из толпы. Я, не переставая, дёргал папу за пиджак. Наконец он спросил:

— Какой породы щенок?

— Помесь пумы — венгерской овчарки — с деревенской лайкой, — ответил хозяин.

— Разве деревенские лайки бывают?

— Раз бывают городские, значит, есть и деревенские, — сказал хозяин.

— Логично, — заметил папа. — А родословная и вообще документы на него у вас есть?

— Нет. Я вывез пса из Закарпатья. Если думаете, что он краденый, могу предъявить свой паспорт.

Хозяин полез в карман за документами.

— Я вам верю, — сказал папа. — Но родословная у него есть?

— По линии овчарки — пра-пра-прадед был чемпионом Австро-Венгрии. Фон Тюбинген-Млецки. А пра-пра-рабушка — фон Заксен-гузнер. По линии лайки никого из знаменитостей нет.

В толпе засмеялись. Я не понял, шутит хозяин или говорит серьёзно.

Какая-то старушка недовольно заметила:

— Расхваливает! Деньги большие запросил, а домой принесёшь и пожалеешь. То одно, то другое. А рынок — не магазин. Обратно не воротишь.

После этих слов какое-то помятое лицо хозяина задёргалось, и он ехидно сказал ста-рушке:

— К собаке прилагаются запчасти: лапы передняя и задняя, четыре клыка, хвост и дюжина блох.

Кроме меня и папы, все засмеялись, а ста-рушка обиженно вышла из толпы.

— У меня есть вопросы, — сказал папа. — Возраст, имя, характер. Пожалуйста, без шуток.

— Полгода ему примерно. Ни на одно из имён не откликается. Да, да! Характер весёлый. Озорной. У меня не было времени его воспитывать.

— Понимаю, — сказал папа, посмотрев на опухший нос хозяина.

— Что ещё вас интересует? Причина продажи?

— Догадываюсь, — сказал папа, взъерошил и без того растрёпанного щенка, потрепал ему уши и пощупал нос.

«Покупай же! Покупай же!» — молил я про себя папу.

Он попросил поставить щенка на ноги. Хозяин спустил его на землю. Пёс постоял немного и улёгся, уткнувшись носом в вытянутые передние лапы.

Я сел перед ним на корточки и осторожно погладил. Щенок тихо-тихо дрожал. Может быть, он плакал? И не знаю почему, я вдруг почувствовал, что мы не расстанемся.

— Ну что? Купим? — спросил пapa, тоже присев на корточки перед щенком. (Я кивнул.) — Деньги есть. Но мы не подумали о маме. Помнишь, что она сказала, когда мне хотели подарить бульдога?

Я вспомнил. Мама тогда сказала папе:

«Или я, или бульдог. Выбирай!»

«Конечно, ты!» — сказал пapa, но мама обиделась за то, что он задумался перед тем, как ответить...

— То-то и оно-то, — вздохнул пapa, а хозяин между тем снова взял щенка на руки и презрительно смотрел на нас сверху вниз. Кажется, он собрался уходить.

— Уговорим! Вот посмотришь — уговорим! — затеребил я папу.

Он наконец решился, и всё стало происходить, как во сне.

Пapa, не торгаясь, протянул две десятки хозяину, я подставил руки, и мне с минуту не верилось, что на моих руках лежит дрожащий мохнатый щенок.

Хозяин быстро спрятал деньги и, наклонившись к папе, сказал:

— Щенок не краденый. Запомните мою фамилию. — Он раскрыл какое-то удостоверение.

Папа заглянул в него и спросил:

— Аппетит хороший?

— Не избалован. Ест всё. Почкаче водите гулять. Пёс породистый. Зарегистрировать его я не успел. Пока!

Папа слушал с растерянным видом, но отступать уже было некогда.

Затем бывший хозяин таинственно исчез, а мы заметили, что на щенке нет ни ошейника, ни поводка.

Папе пришлось вынуть из брюк ремень и с помощью двух скрепок соорудить ошейник с поводком.

Я убедился, что ремень затянут не туго, крепко зажал его конец в руке и опустил щенка на землю.

— Ну, пошли, Рекс! — убито сказал пapa.

Я догадался, что он, не переставая, думает, как мы придём домой и что скажет мама.

Щенок не откликнулся на имя Рекс. Тогда я легонько дёрнул папин ремешок, и щенок поплёлся за мной, понуро опустив голову, а пapa шёл немного впереди нас, то и дело подтягивая спадавшие брюки. Изредка он оборачивался и выкрикивал то ласково, то строго:

— Трезор!.. Грант!.. Тузик!.. Бэмс!.. Полкан!.. Чандр!.. Тёшка!.. Чоп!.. Ринг!.. Кутя!..

Но наш щенок не обращал никакого внимания на все эти выдуманные папой имена.

Вдруг, разозлившись на это, пapa засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул, и наш щенок даже присел от

испуга, а мне показалось, что от этого страшного свиста в моих ушах заплясали тысячи горошинок и что весь рынок притих на мгновение.

Папа виновато улыбнулся и обратился к толпе:

— Товарищи! Понимаете, я подумал, что нам продали глухонемого щенка. Но он слышит. Слышит! Порадуйтесь этому вместе с нами!

Голубятники стали стыдить папу за то, что он свистит в общественном месте и пугает голубей. Кто-то даже хотел позвать милиционера.

Тогда я потащил папу за пиджак, и он пошёл за мной, извиняясь направо и налево.

Я обиделся, потому что не раз спрашивал, как научиться свистеть двумя пальцами, но папа отвечал, что сам не умеет с детства и других не собирается учить.

Он догадался, о чём я думаю, и весело предложил купить на оставшиеся деньги двух волнистых попугайчиков.

— Скажем маме, что щенки продавались с сопутствующими товарами. Семь бед — один ответ!

У меня сразу пропала вся обида.

— Не надо попугаев. Лучше на такси дое-

дем. В метро нас с собакой не пустят, — сказал я.

Мне было радостно, что мы с папой не потеряли друг друга в такой огромной толпе, и купили щенка, и идём домой, где наша мама, наверно, уже готовит вкусный обед и не знает, что теперь нас будет четверо: папа, мама, щенок и я.

Наш щенок, наверно, принял чью-то длинную ногу в сапоге за столб и поднял уж было лапу, но я вовремя дёрнул за ремешок и побыстрей увёл щенка с территории рынка.

8

Мы заняли очередь на такси. За нами встала тётинька, которая не хотела покупать рыбок, но купила петуха. Папа раскланялся с ней и воскликнул:

— Потрясающая покупка!

В одной руке тётинька держала сумку с петухом, а в другой — картину стариичка с бледной курицей, щукой, яблоками, пивом, раками и безглазым гипсовым человеком.

Чтобы позолоченная рама не пачкалась, тётинька поставила её на туфлю с огромной пряжкой.

— За сколько вам достался этот шедевр? — тихо спросил папа.

— Четыре рубля, — так же тихо ответила тётечка и прижала картину к ноге, подозрительно посмотрев на любопытных зевак.

Папа ещё больше напугал тётечку:

— Такое бывает раз в жизни. Вам чудовищно повезло. Но вы сошли с ума! Такие шедевры в Лондоне возят в бронированных каретах под охраной молодчиков с бесшумными лазерами и мазерами.

Тётечка заулыбалась, не зная, верить папе или нет, а я представил, как на броневик, в котором перевозили тётечку с картиной, напали бандиты — пять Фантомасов, разогнали всю охрану, не побоявшись лазеров и мазеров, и постучали в дверь броневика.

«Кто тут?» — спросила тётечка.

«Свои!» — ответил басом главный Фантомас.

Я представил, как доверчивая тётечка открыла дверь броневика, у неё из рук вырвали картину, но тут из сумки с «молниями» закукарекал Петушок — Золотой гребешок, и все бандиты от страха попадали на землю с поднятыми руками...

Тут щенок почему-то рванулся, но я крепко держал в руке поводок. Мне показалось, что в толпе мелькнуло помятое лицо его бывшего хозяина.

Пока мы стояли в очереди, нас несколько раз спрашивали, сколько мы отдали за щенка. Папа отвечал, что этой собаке нет цены, что она дороже бенгальского тигра, муравьеда и цветного телевизора.

Тётичка даже предложила поменять картину с петухом в придачу на нашего щенка, но папа вежливо отказался...

В такси щенок улёгся на резиновый коврик и прижался к моим ногам. Он всё ещё дрожал.

Папа всю дорогу разговаривал с шофером про новую «Волгу» и собак.

Когда мы въехали на нашу улицу, он вздохнул и уныло посмотрел вокруг, как будто всё так же, как на той неделе, стало для него серым и скучным.

А мне было радостно и празднично. Но всё ещё как следует не верилось, что щенок мой взаправду, что мы вместе будем гулять и играть. Пока он не вырос, я буду его защищать, а потом уж он сам никогда не даст меня в обиду. «А то, что у тебя нет имени, — ерунда! Придумаем! Только не скучай по тому человеку! Не стоит, наверно, из-за него переживать...»

Так я думал и ласково гладил щенка, а он всё доверчивей тыкался в мою ладонь сухим и горячим носом.

На прощание шофер посоветовал не давать щенку каких-то трубчатых костей от куриц, гусей и уток. Потому что он сам однажды подавился такой костью, и её пришлось вытаскивать самым сильным магнитом нашей страны.

Папа скучным голосом объяснил, что никакие магниты не притягивают костей.

Но шофер всё-таки доказал папе, что некоторые магниты притягивают даже гречневую кашу, потому что в ней много железа. Папа слегка застонал — он ненавидел гречневую кашу — и расплатился с шофером. Шофер не велел давать щенку гречих орехов, пирогов с грибами, красной икры, фазанов, крабов и, расхохотавшись, уехал.

А нам совсем было не до шуток.

— Тэк-с, тэк-с, — сказал папа, посмотрев на наше окно, и как следует подтянул брюки. — Действительно, мы совершили нечто необычное. Пошли. Что ж теперь делать... Тэк-с, тэк-с... За мной!

Но щенок не откликнулся на имя Тэкс. Он обнюхал угол нашего дома, потом задрал голову вверх и вздохнул, наверно, подумав: «Большой какой дом. Весь сразу не обнюхаешь».

Когда мы вошли во двор, кто-то сразу закричал:

- Двапортфеля!
- Эгей!
- Он с собакой!

Папа и на этот раз не понял, что Двапортфеля — моё прозвище. А я решил никогда на него не откликаться и тут же догадался: настоящее имя щенка забыли, а он помалкивает, не откликается на другие имена и ждёт, когда назовут правильно. Вот и я так же буду помалкивать, пока им не надоест кричать «Двапортфеля!».

...Мы с трудом прошли сквозь толпу ребят в подъезд. Папа вызвал лифт. Лифтёрша, тётя Кланя, зло предупредила:

— Если кабину будет опоганивать, я ЖЭКу пожалуюсь. С тряпкой теперь за вами ездить?

— Этого ещё не случилось. Зачем шуметь раньше времени? Вот когда случится, тогда и пошумим, соберёмся и пошумим, — тихо сказал папа. — Щенок прекрасно знает правила поведения в лифтах. Он родился и вырос в высотном доме.

— Как зовут-то мохнатого? — угрюмо спросила наша лифтёрша.

— Пока что инкогнито, — сказал папа, подумав.

— Не выговариши! — удивилась тётя Кланя.

— Что за имя Инкогнито? — спросил я папу в лифте.

— Инкогнито —

это не имя. Это означает, что щенок пожелал временно остаться неизвестным.

Поднялись мы благополучно и встали перед нашей дверью.

Мы слышали, как мама скоблит ножом сковородку и что-то весело напевает. Один шаг отделял нас от обеда, а из щели около замка прямо нам в носы ударял запах котлет с луком и дух горячих макарон, которые мама только что переложила из кастрюли в миску с дырочками.

— У-ух, какой обед! — взвыл папа и, набравшись смелости, шепнул мне: — Поднимись на площадку. Я иду первым. Беру огонь на себя.

Я поднялся повыше. Папа как ни в чём не бывало замурлыкал песенку, воткнул ключ в замок и быстро вошёл в квартиру.

Я ждал ни жив ни мёртв, взяв щенка на руки, и заранее решил пообещать маме всё, что угодно, лишь бы не отдавать щенка обратно.

И научиться быстро читать, и не ломать приёмник, и не забывать здороваться с соседями по подъезду, и не пить после обеда холодную воду, и вытираять насухо руки, чтобы не было цыпок, и глотать зимой рыбий жир, и не повторять нехороших слов.

Всё, что мама захочет, я могу пообещать и выполню своё обещание.

Не знаю, сколько я ждал с задремавшим щенком на руках. Вдруг щёлкнул замок, папа вышел на площадку и поманил меня рукой. Сразу было видно, что он брал огонь на себя — он стоял в одних трусиках и в майке и был очень растрёпан, как будто мама намылила ему голову.

Я спустился с лестницы. Папа пропустил меня вперёд, и тут навстречу мне из комнаты вышла рассерженная мама с одёжной щёткой в руках и с запылёнными папиными брюками на плече.

— Вот, — сказал я, сглотнув слюну, и приготовился разреветься.

— Прапрапрадед у него фон Тюбингаузен Второй, а бабка — баронесса фон Глейшвиль-бук, — осторожно заметил папа.

Мама, всё ещё ничего не говоря, вручила ему брюки и щётку. Потом взяла у меня щенка и поддержала его на вытянутых руках перед собой, как меня маленького на фотокарточке.

А щенок — смешной, лохматый, беспомощный — дрыгал задними лапами и сквозь космы, свисавшие со лба, смотрел на маму.

— Бедный пёс! Худоба. Рёбер только из-за шерсти не видно, — наконец сказала мама, и, прислонившись к стене, я вздохнул с облегчением.

Она не разозлилась! Она разрешит! Она бы так не говорила, если бы не хотела разрешить!

— Понимаешь, я вовремя сообразил, что такой пёс, кроме службы и дружбы, даст нам массу шерсти. Мы навяжем носки, свитера, лыжные шапки, а для тебя — пальто джерси, — осмелев, сказал папа. — Мы победим простуду, не будем бюллетенивать и пропускать уроки!

— Пойди на балкон и почисти брюки, —

строго сказала ему мама и сняла со щенка папин ремешок.

Папа радостно ушёл на балкон чистить свои новые брюки. При этом он успел весело подмигнуть мне.

— Ну, а кто за ним будет ухаживать? — спросила мама.

— Как — кто? Всё я буду! И кормить, и гулять, и убирать... если нужно!

— А кто за тебя будет делать уроки? Ты не забыл про свой испытательный срок?

— Наоборот, теперь я буду ещё лучше учиться, — сказал я, и мама засмеялась от слов «ещё лучше».

— Ладно. Посмотрим. Щенок очень милый. Давай договоримся: берём его с испытательным сроком на неделю. Если для тебя и отца собака не игрушка, пусть остаётся. Не будете ухаживать — найдём других, хороших хозяев. Правда, он милый. Но вы с отцом странные люди. У щенка ни имени, ни документов. Ничего! — удивилась мама.

А наш щенок зашёл в большую комнату, постоял, подумал, потом поднял лапу на правую ножку стола.

— Я этого ожидала, — сказала мама. — Неси тряпку.

Я принёс тряпку, вытер лужу, тряпку вы-

жал, вымыл и повесил на нижней жёрдочке балкона.

— Первым делом надо его вымыть, — вдруг решила мама. — Он грязен, как бесёнок. Митя! — позвала она папу, который всё ещё чистил на балконе брюки. — Достань ванночку, в которой мы купали Алёшу.

— Может быть, сначала пообедаем? — недовольно спросил пapa, но мама подтвердила своё решение немедленно вымыть щенка.

10

Пapa полез на полати и достал ванночку, а я поддерживал стремянку, чтобы он не свалился, как совсем недавно с фотоувеличителем.

В это время щенок как неприкаянный слонялся по квартире.

Мы поставили в ванну ванночку, и я никак не мог вспомнить, как меня маленького купали в ней.

Мама насыпала в неё немного шампуня и взбила белую пену. Я вовремя сбежал за щенком, который уже прилаживался к чёрной ножке радиолы.

В ванночке он стоял смирно, но нанюхался пены и пару раз чихнул.

Мама ловко его намылила, и вода вмиг стала грязно-чёрной. Папа покачал головой, сливал эту воду в уборную, и щенка ещё несколько раз намыливали в чистой воде.

Вода постепенно становилась всё светлей и светлей. И щенок тоже.

Потом мы его поставили под душ, прополоскали в слабом растворе марганцовки, промыли глаза и вынули из ванной.

Он вдруг вырвался у меня из рук, побежал в большую комнату, встряхнулся, и обои сразу потемнели от накрапа такого мелкого дождика.

Я бросился на щенка со старой простыней, но он увильнул. Тут мама закричала:

— Кыш! Кыш отсюда!

И вот что интересно: щенок не испугался, а присел от неожиданности и, немножко склонив набок голову, уставился на маму.

— Кыш! — ещё громче мамы крикнул папа, и щенок зашевелил своими длинными ушами, с кончиков которых стекали на пол капельки воды.

— Кыш! Кыш! Иди ко мне! Ну, иди! Иди! — ласково позвал я.

И вдруг наш мокрый, жалкий, худенький щенок подпрыгнул на месте и с такой радостью и силой завилял хвостом, что обрызгал всех нас, и диван, и папину белую рубашку, висевшую на стуле. Мама захочотала.

Тут я наконец опомнился, набросил на щенка простыню, завернул его в неё и стал протирать. Простыня сразу намокла, и маме пришлось доставать моё старое мохнатое полотенце.

— Вот чудо! Неужели Кыш его имя? — сказала мама и прислушалась к этому имени. — Кыш! Кыш!..

Щенок повизгивал у меня под руками, но я всё же протёр его как следует и выпустил из полотенца.

Папа присел на корточки, протянул руку к щенку и сказал:

— Ну что ж, Кыш так Кыш! Прекрасное

имя. Будем знакомиться. Давай лапу. Ну, ну, давай. Вот эту, правую...

Кыш присел, немного подумал и подал папе лапу. Потом подал мне и маме, которая уже успела протереть весь пол тряпкой.

А я всё думал: почему ему понравилось имя Кыш?.. И вдруг догадался и всем объяснил:

— Наверно, старый хозяин прогонял его отовсюду и на каждом шагу орал:

«Кыш! Кыш!» Вот видите? Кыш! Иди ко мне...

Кыш, как учёный пёс, подошёл ко мне и ткнулся носом в коленку.

А папа заметил, что нос у него теперь не сухой и не горячий, как на рынке, а прохладный и влажный.

— Значит, у него хорошее настроение и он нам рад, — решила мама. — А теперь за стол. Обедать!

Чтобы Кыш не был попрошайкой, его на время обеда закрыли в маленькую комнату, где я спал.

И мы сели обедать. Мы ели борщ, а сами говорили только о Кыше. Чем его будем кормить и сколько раз в день. Что ему можно давать, а чего — нельзя.

Папа быстро съел борщ и ждал, когда мама положит в его тарелку мозговую кость. Он

больше всего на свете любил гладить между первым и вторым кость. А мама специально для папы покупала в магазинах мясо с мозговой костью. Папа так всегда и говорил:

«Я ем суп исключительно для того, чтобы подготовить место для работы над костью».

Он и вправду работал над ней так ловко, что приятно было смотреть. Кость — вся в кусочках жира, в хрящиках — под конец этой работы становилась такой, словно целый век пролежала под солнцем...

Папа сидел, слегка прищурившись, и ждал стука кости об тарелку. Но когда этого не произошло, он с удивлением посмотрел на маму и сам полез в кастрюлю. Мама засмеялась и хлопнула его по руке.

— Митя! Теперь все кости мы будем отдавать щенку. Неужели это не ясно?

— Почему же это должно быть ясно? — с обидой спросил пapa.

— Потому, что у щенка растут и развиваются зубы. Я читала, что в это время ему рекомендуют давать кости. Помнишь, как у Алёши прорезались зубы и он тащил в рот что попало?

Мне снова не удалось вспомнить, как у меня чесались зубы.

— Но, кажется, мы не давали ему тогда

глодать мозговые кости? — тихо, с ещё большей обидой сказал папа и, покосившись на конец кости, торчавший из кастрюли, грустно скривил губы...

Я однажды поинтересовался, почему папа так любит мозговые кости и даже рычит, когда их ест. Папа объяснил, что у человека имеется память о самых далёких временах его прошлой жизни и что, наверно, он вспоминает их, когда видит мозговую кость...

Папа сидел нахмутившись. Я ему сказал:

— Ты сам рассказывал, что люди сделали собак домашними, когда жили в пещерах. И что они приучили их к себе вкусными костями. Значит, раньше было не жалко, а теперь пожалел?

По-моему, папа смутился. Он промолчал и съел вместо двух котлет три.

11

После обеда мы пошли кормить Кыша. Наш щенок лежал около батареи. Он уже немного просох и был очень чистым и красивым.

Мы решили, что его место будет в моей комнатке. Поставили миску с борщом и огромной костью около батареи и отошли в сторонку.

Кыш встал, подошёл к миске и вдруг, даже не принюхавшись как следует, набросился на борщ. Только цоканье языком было слышно, пока кость не загремела в пустой миске. Тогда Кыш вытащил кость, положил на пол, а сам лёг рядом, вытянув морду, и замер, словно ждал, когда она рванётся от него, чтобы устроить за ней погоню. Но кость и не собиралась бежать.

Кыш встал, обошёл её со всех сторон, тронул лапой, развернул поудобней, подтащил поближе к окну, чтобы на неё падал свет, прилёг и начал с хрящиков.

Папа, наблюдавший это, вышел из комнаты. Мама прямо тряслась от хохота. И мы с ней тоже вышли, чтобы не мешать Кышу глотать кость.

Только я не удержался, сказал: «Кыш!» — и заглянул в щёлку. Кыш сразу обернулся, ничего не понял, подумал, что ослышался, и снова взялся за дело.

До вечера я два раза выходил с ним гулять на скверик перед нашим домом, но ремешок не снимал.

А папа весь вечер был мрачным. Он то и дело курил, стоя на балконе, хотя вообще был некурящим.

По-моему, ему всё опять казалось серым.

— Может, ты простыл? Или за кость обиделся? — спросила мама.

— Да нет, — отмахнулся папа. — Неужели трудно понять? Я целую неделю собой недоволен. У меня серое настроение.

— Ты не поругался ли с Сергей Сергеевым? Что-то он давно у нас не был?

— Дайте мне побывать в одиночестве, — сказал папа, закрыв балконную дверь.

Мама постелила мне постель. При этом она вынула из-под моей подушки матрасик, который раньше лежал на дне коляски, и сказала:

— Нужно Кыша приучить спать на нём. Но как?

— Очень просто! Давай потрём матрасик о Кышеву спину.

Мы так и сделали, хотя мама сомневалась в успехе, а Кыш вырвался из рук, схватил кость и убежал на кухню. Я стал за ним следить. Он, оказывается, искал, куда бы прятать кость. В кухне ему не понравилось. Там в ящиках лежали пустые банки и, главное, пахло луком.

Тогда он побежал в большую комнату, залез под диван, потом вылез, прошёлся, решил, что под диваном оставить кость никак нельзя, и опять вернулся в нашу комнату.

Вот тут-то мама поверила, что я был прав. Кыш обнюхал матрасик и посмотрел на нас.

— Вот милый пёс! Хочет что-то сказать, но не может, как все собаки, — сказала мама.

— Почему это не может? — возразил я. — Он и говорит. Только ты не понимаешь и никто не понимает.

— А ты?

— А я понимаю! — сказал я, не задумываясь.

— Ну, и что он сказал, когда на нас посмотрел? — спросила мама.

Кыш в этот момент затолкал кость под матрасик и сам на него уселся.

— Вот что он сказал, — объяснил я. — «Какой же я глупый! Ищу, куда спрятать кость! А здесь моё место! И пусть кто-нибудь попробует украсть!»

Кыш тихо, но с угрозой зарычал.

— Вот видишь! — крикнул я радостно. Мама очень удивилась и велела мне ложиться спать, чтобы встать пораньше и вывести Кыша на прогулку.

— Теперь ты перестанешь быть засоней!

Мама потушила свет и ушла. Я разделся, нырнул в кровать и вспомнил весь сегодняшний день.

Как мне утром было обидно, что у меня

такое прозвище — Двапортфеля и что я самый маленький первоклашка... Я вспомнил, как выпустил воробья и муху, как у папы было серое настроение...

Как мы ходили по Птичьему рынку и вдруг неожиданно купили грустного щенка — нашего Кыша...

...И ведь это правда. Вон он, лежит и ровно дышит. Белый клубочек на тёмном матрасике...

И тут я стал такой счастливый, что сразу заснул...

12

Разбудил меня Кыш. Он злобно на кого-то рычал. Я быстро оделся и спросил:

— Кто тебя разозлил?

Кыш перевернулся лапой кость и сказал:

«Там внутри что-то вкусное. Почему оно не выходит, если я хочу его съесть? Р-рал!»

— Вот тебе и р-ра! — сказал я и отвёрткой выковырял из кости кусочки застывшего мозга.

Кыш вмиг слизнул его с пола и попытался заглянуть в дырку: может, этот вкусный хитрый мозг ещё не весь вышел?

Мама из своего старого лакированного ремешка вечером смастерила Кышу ошейник с медным колечком от карниза. Я привязал к нему длинную верёвку и, стараясь не шуметь, вывел Кыша во двор.

Было рано и холодно. Многие жильцы уже спешили на работу. Они останавливались, чтобы погладить весёлого щенка, но я говорил: «Фу!» — и Кыш увиливал из-под чьей-нибудь руки. И жильцы удивлялись, что такой маленький щенок всё соображает.

Я стоял на тротуаре, а Кыш бегал за оградой скверика, делал свои дела и гонялся за крас-

ными и жёлтыми лапками кленовых листьев. Ему было тепло в шубе, а я продрог.

Мама и пapa уже проснулись, когда мы пришли с прогулки.

Я налил в миску молока. В молоко накропшил хлеба. Кыш вдруг завизжал жалобно и забегал по квартире. Наверно, вспомнив своего старого хозяина, он загоревал. Потом успокоился и стал есть.

Пapa в это время включил свою электробритву «Нева» и стал бриться.

Кыш сразу рявкнул, тревожно повёл носом, как будто возле него летал огромный жук и хотел похозяйничать в Кышевой миске, а может, и укусить самого Кыша.

Ззз-у-у-з-зу, — жужжала бритва, и Кыш пополз на этот звук.

Пapa, ничего не подозревая, брился, а Кыш подкрался, подскочил и хотел схватить белого жужжащего «жука», но только задел шнур.

Пapa испугался и чуть не уронил бритву на пол. Кыш завертелся вокруг него и отчаянно залаял.

Тут я закричал:

— Фу! Кыш, фу!

Но пapa для шутки поводил перед Кышевым носом неумолкавшей бритвой, и Кыш прямо обезумел от ярости. Успокоился он тог-

да, когда мама сама разозлилась, прибежала из кухни, выдернула шнур из розетки и сказала папе:

— Мы всех соседей перебудим! А щенок станет нервным из-за этого жужжанья. Видишь, он из себя выходит. Нашёл игрушку!

— Я, кажется, брился и никого не трогал, — ответил папа и снова включил бритву, потому что успел выбрить всего-навсего один подбородок.

А Кыш снова с лаем и визгом бросался на своего врага — бритву. Папа тоже разозлился и начал его отгонять. Тогда я оттащил Кыша в кухню, но и там он лаял так, что я испугался за его горло.

— Митя! Неужели ты не можешь ему уступить? — сказала мама.

— Хорошо. Я уступаю и иду на работу небритым. Пусть Сергей Сергеев скажет, что я бросаю вызов коллективу! — уступил папа и выключил бритву.

«Да, это точно: поссорился со своим лучшим другом дядей Сергей Сергеевым», — подумал я.

Кыш прислушался к тишине, посмотрел на меня и сказал:

«Р-ры! Видел, как я расправился с этим жуком? Я вас всех от него защищу! Р-ры!»

Когда мы стали завтракать, я объяснил

папе, что Кыш нападал на бритву, потому что он наш верный и преданный друг. Папа немного смягчился.

— Может, его предки воевали со всякими жуками, слепнями и прочими вампирами? Но что же, мне теперь из-за этого отращивать бороду?

— Брейся безопасной, — предложила мама.

— А если у меня от неё раздражение?

— Тогда не надо было покупать щенка, в конце концов!

— М-да! Вчера меня лишили кости, а сегодня я не брит!

— Зато ты похож на шкипера с пиратского корабля! — пошутила мама.

— Спасибо за всё! — очень недовольно сказал папа, с жалостью посмотрел на себя в зеркало и ушёл на работу.

— Наверно, у него неприятности, — предложила мама и предупредила меня ещё раз, что если из-за щенка я буду плохо учиться, то его тут же отдадут человеку, который и собак умеет воспитывать, и не отставать в учёбе.

Я тут же заявил, что сам являюсь именно таким человеком.

— Посмотрим, — сказала мама и тоже ушла на работу.

А мне неохота было идти в школу. Опять на каждом шагу слышать: «Двапортфеля! Двапортфеля!» И раскладывать буквы по кармашкам азбуки, и считать палочки, и читать по слогам!.. Когда дома тебя ждёт Кыш!

Тут я ещё раз пожалел, что родился в самом конце августа, а не в середине сентября, но всё же оделся, взял портфель и незаметно улизнул из дома, пока Кыш дремал на матрасике.

13

На первый урок я немного опоздал, потому что смотрел, как заводят мотор экскаватора, и наша учительница Вета Павловна сказала:

— Сероглазов, ты живёшь ближе всех от школы!

— Больше не буду! — ответил я так, как меня учил пapa.

— Садись. У тебя теперь новая соседка.

Я сел на место и посмотрел на свою новую соседку. Она тоже посмотрела на меня и подвинулась на самый краешек скамейки.

— Не бойся. Я ни к кому не пристаю! — шепнул я. — Тебя как зовут?

— Снежка, — ответила моя соседка. И я с завистью подумал: «Какое хорошее прозвище!»

— А тебя как зовут? — спросила она.

— Алексей, — сказал я грустно, потому что ни разу в школе меня никто так не звал.

Вета Павловна, подойдя к нашей парте, сделала нам замечание. Особенно строго она отчитала Снежку и пообещала пересадить её на другую парту.

Мы больше не разговаривали. Я всё время думал про Кыша. Как он там один?

А на большой перемене не выдержал и сбежал домой. Кыш залаял, когда я возился с замком, а когда открыл дверь, бросился на меня с радостным визгом.

«Р-ре! Где ж ты пропадал?» — спросил он.

— В школе, — сказал я. — Ничего не поделаешь. Нам, людям, нужно учиться. Впереди ещё два урока. Ты не скучай. Вот тебе бублик. Когда приду — пообедаем! И ничего не порть.

«Р-ру! Ладно», — согласился Кыш, уныло проводив меня до двери.

14

Я быстро вернулся обратно в школу. Переменка ещё не кончилась. Меня сразу обступили ребята.

K cmp. 118

K cmp. 129

— Двапортфеля! Ты почему не говоришь, что тебе купили собаку? — спросил Тигра.

Я решил никогда не откликаться на прозвище и сделал вид, что не слышу.

— Двапортфеля! — заорал прямо мне в ухо Тигра.

Но я даже не пошевельнулся и замер от страха.

— Ты что, оглох? Двапортфеля!!

Вдруг Снежка вышла из-за парты и тихо сказала Тигре:

— Его зовут Алексей, а не Двапортфеля.

— Что-о? — удивился Тигра и присел от удивления.

Но Снежка не испугалась. Она подошла, стукнула Тигру учебником по голове и повторила:

— Его зовут Алексей, а не Двапортфеля! Тебе ясно?

Тигра заулыбался, как будто не поверил, что какая-то девчонка хватила его, самого высокого в классе, учебником по голове. А Снежка, чтобы он в этом ни капли не сомневался, стукнула ещё раз.

В классе было тихо-тихо. Тигра сидел растерянный и беспомощный. Напасть на Снежку он не решался.

— Запомни! А-лек-сей! Я за него заступаюсь!

— Не Алексей, а Алёшка его зовут, — подсказал кто-то.

— А я говорю — Алексей! — упрямо заявила Снежка, топнув ногой, и никто не захотел с ней спорить. — А ты, Алексей, никого не бойся! Если кто к тебе пристанет, я его сразу чернилами оболью!

Мне стало стыдно, что я всех боюсь, а Снежка не побоялась Тигру, хотя он сильней её в тысячу раз...

Тут зазвенел звонок, и пришла Вета Павловна. Она оглядела всех нас и сказала Тигре:

— Миша Львов! Ты опять забыл дома платок?

— Нет. Вот он, у меня в кармане, — ответил Тигра.

— Так почему ты вытираешь нос промокашкой?

— Потому что так быстрей, — признался Тигра, и он сам и мы вместе с Ветой Павловной засмеялись.

— Пожалуйста, больше так не делай... Ребята! Этот урок будет у нас уроком воспоминаний. Но каждый из вас пусть вспомнит не то, что было год или два назад, а вчерашний

воскресный день. Как вы его провели? Что вам больше всего запомнилось? Только вспоминать будем по очереди. Кто первый? Послушаем Серёжу Козлова. Он раньше всех поднял руку.

Серёжа вышел к доске и сказал:

— Я был на свадьбе у дедушки и бабушки. Свадьба была не простая, а золотая. Бабушка испекла вот такой — больше стола — пирог. И на нём написала слова из поджаристых букв.

— А интересно, что было написано на пироге? — спросила Вета Павловна.

— Я хотел прочитать, а пирог съели вместе с буквами.

— Ничего, Серёжа! Скоро мы научимся читать быстро. Мы рады, что тебе пришлось побывать на золотой свадьбе бабушки и дедушки.

— У меня бабушка год назад умерла, — шепнула я Снежке.

— А у меня дедушку на войне убили, — ответила Снежка.

После Серёжи Жора Фёдоров вспомнил, как он был с сестрёнкой в Кукольном театре и в перерыве пил лимонад...

А Маша Бочарова сажала под окном сирень и потом смотрела телевизор...

А Оля Данова, по прозвищу Ога, ездила с папой и мамой в лес и пекла в костре картошку...

А Митя Вишневский ходил с братом на футбол, потерялся во втором тайме и про него объявляли по радио.

А Кац был в Зоомузее и отломал ребро от огромного первобытного ящера. За это его папа чуть не заплатил штраф и целый час прикреплял ребро на место.

А Ревик Бабаджанян ездил во Внуково провожать бабушку и видел новый самолёт...

Но интересней всех вспомнил Миша Яковлев.

Папа повёл его на ВДНХ. Они катались по выставке в маленьких вагончиках. Потом пошли смотреть ракету «Восток», в которой Гагарин летал над всей Землёй. Когда папа разговорился с каким-то знакомым, Миша подошёл к ракете и быстро поднялся по лесенке в кабину. Там он уселся в кресло, посмотрел в круглое окошко и нажал красную кнопку. Внизу сразу загрохотало. Миша сначала испугался, что без разрешения улетает в космос и даже не знает, какую нажимать кнопку для возвращения обратно, но вспомнил, что теперь умеют делать стыковку ко-

раблей на орбите и, значит, за ним прилетит или Титов, или Леонов и возьмут на буксир.

— Но ракета не взлетела. Она была привязана, — сказал Миша с сожалением. — Посмотрел я вокруг из круглого окошка, потом сошёл вниз, и мне здорово попало.

Этот рассказ мы слушали с большим интересом, хотя кто-то с задней парты угрюмо заметил:

— Враки!

За это Вета Павловна сделала ему замечание, а Мишу похвалила, но вместе с тем не велела больше лазить куда попало, если мы пойдём на экскурсию.

— Сероглазов! Смелей поднимай руку! Не стесняйся!

Мне очень хотелось вспомнить, как мы с папой купили Кыша и как на рынке было интересно, и я про всё это рассказал. Вета Павловна меня похвалила и вдруг подошла к Тигре. Он плакал, согнувшись над партой.

— Миша Львов! Что с тобой? Кто тебя обидел? — спросила Вета Павловна, положив ему руку на плечо, но он только всхлипывал и ничего не отвечал.

У Снежки был виноватый вид. Она думала, что это из-за неё плачет Тигра.

Вета Павловна наклонилась к нему, и я услышал, как Тигра сказал:

— Всё было плохо... совсем плохо...

После этих слов он перестал реветь и приложил к щеке промокашку, а рассказывать, что у него было плохого, отказался.

15

На последнем уроке я опять только и думал о Кыше и сразу же после звонка хотел убежать домой, но Вета Павловна велела нам построиться и организованно идти в раздевалку.

Снежка и я шли первыми. Старшеклассники, смотря на нас, удивлённо говорили:

— Двапортфеля! Ну и кнопка!

В конце коридора мы остановились около большой школьной стенгазеты, и Вета Павловна показала на фотокарточку парня в купальной шапочке. Одной рукой он держался за поручни. Лицо у него было счастливое, всё в капельках воды. Он вылезал из бассейна.

Я не сразу узнал его из-за купальной шапочки и улыбки. Это был Рудик Барышкин. Девятиклассник, мой сосед по подъезду и хозяин немецкой овчарки Геры. Он никогда почему-то не улыбался, ходил задрав нос и

ни с кем не здоровался. Я рассказал об этом Снежке.

— Сразу видно — воображала! — сказала Снежка.

А Вета Павловна объяснила:

— Ребята! Это Рудик Барышкин. Ученик нашей школы и известный чемпион по плаванию. Делайте по утрам зарядку. Страйтесь — и вы будете рослыми, сильными и ловкими, как он. А может быть, тоже установите новые рекорды.

— Меня к врачам водили, и зарядкой я занимался, и гантели поднимал, и эспандер растягивал, а всё равно плохо вырастаю, — сказал я Снежке.

— Зато у тебя фамилия Сероглазов, и совсем это не главное, чтобы быть длинным, — успокоила меня Снежка.

Вета Павловна ещё что-то рассказывала про Рудика Барышкина и его рекорды, но я не выдержал и сбежал домой к Кышу, хотя знал, что завтра мне попадёт за нарушение дисциплины.

16

Я открыл дверь, и у меня потемнело в глазах: в коридоре валялась скатерть с обеденного стола. Наверно, стоявшая на ней ваза с

георгинами упала и разбилась. Пол был усеян обрывками «Огонька». На них лежал изжёванный галстук.

Сам Кыш не выбежал ко мне навстречу, потому что был занят делом: он подпрыгивал и хватал зубами верёвочку выключателя с белым шариком на конце. Её из-за меня сделали длинной.

При этом две лампы в люстре то гасли, то зажигались. Кышу это очень нравилось. Я сразу забыл про всё, что он натворил, и стал учить Кыша зажигать свет по команде. И научил.

Но скоро Кышу надоело подпрыгивать, и он стал как угорелый носиться по квартире и цапать меня за брюки.

Тогда я взял и привязал его к батарейной трубе рядом с матрасиком.

Кыш сразу тихонько заскулил. Наверно, вспомнил, как его привязывали в другом доме.

После этого я осмотрел всю квартиру. Ваза чудом не разбилась, а георгины были разобраны прямо по лепестку. На чёрных ножках приёмника виднелись белые царапины. Кыш точил об ножки зубы.

В кухне он тоже натворил дел. Нужно было срочно приниматься за уборку.

Тут вдруг позвонила мама по телефону и спросила:

— Как дела в школе?

— Всё так же, — сказал я, — ко мне на парту Снежку посадили.

— Кого? Кого? — не поняла мама. — И не на парту, а за парту.

— Она Тигру укротила, — объяснил я.

— Не заговаривай мне зубы! Как себя вёл Кыш?

— На четвёрку, — ответил я, подумав.

— А точнее?

— На четвёрку с плюсом.

— Ты в этом уверен?

— А как же! — воскликнул я, потому что и вправду был уверен в отметке.

Ведь пятёрку поставить Кышу никак было нельзя. А тройку тоже. Он, конечно, изжал папин галстук с золотой ниткой, но зато исправился и научился зажигать и тушить свет. Значит, я правильно рассудил, что Кыш достоин четвёрки. А плюс — это уже добавка за весёлое настроение...

— Пообедайте, погуляйте, и садись за уроки, — сказала мама.

Я пообещал ей, что так и сделаю, и повесил трубку.

Но на душе у меня было тоскливо. Неиз-

вестно, согласится ли мама с моей отметкой Кышу. И не отдаст ли его за всё, что он натворил, другим людям.

— Ты знаешь, что у тебя испытательный срок? — спросил я Кыша как можно строже.

«Знаю. Как же не знать. Р-рр! Думаешь, весело тут одному?» — проскулил Кыш.

— Не весело. Сам сидел один дома, когда гриппом болел, но я же не делал такого беспорядка в квартире!

Кыш промолчал. Мне показалось, что он не поверил. И правильно сделал. Я, когда болел гриппом и не ходил в сад, натворил ещё больше, чем он. Я без спроса пылесосил комнату и сам не заметил, как в пылесос попал деревянный флакончик розового масла, билеты в кино, мамина заколка с камешком и сетка для волос...

— Так что веди себя как следует, — сказал я Кышу.

«Больше не буду», — пообещал он, присев и поджав одну лапу.

17

Потом мы поели и пошли гулять. Ребят во дворе не было, ко мне никто не приставал, и я учил Кыша шагать рядом, но он не слушался и заигрывал с поводком.

Вдруг во двор из нашего подъезда вышел гулять со своей овчаркой знаменитый пловец Рудик Барышкин.

Кыш увидел Геру, завилял хвостом и потянул меня к ней. Причём хвостом он вилял так сильно, что его заваливало в разные стороны. Мы подошли поближе. Гера тоже заметила Кыша, присела, навострила уши, немножко наклонив голову, но хвостом не виляла.

— Откуда у тебя этот пигмей? — спросил Рудик. Он смотрел на меня сверху вниз, противно скривив губы.

Я не знал, что такое пигмей, и рассказал Рудику, как мы купили Кыша и что документов на него нам не дали. Но он является помесью породистых собак со знаменитыми працадедушками.

— Пигмей — это порода? — спросил я Рудика.

— Да, — сказал Рудик.

Кыш так и рвался поиграть с Герой. Уж он и визжал, и лаял, и просил меня, задрав голову:

«Отпусти хоть на минуточку! Я ничего плохого не сделаю этой большой собаке... Мы поиграем! Отпусти! Жалко тебе? Да?»

И я уже хотел отпустить Кыша, но тут Рудик, не разжимая губ, зачем-то сказал Гере:

— Фас!

Гера молча, как акула, бросилась на Кыша, а он рванулся ей навстречу. Ведь он не мог понять, что она нападает и хочет его укусить.

У меня внутри всё похолодело от страха за Кыша, но я успел дёрнуть верёвку, и Кыш, взвизгнув, отлетел к моим ногам перед самой оскаленной мордой Геры, с налитыми кровью глазами.

Гера так и лязгала зубами. А Рудик улыбался, вытянув в ниточку свои тонкие губы.

Я первый раз видел, как он улыбается, и от этой улыбки его лицо было ещё злее и противней.

Он с трудом удерживал рвущуюся с цепоч-

ки Геру и успокоил её в одну секунду коротким «фу!».

Никогда ещё мне не было так страшно, как в эту минуту. И только я подумал, что всё страшное позади, как Рудик ещё раз сказал:

— Фас!

Гера снова взвилась на дыбы от злости, и снова это слово «фу!» её успокоило.

А дрожащий Кыш, ничего не понимая, выглядывал из-за моих ног.

Правда, я и сам не понял, зачем приучать собаку нападать на другую собаку, да ещё к тому же меньше её ростом.

Рудик и Гера ушли со двора как ни в чём не бывало.

Напоследок Рудик обернулся и серьёзно сказал:

— В следующий раз захвати с собой перец и горчицу, чтобы Гера с аппетитом ела твоего пигмея...

Гера так громко лаяла при этом, что наши соседи выглянули из окон и вышли на балконы.

— Безобразие! Автомобилям запретили гудеть, а собаки лают!

— Мало одного страшилища, вторая появилась!

Мне было обидно-обидно. А Кыш после этой истории ходил за мной тихий, какой-то прибитый, не вспугивал голубей, не гонялся за опавшими листьями и, изредка поскуливая, спрашивал:

«Ну, что я ей сделал? Не знаешь?»

— Не знаю сам, — сказал я Кышу и послушал рукой: бьётся у него сердце от страха или не бьётся?

Сердце Кыша билось часто-часто. Тогда я расстегнул рубаху и приложил руку к своей груди. Моё сердце билось ещё чаще, чем у Кыша.

— Трусишки мы с тобой! — сказал я, и мне расхотелось гулять. К тому же надо было делать уроки. Писать в тетрадке чёрточки, крючки и другие линии от букв и цифр.

18

Перед тем как сесть за уроки, я взял ключ и пошёл проверить почтовый ящик. Мне показалось, что в нём сквозь дырочку что-то белеет.

Газеты папа забирал утром, а это, наверно, было письмо или девятый номер «Юного натуралиста». Я очень любил этот журнал, и он всегда приходил вовремя. В нём было много

интересных картинок и снимков разных зверей.

Кыша я опять привязал к батарее, чтобы не набедокурил, и спустился на второй этаж.

На площадке, перед общеподъездным почтовым ящиком, обступив почтальона, почему-то шумели наши соседи. Я открыл ключом дверцу. Наш ящик был пуст. Соседи подозрительно посмотрели на меня.

— Скажите, «Весёлые картинки» и «Юный натуралист» девятый номер уже разносили? — спросил я у почтальонши.

— Ну, вот и «Натуралиста» спёрли! Если у вас вор завёлся, я ни при чём. Десять лет работаю и жалоб не имею, — сказала почтальонша.

Вообще-то и раньше из наших ящиков иногда пропадали газеты и журналы, но это было редко. А сегодня и на той неделе, оказывается, пропал «Огонёк» Сизова, «Здоровье» Кроткиной, «Цветоводство» и «Пчеловодство» Бабаджаняна.

Кроме того, регулярно пропадали газеты с тиражными таблицами вещевой лотереи.

— Ужас! Мне трудно поверить, что на это способен человек из нашего подъезда! — сказала Кроткина.

— А что вы на меня смотрите? — не выдержав, возмутился я. — У самого крадут!

— И я тут ни при чём! Сами разбирайтесь, — сказала почтальонша и ушла.

— Нужно установить наблюдение за ящиками, — предложил Бабаджанян.

— Ведь ключ имеют негодяи от общего замка. Оптом воруют, хоть не подписывайся, — загоревал пенсионер Сизов.

Я пошёл домой. Мне тоже было грустно. Ждёшь, ждёшь целый месяц нового номера, а у тебя его крадут из-под носа.

— Кыш! — сказал я, вернувшись. — Давай с тобой поймаем этого нехорошего человека! Сам я не справлюсь. У меня нюха нет, а ты можешь след взять. Поймаем?

«Пр-ы! Мой знаменитый прапрапрадедушка и не таких ловил!» — обрадовался Кыш и два раза чихнул, словно прочищал нос для лучшего обнюхивания следа.

Мне уже было не до уроков. Я представил, как Кыш выслеживает похитителей газет и журналов. Как мы гонимся за ними, а они отстреливаются и ранят Кыша. Но их арестовывают, а Кыша на вертолёте «скорой помощи» везут на операцию. И вот тут-то я отдаю для переливания Кышу свою кровь, потому что у него много вытекло при ранении...

Кыш ходил со мной рядом и чуял, о чём я думаю: он понимающе рычал и потякивал.

— Теперь нужно подумать, как выследить, — сказал я ему.

«Вот и додумывайся. Для этого у тебя голова имеется, а я уж буду донохиваться», — ответил Кыш.

19

Сначала я всё же прибрался в квартире, вытер новые лужи и даже разгладил утюгом изжёванный Кышем папин галстук. При этом немного запахло жареным, и на галстуке в одном месте пропали белые звёздочки.

Потом я поставил перед собой часы, чтобы проверить, за сколько времени я додумаюсь, как выследить похитителя журналов, сел и начал думать.

И ровно за двенадцать минут придумал хитрую ловушку.

Я взял старый журнал «Знание — сила», выгляdevший, как новенький, достал из-под матраса Кышеву кость, сам обнюхал её и наёт ею обложку журнала. Потом вышел и незаметно, когда никого не было на площадке, положил пахнущий костью журнал в наш почтовый ящик.

Теперь надо было терпеливо ждать, когда журнал похитят, и заметить это вовремя. Если вор живёт в нашем подъезде, то не может быть, чтобы Кыш не нашёл его по запаху своей самой лучшей, любимой кости. Правда, запах был бы сильней от рыбьего жира, но вдруг Кыш не любит, как я, рыбьего жира.

— Была бы ловушка, а воришка в неё попадёт, — сказал я Кышу, вернувшись.

20

Когда пришли с работы папа и мама, я им всё рассказал про ловушку и попросил не вынимать из ящика журнал.

Попало мне за то, что я не успел сделать уроки. А за всё, что натворил Кыш, меня неожиданно не ругали. Мама только строго напомнила про испытательный срок и не удивилась, когда я, подёргав верёвочку, сказал Кышу:

— Свет!

Он подпрыгнул — и люстра зажглась.

Папу это не обрадовало. Он был злой и небритый и с неприязнью косился на Кыша.

Вдруг мама обратила внимание на сноп красных солнечных лучей, бивших в окно. Кыш сидел в конце этого снопа прямо в цен-

тре большого зайчика и вилял хвостом. Папа посмотрел и ничего не понял. Я тоже не понял.

— Кыш виляет хвостом и поднимает всю пыль в квартире. Она столбом стоит. Вот в лучах всё видно, — объяснила мама.

Тут мы с папой, конечно, заметили, как в солнечном луче носятся миллиарды пылинок, поднятые в воздух Кышевым виляющим хвостом.

— Новое дело, — хмуро сказала мама. — Теперь всё будет в пыли. А я буду ходить за Кышем с тряпкой и всё вытираТЬ. Спасибо!

— На место! — крикнул я Кышу, топнув ногой.

Он, поджав хвост, поплёлся из комнаты, не понимая, за что я на него крикнул.

А папа захотел отыграться за то, что ему не дали кость, и за то, что он небритый. Он сказал маме:

— Одно из двух: или мы совместно будем каждый день бороться с пылью, или ампутируем нашей собаке хвост. Сведём, так сказать, на нет виляющий момент, и всё будет в порядке. И вообще: если щенок вносит в нашу жизнь столько неудобств, то, возможно, следует ему подыскать новых хозяев? — Папа начинал расходиться. — А ты хочешь ость-

ся на второй год в первом классе? Почему не сделал уроки? Думаешь, обучать щенка важней, чем учиться самому? Он уже сам зажигает свет, а ты никак не научишься читать по слогам!

— А зачем меня в школу отдали? Я самый маленький в ней! Меня дразнят Двумяпорт-фелями! Надо было написать в метриках, что я родился второго сентября, а не тридцать первого августа. Я бы ещё год ходил в сад и читать научился, — сказал я и тут же пожалел об этом.

— Так, значит, если бы ты тогда умел говорить, ты посоветовал бы мне подделать твои метрики? Тебе жаль, что ты в начале жизни не обманул государство? — тихо спросил пapa.

Я замотал головой, потому что не помнил, чтобы у меня когда-нибудь появлялось такое желание.

Мама молча всё это слушала. У неё с папой — я ещё раньше понял — был договор: когда он меня ругает, она молчит, а когда она — помалкивает пapa.

— Митя, если ты кончил, то скажу кое-что я, — наконец вмешалась мама.

— Нет! — заупрямился пapa. — Разговор далеко не окончен! Прошла целая школьная неделя, а в твоих тетрадках кляксы и какие-

то червяки вместо прямых линий! У тебя, может быть, дрожит рука?

— Она как-то не двигается, — сказал я.

— А при разборке моей кинокамеры у тебя двигалась рука?

— Двигалась, — сказали.

— Короче говоря, мне всё ясно, — заявил папа и после этого неожиданно потребовал, чтобы в течение завтрашнего дня Кыш был обучен не наливать на полу лужи.

— Митя! Пойдём подышим свежим воздухом, — вдруг предложила мама.

Это значило, что она не хочет, чтобы я присутствовал при её серьёзном разговоре с папой.

— Там холодно, — поёжившись, сказал папа.

— Надень пальто.

— Но оно на полатях.

— А ты достань. Пора, — сказала мама, и папе ко всему прочему пришлось доставать пальто, а мне снова держать стремянку.

Потом они ушли дышать свежим воздухом.

Кыш уныло лежал на матрасике. Он как будто чувствовал себя виноватым.

«Завтра привяжу его, когда пойду в школу, пока привыкнет не устраивать везде ералаш», — подумал я и посмотрел в окно.

Папа и мама не спеша ходили по скверику. Папа что-то горячо доказывал, размахивая руками.

Я сел за уроки и начал новую тетрадку. А Кыш встал за стул, стоявший перед моим столиком, и смотрел, как я вывожу пером чёрточки и нолики и макаю ручку в чернила. От интереса он высунул язык, но не мешал мне. Наоборот, у меня получилось несколько очень ровных палочек с хорошим нажимом и совсем мало клякс. Потом я учился читать по слогам.

Потом вернулись мама и папа. Папа сказал:

— Знал бы, никогда не стал бы есть пуд соли с этим человеком! Предатель дружбы!

— Всё-таки, по-моему, ты неправ, — сказала мама. — И пока не признаешь это, будешь злиться.

— Никогда! О-о! Никогда! — воскликнул папа и проверил мои тетрадки.

Перед сном я спросил, кто из его друзей оказался предателем дружбы.

— Дядя Сергей Сергеев, — сказал папа.

— Значит, выходит, пуд соли зря пропал?

— Ещё есть какие-нибудь вопросы? — сухо поинтересовался папа.

У нас была договорённость: для того чтобы

не теребить папу каждые десять минут разными вопросами, я должен был их копить целый день и вечером задавать все сразу.

— Что такое пигмей? — спросил я.

— На этот вопрос я отвечу завтра, — сказал папа. — Всё остальное ясно?

— А почему дядя Сергей Сергеев — предатель? Что он сделал?

— Станешь взрослым — поймёшь! — сказал папа. — И зря ты обижаяешься на прозвище Двапортфеля. Прекрасное и очень редкое прозвище. Такие бывают только у индейцев. Помнишь, я читал про одного индейца? Его звали «Он Красит Волосы В Рыжий Цвет». Так что не обижайся.

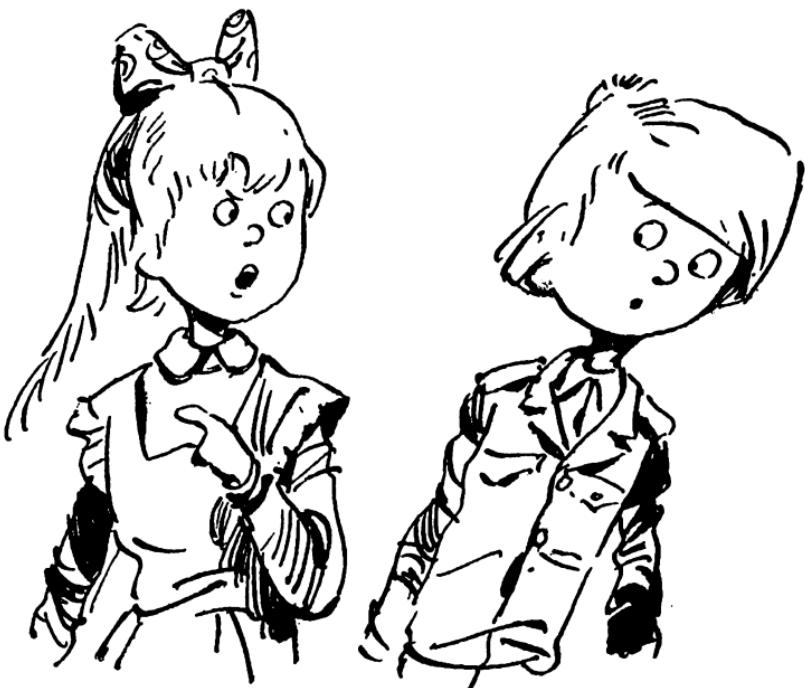
— А у тебя в первом классе какое было прозвище?

— Булка. Меня звали Булкой, потому что я любил есть на уроках. Потом отвык. Ну, спи, — сказал папа...

21

Утром перед школой я так и сделал, как задумал: привязал Кыша. Поставил рядом миску молока, блюдце с водой и отрезал кусок колбасы.

— Не вздумай перегрызть верёвку, — ска-

зал я ему. — Мне тоже приходится как привязанному сидеть за партой по сорок пять минут. А переменки маленькие. На уроке, если повернёшься не так, сразу тебе замечание делают. И до звонка из класса никуда не выйдешь. Понял?

«Пр-ы! Ничего я не понял. Иди уж, а то опять опоздаешь!» — сказал Кыш, и я пошёл в школу, но на этот раз не опоздал.

Мотор экскаватора завели без меня. Он пыхтел, пуская в небо синие колечки, а машинист прилаживал к стреле вместо ковша огромную железяку, похожую на бомбу...

В классе на меня сразу набросилась Снежка:

— Ты почему вчера от всех убежал и меня бросил?

— Кыш был голодный и очень бедокурил, — сказал я ей.

— Больше так не делай. Надо прощаться.

Когда начался урок, Снежка сказала мне:

— Давай поспорим, что я сейчас на уроке саблю проглочу и съем!

— А на что поспорим? — спросил я, даже не успев подумать, откуда у Снежки взялась сабля.

То, что их глотают некоторые люди, я знал из рассказов папы про цирк.

— На любое желание давай спорить, — сказала Снежка. — «Американка» называется такой спор.

Вета Павловна как раз в этот момент смотрела в другую сторону. Мы ударили по рукам, а Оля Данова, по прозвищу Ога, разняла наши руки.

Снежка вытащила из портфеля какой-то предмет, завёрнутый в жирную бумагу, и положила его на коленки.

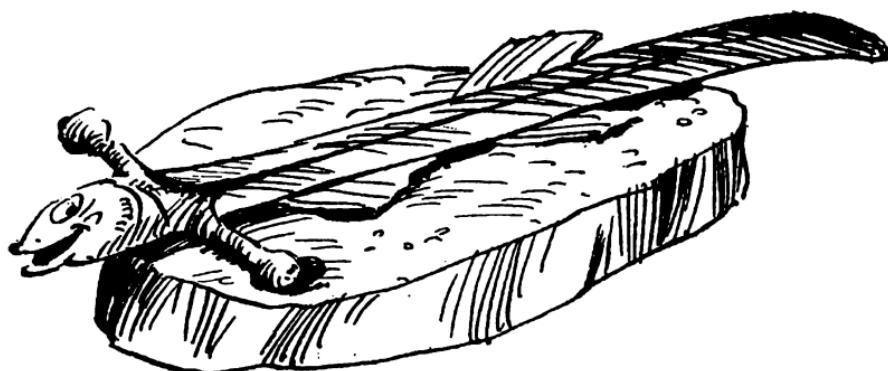
— Может, не надо глотать на уроке? Подождём переменки, — шепнул я.

— Я позавтракать не успела, — сказала

Снежка и достала кусочек булки. — С хлебом сабля вкусней. Ну, смотри!

Я раскрыл рот от волнения, а Снежка вынула из бумаги что-то ржаво-сине-серебристое, только без ручки. Она откусила кусок, пожевала и проглотила. Потом откусила ещё кусок и с набитым ртом сказала:

— Это сабля, но только жареная рыба. Не догадался? Ты проиграл!

Я захотел на весь класс, и к нашей парте тут же подошла Вета Павловна:

— Сероглазов! Ты почему смеёшься? Встань!

— Мне смешно стало, — сказал я правду, потому что обещал папе никогда не врать учителям.

— Почему смешно? Молчишь? Садись. Снежана Соколова, встань. Что у вас здесь происходит?

Снежка быстро успела всё проглотить и сказала:

— Можно, я вам на ухо объясню?

— Нет, нельзя. Нехорошо при всех шептаться и некрасиво.

Тогда Снежка бесстрашно рассказала, как поспорила со мной, что съест на уроке саблю с хлебом, потому что не успела дома позавтракать, и показала всему классу недоеденный кусок этой заморской рыбы.

— А ещё в магазине есть рыба — жареный капитан, — добавила Снежка, и все ребята и Вета Павловна долго смеялись.

Но вдруг Вета Павловна нахмурилась, села за стол, задумалась и спросила:

— Кто мне ответит: что такое дисциплина?

— Это когда нужно обязательно делать то, что заставляют, — подняв руку, оттараторила Снежка.

— Так вот что: заставляют — это не то слово, — сказала Вета Павловна. — Мне очень не хочется заставлять вас учиться, заставлять внимательно меня слушать, а не есть жаренную саблю. Заставлять чисто писать, хорошо считать и читать. Вы должны сами — понимаете! — са-ми хорошо учиться и хорошо себя вести. А для чего вам нужно хорошо учить-

ся? Кто нам скажет? Пожалуйста, Миша Львов!

— Хорошо учиться нужно, чтобы всё знать, — сказал Тигра.

— А почему тебе хочется всё знать?

— Интересно, — сказал Тигра.

— А для чего нужна хорошая дисциплина?
(Многие ребята подняли руки.) Нам ответит Оля Данова.

— Плохая дисциплина мешает учиться, — тихо сказала Ога, которая разнимала наши руки при споре.

— Снежана Соколова! Теперь тебе ясно, что такое дисциплина?

— Я догадалась, — сказала Снежка. — Это когда сама себя заставляешь обязательно сделать что-нибудь хорошее.

— Молодец! Кстати, ты могла спросить разрешения, и я позволила бы тебе тихонько съесть жареную саблю. И мы не потеряли бы из-за неё столько времени. Сероглазов, а тебе ясно, почему нельзя ни с того ни с сего смеяться на уроке?

— Чтобы не мешать другим учиться, если хотя бы и смешно, — ответил я.

— Молодец! Садись,

Вета Павловна продолжала урок.

«Вот если бы она сообщила папе и маме, что я молодец, совсем было бы хорошо», — подумал я.

22

На переменке Тигра подошёл ко мне и спросил:

— Двапортфеля! Ну, как твой щенок? Он, наверно, забылся, когда сказал Двапортфеля, и испуганно посмотрел на рассердившуюся Снежку. Но я без обиды ответил Тигре:

— Щенок хороший. Весёлый. Только дисциплины у него мало. Делает не всё, что заставляешь.

— Э-эх! — почему-то сказал Тигра и убежал в коридор.

Снежке я объяснил, что у меня прозвище редкое. Оно — как у индейцев, и я буду на него откликаться.

— Как хочешь, Алексей. Ты не забыл про спор?

Я согласился, что проиграл, хотя сабля была жареная, и спросил, какое Снежкино желание нужно выполнить.

— На последнем уроке скажу. Надо ещё придумать, — сказала Снежка.

На большой переменке я опять, как вчера, быстро сбежал домой.

Кыш не бросился мне навстречу и не завилял хвостом. До молока, воды и кусочка колбасы он не дотронулся. Он лежал, уткнувшись мордой в передние лапы, как на Птичьем рынке, когда его продавали. Я присел на корточки и, откинув рукой чёлку, заглянул Кышу в глаза. Они были тёмно-коричневые и влажные, как вишни после дождика. Кыш здорово на меня обиделся. Я погладил его и сказал:

— Кыш! Сначала я тебя заставляю и приучаю к дисциплине, а потом ты к ней привыкнешь и сам себя будешь заставлять. И у нас, у людей, тоже так. Вот первого сентября на уроке я взял и вышел из класса. Без спроса. А меня поймали, посадили на место и велели сидеть до звонка. В общем, привязали, как я тебя. И теперь я всё понял и до переменки из класса не ухожу. Ты мне ещё спасибо скажешь. И не обижайся. Я же не обижаюсь на Вету Павловну. Она хорошая и добрая. И я тоже хороший и добрый. Но ведь если я тебя отвяжу, ты что-нибудь обязатель но изжуёшь или разобьёшь?

«Рр-а!» — согласился Кыш.

— То-то. Будь здоров. Скоро приду, — ска-

зал я, вытер лужу около батареи и побежал в школу.

В подъезде я успел заглянуть в почтовый ящик. Журнал-ловушка не был похищен...

23

На последнем уроке я вдруг задумался: почему кошки, которые глупее собак, понимают, что нужно «ходить» в ящичек с песком, а щенки этого не понимают и их выводят на улицу? А если хозяин, например, ушёл на целый день в школу, а дома никого нет? Плохо дело. Нужно изобретение придумать!..

...Вета Павловна что-то объясняла, а я “чертит в тетрадке по чистописанию ящички для щенков. И вдруг я додумался до изобретения. Но, забывшись, от радости и ещё оттого, что долго думал о Кыше, я пролаял:

— А-ав!

Я тоже, как Снежка, на секунду забыл про дисциплину, и вот что получилось.

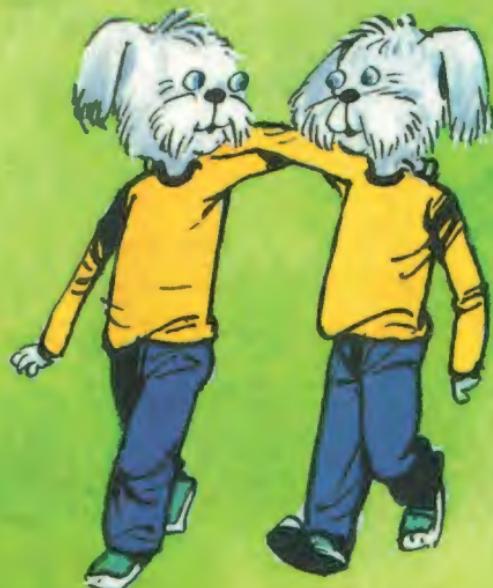
Тут в классе поднялся такой хохот, что в класс заглянул проходивший по коридору завуч.

Я от горя и страха готов был провалиться сквозь землю.

Но Вета Павловна не стала ругать меня пе-

К сmp. 164

ред завучем. Она что-то тихо ему объяснила. Завуч посмотрел на меня, почему-то вздохнул и ушёл из класса.

— Сероглазое! Твой папа работает только днём? — спросила Вета Павловна.

— Да, — ответил я и ещё больше захотел провалиться сквозь землю.

— Попадёт тебе, — шепнула Снежка. — Но я приду и заступлюсь за тебя. Я знаю, почему ты залаял. Ты про щенка думал. А я в детском саду тоже мяукала, когда скучала по кошке Цапке. Тебе кто страшней — завуч или директор?

— Завуч, — ответил я и знаком попросил Снежку замолчать.

Мне было не до разговоров. Кыша-то я привязал для дисциплины, а сам не слушаю объяснений, изобретаю уборную для щенков и, главное, ляю прямо на уроке. Ничего себе воспитатель щенка! Вот придёт вечером Вета Павловна, расскажет про всё папе и маме, и тогда — прощай Кыш!.. Но нет! Я этого не допущу!

Меня зло взяло, и я заставил себя внимательно слушать урок.

Вета Павловна три раза вызывала меня повторять, и я повторял без ошибки. На третий

раз она сказала, что я могу быть дисциплинированным и сообразительным. Нужно только как следует захотеть, и я всегда буду молодцом.

— Вот это я больше всего люблю, когда сначала ругают, а потом хвалят, — не удержавшись, опять шепнула Снежка и получила замечание.

— Снежана Соколова! — сказала Вета Павловна. — Я пересажу тебя за другую парту. А ведь ты обещала хорошо влиять на Сероглазова!

— Это я случайно последние разы забываю про дисциплину. Скоро я ни одного замечания не получу, — пообещала Снежка.

— Посмотрим, — сказала Вета Павловна, построила нас в пары и предупредила, чтобы никто не убегал без спроса, как вчера Алёша Сероглазов.

Но я и сам бы не убежал. Я старался не забывать про дисциплину.

В коридоре около стенгазеты опять толпились старшеклассницы, а Рудик Барышкин им что-то рассказывал. И никто не знал, что он вчера натравливал большую злую собаку на малыша Кыsha...

На улице Снежка наконец сказала мне своё желание. Она хотела, чтобы я завтра принёс в школу щенка.

— Прямо на урок? — ужаснулся я. Но Снежка согласилась, что можно принести Кыша на переменке, а потом отнести обратно.

— Лучше ты приходи ко мне и смотри на него сколько хочешь, — сказал я. — И у меня, и у Кыша испытательный срок. Если он попадётся в школе, знаешь что будет?

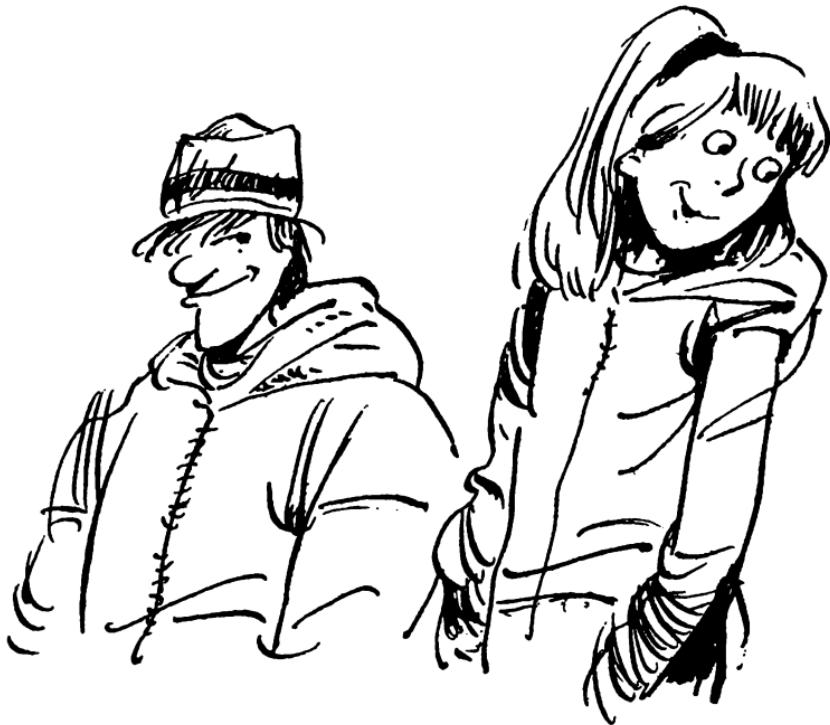
— Скажи уж: струсили, — усмехнулась Снежка. — Я тебе сказала своё желание, а ты струсили.

— Не струсили, а дисциплина, — сказал я. — Вот кончится испытательный срок и принесу Кыша. Честное слово.

— Ну ладно, — смягчилась Снежка. — А знаешь, какое желание у меня было сначала? Фамилию твою взять. Мне она очень нравится.

— Обыкновенная фамилия. Бери, если хочешь, — сказал я.

— Я бы взяла. И мне бы говорили: «Соколова-Сероглазова! Иди к доске». Ведь у нас в классе есть девочка с двойной фамилией — Иванова-Зеленко. Только так нельзя. Я уже узнавала у бабушки, — пожалела Снежка.

Напоследок она спросила номер моей квартиры, пообещала как-нибудь зайти, и мы попрощались...

24

Как только я отвязал Кыша, он сразу забыл про обиду, запрыгал вокруг меня, стараясь лизнуть руку и радостно визжа.

Я налил супа себе и ему. Он посмотрел на миску, понюхал её, запевелил ушами и спросил:

«Рр-а! А где же кость?»

— Сегодня нет кости. Вот позанимаемся, пойдём в магазин и купим за девяносто копеек суповой набор. Там много костей. Хватит и тебе и папе. Ешь.

Кыш вытащил из-под матрасика кость, положил её в миску и только тогда начал лакать суп.

«Ну и ну! — удивился я. — Прямо в моего папу!»

В подъезде, когда мы шли гулять и в магазин, нас обогнал Рудик Барышкин с Герой. Мы с Кышем встали в угол, уступив им дорогу, но Рудик, проходя мимо нас, дёрнул Геру за поводок. Она замерла, раскрыв пасть, не рычала, не лаяла, только шерсть у неё на загривке встала дыбом и глаза налились кровью.

А маленький Кныш подумал, что, если Гера не рычит, значит, ей захотелось наконец с ним поиграть, и робко завилял хвостом.

Я крепко держал в руке поводок. У меня в этот раз не было ни страха, ни обиды. Мне стало как-то холодно и пусто, и снова я никак не мог понять, зачем взрослому Рудику и огромной Гере над нами издеваться. А страха у меня не было.

Рудик с Герой, наверно, вдоволь порадовались, смотря на нас с Кышем, загнанных в угол.

Мы вышли на улицу за ними следом.

Оказывается, их ждала у подъезда та самая девочка-старшеклассница Оля, которая, когда первого сентября мне было обидно и грустно, погладила меня по голове и велела не вешать нос.

Оля улыбнулась, заметив нас, и, как в тот

раз, мне стало сразу легче и веселей. Рудик что-то сказал ей, показав пальцем в нашу сторону...

Мы пошли с Кышем в магазин покупать суповой набор, в котором было много хороших костей. Кыш постепенно привыкалходить со мною рядом и не путаться в ногах.

Купив всё, что велела мама, мы вернулись домой.

В подъезде я заглянул в почтовый ящик и от волнения, как на уроке, всё перепутав, сказал Кышу:

— Пр-ы!

А Кыш переспросил:

«Пр-а?»

Я быстро сбежал за ключиком, открыл ящик, поднял Кыша и велел нюхать. И помоему, Кыш учゅял запах своей любимой кости.

Он спрыгнул на пол и потянул меня вверх по лестнице. Мы прямо взлетели на четвёртый этаж.

Я задыхался от волнения. Ноздри у Кыша так и трепетали, когда он в последний раз принюхался, перепроверил себя и с лаем бросился на обитую чёрной кожей дверь сорок первой квартиры. А я нажал кнопку звонка.

Я сообразил, что Кыш меня привёл к две-

ри квартиры Рудика только тогда, когда мы после Гериного рыка слетели с лестницы ещё быстрее, чем взлетели.

Наверно, пока мы были в магазине, Рудик успел прогулять Геру, оставил её дома, а сам с Олей опять куда-то ушёл.

Кыш весь трясся от возмущения. Я старался обдумать, что его привело к Рудику: действительно запах кости или просто собачий след? И неужели сам Рудик — чемпион по плаванию — является похитителем газет и журналов?

— Кыш, там пахло костью или тебе показалось? — спросил я.

«Pp-a! Pp-a! И ещё раз pp-a!» — сказал Кыш.

Тогда я достал с полатей кость (я незаметно спрятал её туда раньше) и отдал обрадованному Кышу. Это я сделал для того, чтобы он не думал, что Гера ворует его кости. Зачем же зря наговаривать на собаку, даже если она злая и нападает на слабых.

Про эту историю я решил сразу рассказать папе, а до его прихода делал уроки. Кыш мне не мешал. Наоборот, помогал. Ему опять было интересно смотреть, как на бумаге появляются палочки и различные закорючки от букв.

В этот день мама два раза звонила, спрашивала, как дела, и сказала, что после работы пойдёт по магазинам. Она осталась довольна, что у нас всё в порядке.

25

Наконец после домашних заданий я мог заняться своим изобретением для Кыша.

Я подготовил сначала все инструменты: молоток, пилку, гвозди. Ящичек нужно было сделать широким, с невысокими краями.

Весь фокус в том, рассудил я, что щенки не «ходят» в ящик, потому что там нет столбика, у которого они поднимают лапу. Значит, нужно поставить столбик и провести испытание.

Сколотить ящик было просто. На дне его, на крестовине, я укрепил столбик, насыпал песка с мелкой галькой, который принёс состройки, и стал ждать начала испытаний.

Как только Кыш налил очередную лужу, я ткнул его в неё носом, потом подвёл к ящику и ткнул носом в столбик. И так несколько раз.

Самое главное было впереди. Я следил за Кышем, отгонял от ножек стола и приёмника, и наконец он всё понял. Только при этом

раскидал по полу песок. Но я от радости закричал:

— Ур-ра! Ур-ра!

А Кыш сказал:

«Хорошее какое изобретение! Что ж ты раньше не додумался?»

— Потому что в институте не учился, — ответил я и ещё раз крикнул: — Ура!

В этот момент папа открыл ключом дверь и хмуро спросил, какое радостное событие произошло в нашей квартире.

Я показал ему ящик и объяснил, как он действует. При этом Кыш сам, без моего приказа, провёл дополнительное испытание.

Папа прямо в пальто и кепке присел от удивления на стул.

— Сам дошёл до этой идеи? — спросил он.

— Конечно, сам. Я же не умею читать! — сказал я.

— Ты ещё раз доказал, что всё гениальное — просто! Прекрасная инженерная мысль! Несмотря на абсолютную неграмотность. Молодец! — Папа снова нахмурился. — Чего не скажешь обо мне. Ну что ж! Когда научишься, напишешь заявку на изобретение, и тебе дадут патент. Я предвижу, что лицензии на производство этого ящика купит большинство развитых и развивающихся стран. Ты будешь

знаменит. Тебе присвоят звание лучшего друга собак.

Папа шутил, но я понимал, что ему грустно из-за каких-то неудач.

Он поел и лёг на диван, закинув руки за голову. Потом я подождал, пока он почтает газету, и рассказал про то, что у многих соседей опять пропали журналы, а у нас «Юный натуралист» и «Весёлые картинки».

Услышав про ловушку в нашем почтовом ящике, папа сказал, что это уже чепуха и неудачная инженерная мысль, но когда он узнал, как Кыш сразу взял след и привёл меня к квартире, то вскочил с дивана и на его щеках запрыгали желваки.

— Если Кыш ошибся, то мы зря обидим человека, — сказал папа, — хотя этот надменный хлыщик давно мне не нравится. Ты говоришь: в стенгазете его портрет? Может быть, ему показалось, что таким, как он, всё дозволено? Но я рядовой подписчик и не позволю нагло красть из своего ящика газеты и журналы. Пошли! Что-о? Душа ушла в пятки? Трус! — с презрением сказал папа. — Чемпиона и его собаки испугался? Ты всего боишься! Марш за мной! Я из тебя сделаю смелого человека!

— Ты знаешь, какая она, эта Гера? Она нас обоих искусает, и нам будут уколы делать!

— Я сказал: «Марш за мной» — или не сказал? — крикнул папа.

— Пошли. Посмотрим, во что нас превратят, — сказал я и привязал Кыша к батарее, чтобы он не рвался за нами.

26

Мы спустились на четвёртый этаж. Папа позвонил, и Гера яростно взвыла, как будто пришли обворовывать.

Дверь открыл Рудик в тренировочном костюме. И сверху вниз взглянул на нас с папой. Гера выглядывала из-за его спины, угрожающе рыча.

— Здравствуйте, — сказал папа.

— Привет. Родичей нет дома. Гера! Фу! — сказал Рудик.

— А мне, собственно, нужно поговорить именно с сами, — сказал папа.

— О чём это нам говорить? — грубо спросил Рудик, и Гера, почувствовав в его тоне угрозу, оскалясь, залаяла.

Вид у Рудика был встревоженный, и он прихлопнул спиной дверь своей комнаты.

Гера, лязгая зубами, рвалась к папе. У меня

сердце ушло в пятки и всё внутри похолодело от страха. Но папа вдруг на весь подъезд крикнул Гере:

— Щыц! — замахнулся на неё рукой, топнул ногой, и Гера, мгновенно поджав хвост, шарахнулась в дальний конец коридора.

Оттуда она уже не залаяла, а жалко тявкнула.

Из соседних квартир на бешеный лай Геры вышли жильцы. Рудик растерялся.

— Может быть, пригласите для разговора в квартиру, а то я что-то не наблюдаю ни в вас, ни в собаке большой внутренней культуры, — сказал папа.

И то, что Рудик растерялся, а Гера забилась в угол, показалось мне чудом.

— Входите, — сквозь зубы сказал Рудик.

— Дело вот в чём, — сказал папа, когда мы вошли и закрыли дверь, — сегодня один из жильцов нашего подъезда видел, как вы доставали из моего ящика журнал «Знание — сила»...

От меня не ускользнуло, что Рудик изменился в лице, хотя папа всего-навсего брал его на пушку.

— Да. Вас, — подтвердил папа. — Если жилец ошибается, я буду рад принести вам свои извинения.

Тут дверь, перед которой стоял Рудик, немножко отворилась, папа встал на цыпочки, стараясь заглянуть туда, но Рудик оттолкнул его, потому что был выше, и размахнулся для удара. Папа как-то весь сжался, но при ударе не увернулся, а поймал Рудикову руку.

Рудик ахнул, присел на корточки и, раскрыв рот, смотрел теперь уже снизу вверх на

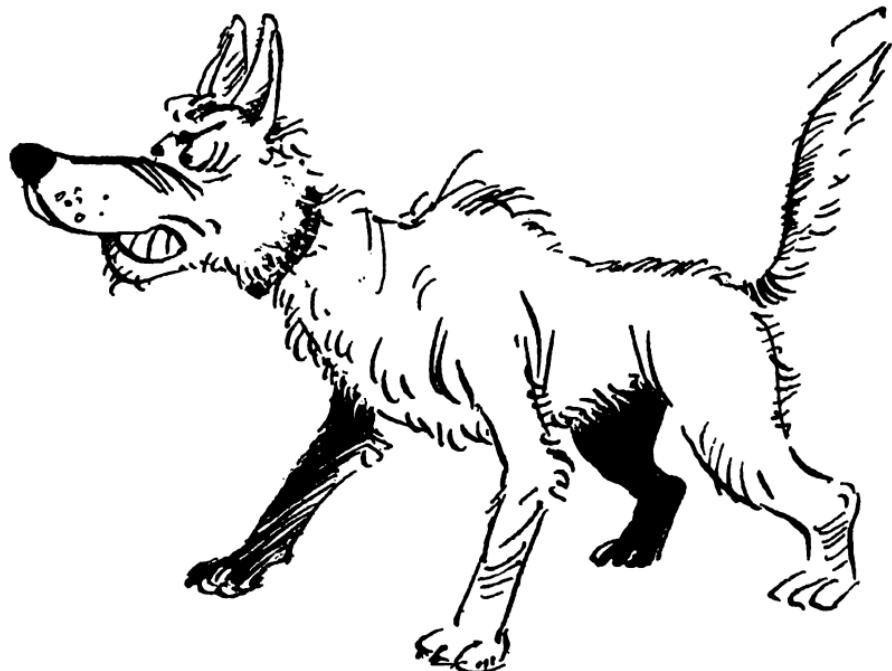
моего папу. Гера при этом даже не думала рычать, лёжа на своём месте.

А мне стало стыдно, что я раньше папы не бросился на Рудика.

— Ящик был открыт, и журнал валялся на полу, — сдавленным голосом сказал Рудик.

— Вот это другой разговор, — усмехнулся папа. — Прошу вернуть журнал. Кстати, он старый. Вы попали в ловушку. Советую, не дожидаясь вызова милиции, вернуть все похищенные вами журналы. Если они не уничтожены...

Рудик поднялся с пола, прямо зелёный от ненависти к папе и страха.

Он зашёл в комнату и вернулся с целой кипой журналов.

— Всё это будет возвращено владельцам, — сказал папа, брезгливо посмотрев на Рудика. — Может быть, что-нибудь скажете в своё оправдание? (Рудик молчал.) Мне жаль, что вы испортили эту прекрасную овчарку. Вы передали ей ряд своих гнусных черт. Мелкую надменность и трусость. У неё ваш характер, — добавил папа, приветливо свистнув Гере.

Вдруг щёлкнул замок. В квартиру вошли отец Рудика и старший брат — лётчик. Они удивились, увидев нас, и поздоровались.

Папа извинился за вторжение в квартиру и мрачно объяснил, что за история произошла с журналами.

— Это так? — спросил у Рудика отец.

Рудик ничего не ответил, криво улыбнувшись.

Напоследок папа попросил изолировать от Рудика прекрасную собаку Геру. Отец и брат Рудика прямо сникли от такого позора. Но папу они заверили, что эту минуту Рудик будет помнить всю жизнь.

Самым неожиданным было то, что папа перед уходом подошёл к лежащей Гере,

присел, погладил её и ласково потрепал за ушами.

— Подонок! — услышал я крик старшего брата, когда за нами захлопнулась дверь.

А соседи как толпились на площадке, так и продолжали толпиться. Их стало ещё больше. Они пришли с других этажей. И все поняли, что случилось что-то необычное.

Пенсионер Сизов, увидев у папы в руках «Огонёк», обо всём догадался.

Папа раздал все журналы, а часть просил передать подписчикам.

— Неужели молодой человек способен на это! — удивилась Кроткина, которой вернули «Здоровье», и горько покачала головой.

Но больше всех бушевал Бабаджанян, у которого Рудик стащил «Цветоводство» и «Пчеловодство», и Недзвицкий — подписчик «Деревообрабатывающей промышленности».

По их настоянию жильцы решили в ближайшие же дни устроить товарищеский суд.

— Молодому человеку это пойдёт на пользу, — сказала Кроткина.

— Такой красивый мальчик, и вот на тебе, — пожалел кто-то.

Но я подумал, что никакой он не красивый. Это мой папа красивый, хотя он небри-

тый из-за Кыша, почти лысый и ростом ниже всех жильцов...

Товарищеский суд над Рудиком было решено устроить завтра вечером.

Между прочим, папа предложил этот суд не устраивать, потому что отец Рудика — серьёзный,уважаемый человек, брат — военный лётчик, а лётчики, папе это точно известно, с такими людьми, как Рудик, не очень-тоцацаются. Но папу не послушали. Тогда мы пошли домой

27

— Столкнёшься вот с таким в жизни, и прямо тошно становится. Прямо под душ хочется залезть и долго отмывать пемзой руки, — сказал папа.

— А ты возьми и залезь, — посоветовал я.

Под душ папа всё же не полез, а руки с мылом вымыл. Потом пришла мама. Я отвязал Кыша, подвёл его к ящику со столбиком, и Кыш доказал, что моё изобретение работает, как часы.

Папа опять стал меня хвалить:

— В Москве два раза в год рождаются тысячи лаек, овчарок, терьеров, пуделей, дворняг,

боксёров, и хозяева ходят за ними с тряпкой. Я горжусь моим сыном! Он уже сделал кое-что полезное для человечества и его друзей — собак!

Мама, конечно, смеялась. Кыш, почувствовав, что всем весело, так и носился по квартире, а мне было не до смеха, когда я вспомнил, что должна прийти Вета Павловна жаловаться на мою дисциплину. После этого папа сразу перестанет гордиться своим сыном, и сегодняшняя заслуга перед человечеством мне не поможет.

Но Вета Павловна всё не приходила.

Я последний раз вывел Кыша во двор. Гера на этот раз прогуливалась с братом Рудика — военным лётчиком. Она рявкнула, увидев Кыша, и он её тут же усмирил.

— Если б ты знал, — сказал я папе перед сном, — как я ненавижу этих проклятых, злющих немецких овчарок! Ты сам мне читал, как они кусали пленных в лагерях и до самой смерти затравливали беглецов! Ненавижу!

— Ты брось эти штучки! — сказал папа. — Собаки здесь ни при чём. Это их хозяева во всём виноваты. Приучают собак к подлости — они и будут подлецами. Для них травля без-

защитных плennых становится охотой. А ты почему ненавидел овчарок?

Я промолчал. Папа сам приучил меня к тому, чтобы не жаловаться.

— А что ты скажешь о псах-героях, которые взрывали эшелоны с фашистами, выносили раненых из боя?.. Находили и находят краденое... Овчарки водят на улицах слепых... Нянчат детей... Всё дело в воспитании. Рудик испортил Геру, потому что сам бесчестен и труслив... И смелой преданности в Гере ни на грош! Настоящий пёс умрёт, а защитит хозяина. Вот так... Теперь, представь, что ты поехал туристом в Альпы. Вдруг метель. Ты сбился с дороги, замёрз как цуцик и подумал: «Каюк! Прощай, родимая турбаза! Прощайте, папа и мама!» Тут ты ещё попал под лавину снега. Каюк, и всё! Но люди послали по твоему следу огромного сенбернара. И он нашёл тебя. Ура! А на груди у него мешочек, а в мешочке бутылочка... э-э... чая... Ты глотнёшь глоточек горячего чая, согреешься, прижмёшься к тёплому мохнатому псу, заплачешь от счастья и поклянёшься до конца своих дней его не забыть. А ведь этого пса могли натаскать на ограбление путников. Так что брось эти штучки — ненавидеть породу овчарок,

если Гера тебя обидела. Она здесь ни при чём. Хозяин виноват во всём. И учти: Кыша нужно воспитывать, а не играть, как с котёнком. Он должен быть смелым, преданным, честным и весёлым. А как он будет смелым, если ты сам трусишка? Ты маленький — значит будь удаленьkim!

Папа не добавил, «как я», но я и так понял, что нужно никого не бояться, как он.

— Вопросы есть? — спросил папа.

— Ты задолжал мне ответ про пигмеев, — сказал я.

— Это африканское племя. Ростом они малы, вроде нас с тобой, но зато как рыба в воде чувствуют себя в лесу. Путешественники самого лучшего о них мнения.

— А чем они питаются?

— Охотятся на зверей. Очень любят вкусные корни и кузнечиков.

— А ты бы съел кузнечика?

— Мы с Сергей Сергеевым во время войны змею съели. Есть ещё вопросы?

— Я всё не пойму, почему вдруг дядя Сергей Сергеев стал предателем вашей дружбы. Взяли бы и помирились.

— Никогда! — вдруг вскрикнул папа и заходил по комнате. — Лучшему другу воткнуть нож в спину! Вовек не прощу!

Засыпая, я представил, как я поднялся высоко-высоко в горы Альпы и вдруг разбушевалась метель. Свист... Тьма-тьмущая... Вернее, тьма снежная... И тут ещё какой-то сугроб обвалился на меня. Я струсил, выбился из сил и сказал сквозь слезы:

«Прощай, родная турбаза! И мама! И папа! И Кыш! И Снежка! И Вета Павловна! И даже завуч! Все прощайте! Каюк!»

Но тут ко мне неожиданно подбирается овчарка Гера. Я обрадовался, обнял её, вынул из мешочка горячую бутылку, глотнул чайку и сказал доброй спасительнице Гере:

«Клянусь, я тебя никогда до конца своих дней не забуду!»

И Гера помогла мне добраться сквозь метель до родной турбазы...

Ночью я проснулся от того, что за стеной два раза громко вскрикнул папа. Я на цыпочках подошёл к спальнем.

Папе, наверно, приснилось что-то страшное. Он вдруг заворочался и заговорил во сне:

— Проверь вакуум! Каждый винтик проверь! Следи за приборами! Я не могу быть неправ! Я всегда прав! Никто точней меня не знает, сколько дней осталось до зарплаты!..

Я пошёл спать и утром спросил у папы, сколько дней осталось до зарплаты.

— Не знаю, не считал, — удивился пapa. — Зачем тебе?

— Нужно, — ответил я и подумал, что пapa просто похвалился во сне.

А может быть, точно так же он кажется себе во сне во всём правым, а на самом деле виноват и поэтому настроение у него серое?

— Я слышал, как ты во сне говорил про вакуум, — сказал я.

Папа схватился за голову. Он был в ужасе.

— Не смей никому рассказывать. Я всю жизнь боялся выболтать во сне военную тайну! И вот на тебе! Свершилось!

— Митя! Не забивай с утра голову ребёнка чепухой! — сказала мама. — Он же на уроках будет думать о военных тайнах и этом дурацком вакууме!

Я хотел спросить, что такое вакуум, но пошёл прогулять Кыша, чтобы пapa в это время побрился электробритвой.

Он включил её, как только захлопнулась дверь, но Кыш поднял лай и ни за что не хотел уходить из подъезда.

Я взял его на руки, но он вырвался и ещё

бешеней залаял, как будто по глупости мы не понимали грозящей нам опасности, а он, Кыш, всё видел и понимал.

Конечно, при этом проснулись соседи, выглянули из квартир и стали меня ругать.

Лаял Кыш недолго: папа догадался выключить бритву.

Но эти секунды показались мне часами.

— О собаках тоже пора поставить вопрос на товарищеском суде, — сказал кто-то.

Я спорить не стал и вывел Кыша на улицу.

— Ты понимаешь, что если ещё будешь будить соседей, то попадёшь под товарищеский суд? И я вместе с тобой! Ну что тебе эта бритва? Плюнь ты на неё! Нашёл себе врага! Забудь!

«Рр-ав! И не подумаю забывать! Я всех защищу от этого большого жука! Рр-ав!»

30

По дороге в школу я встретил Снежку. На ней был красный плащ с капюшоном и белые ботики.

«Это, пожалуй, красиво», — подумал я.

— Слушай, а почему ты не здороваешься? — сказала Снежка. — Я хочу, чтобы ты говорил мне «доброе утро» и «всего хорошего». Я на-

рочно тебе навстречу шла. Я тебе вопрос задам. У меня есть кошка Цапка. Ей три года. Знаешь, сколько она денег проела за это время, если съедает в день тридцать копеек?

— Сколько? — спросил я.

— Вот это надо подсчитать. Рыбка, молочко, колбаска. Твой щенок ещё больше проедает.

— Тебе что — жалко?

— Ни капли, просто интересно. А мы не умеем считать, — пожалела Снежка.

— Ну, раз не жалко, то пойдём после уроков к моей маме. Она на вычислительной станции работает. Тут недалеко, — предложил я, обрадовавшись, что Снежка не жадина для своей кошки.

На двух уроках в этот день мы с ней не получили ни одного замечания. А в конце второго урока я вдруг вспомнил, что папа велел мне никогда не трусить, и решил, не откладывая дела на неделю, принести в школу Кыша. Раз проиграл, значит, надо выполнить Снежкино желание.

Представлять, что из всего этого получится, мне не хотелось. И без представления было страшно. По-моему, никогда мне не было так страшно.

Ещё не прозвенел звонок, а во рту у меня стало кисло и в ногах появилась противная слабость.

«Вот и настал тот самый момент, когда надо проявлять смелость, — подумал я, услышав звонок на большую переменку. — А то какая же смелость, если ни капли не страшно?»

Ничего не сказав Снежке, я сбежал домой. Кыш вёл себя хорошо, потому что перед уходом в школу я достал с полатей свои старые игрушки и надувного крокодила и дал Кышу поиграть.

Пингвин со свистком так ему понравился, что он даже не бросился мне навстречу. Кыш сжимал зубами резинового пингвина, который при этом посвистывал, и раздумывал, что это означает.

— Пойдём в школу. Только быстрей, а то опоздаем, — сказал я, погрузив Кыша в здоровенную сумку из-под картошки.

Нести её было тяжело. Но ноги у меня подгибались не от тяжести, а от страха.

«Не трусь. Не трусь. Видал, как папа умирил Геру и Рудика. Вот и не трусь!» — говорил я сам себе для смелости.

Хорошо, что переменка ещё не кончилась. Суматоха в коридоре была такая, что на сум-

ку с собакой никто из ребят не обратил внимания.

Я положил её под парту, а сам уселся в ожидании звонка.

Миша Яковлев, собрав вокруг себя любопытных, рассказывал, как он купался летом в Чёрном море, нырнул в маске и застрял в подводных скалах. Но он не испугался, начал выкарабкиваться и бороться за жизнь. Боролся он долго. Все думали, что Миша утонул, и очень удивились, увидев его.

— Наверно, я дышал, как рыба. Потому что если бы я не дышал, как рыба, то давно задохнулся бы, — сказал Миша.

— Что же ты, совсем не заметил, как дышал? — удивился кто-то.

— А ты замечаешь, как дышишь?.. Вот и помалкивай, — сказал Миша, и никто ему ничего не возразил.

31

Но вот начался урок. Кыш лежал в сумке, не шевелясь и не поскуливая. Я перестал трусить. Всё равно отступать было некуда. Я шепнул Снежке:

— Мы в расчёте. Больше я не должен тебе своего желания.

Снежка ничего не поняла. Тогда я нагнулся, побольше открыл «молнию», Кыш высунул голову, и Снежка его увидела.

Но вели мы себя так, что Вета Павловна ни о чём не догадалась.

Снежка сделала знак, что мы в расчёте и что я молодец. Сама она, по-моему, немного перетрусила и от волнения закусила губу.

И всё было бы хорошо. И урок кончился бы благополучно, хотя время тянулось медленно, если бы по коридору мимо нашего класса не прошла общая школьная кошка по имени Миска. Проходя мимо, она ещё зачем-то громко мяукнула, и я не успел удержать Кыша.

Он выпрыгнул из сумки и стрелой пролетел к двери, очень напугав Вету Павловну. На дверь Кыш налетел с ходу грудью, она открылась, и через секунду в коридоре поднялся такой кошачий вой и шип, что я, чувствуя непоправимое, затрясся от страха.

В моей голове промелькнуло: «Всё! Теперь мама отдаст Кыша в другой дом, другим людям... Отдаст из-за меня!..»

Больше я ни о чём не успел подумать, без спроса вылетел из-за парты и бросился оттаскивать Кыша от кошки.

В коридор уже выбежали ребята и учителя из соседних классов.

Школьная кошка Миска, спасаясь от Кыша, вспрыгнула на подоконник и шипела, дугой выгнув спину. Вся она была взъерошена, как ёрш, которым моют молочные бутылки.

Кыш молча, словно он вышел на охоту, подскакивал, стараясь лапой сбить с подоконника Миску, а Миска выла и орала.

Я схватил Кыша в охапку, крича: «Фу! Фу!» И все ребята вокруг захохотали. Конечно, им было весело: вдруг посреди урока посмотреть бой собаки с кошкой. Учителя стали загонять всех обратно в классы, и вот тут-то передо мной возник неизвестно откуда взявшийся завуч.

— Твоя собака? — спросил он.

— Ик... ик... ик... — только и смог ответить я, прижимая Кыша к груди.

— Сероглазов! Я ещё раз спрашиваю: твоя собака?

— Ма... ик... ма... ик, — снова заикался я.

На моё счастье, рядом со мной оказалась Снежка. Она раза четыре стукнула меня по спине кулаком, я перестал икать, немного опомнился и наконец ответил:

— Это не собака, он ещё щенок.

При этом я с благодарностью взглянул на Снежку. Не стукни она меня четыре раза по спине, все продолжали бы хохотать, а я ещё глубже провалился бы сквозь землю.

— Вета Павловна, продолжайте занятия. Мы с Сероглазовым зайдём ко мне в кабинет... Всем! Живо по классам! — сказал завуч, и всех как ветром сдуло из коридора.

Миска всё ещё стояла на подоконнике и шипела тихо-тихо, как прошитый футбольный мяч.

Мы с завучем остались одни в пустом огромном коридоре. Кыш внимательно смотрел на завуча, забыв про кошку. Он понимал, что завуч опасней для него и для меня, чем кошка, и собирался зарычать. А завуч смотрел на Кыша и на меня.

Потом мы зашли к нему в кабинет. Завуч сел за стол, долго думал и спросил:

— Тебе, Сероглазов, нравится учиться в школе?

— Сначала не нравилось, а теперь... ниче-

го... нравится, — сказал я, решив с этой минуты ничего и никого всю жизнь не бояться.

— А ты знаешь, что у тебя испытательный срок?

— У всех у нас испытательный срок, — сказал я, нарочно вздохнув поглубже.

— У кого это — у всех? — спросил завуч. — У меня, например, нет испытательного срока.

— Кышу моя мама назначила испытание на неделю... и если вы скажете... его исключат... то есть выгонят от нас... Не говорите... Я больше не буду! — попросил я.

— Так... так. Значит, у вас обоих испытательный срок? Тем более и ты и он должны быть образцом поведения. А что мы видим? Один приносит второго в класс, а второй нападает на беззащитную кошку. И оба срывают урок. Зачем ты его принёс?

В кабинете завуч был совсем не такой страшный, как в коридоре. Он ждал моего ответа, постукивая карандашом по столу.

Я подумал, что если рассказать всю правду, то может попасть Снежке. Ведь я только проспорил желание, а само-то желание придумала она, а не я. Врать завучу мне не хотелось, а что делать, я не знал.

Я стоял и помалкивал, а завуч ждал и по-

стукивал карандашом по столу. И страшней всего было то, что я ничего не мог придумать лучше правды.

Вдруг раздался стук в дверь.

— Войдите! — сердито сказал завуч, и в кабинет неожиданно вошла Снежка.

Лицо у неё было заплаканное, нос распух, а красный бантик на косичке совсем потемнел. Снежка с горя изжевала его, как Кыш папин галстук.

«И она тоже что-то натворила?» — подумал я.

Но Снежка быстро затараторила, что Вета Павловна разрешила ей пойти и рассказать, как всё получилось. А всё началось с того, что не надо было есть на уроке рыбку-саблю и спорить. Для того чтобы проверить, смелый я или трус. Тогда я не принёс бы в школу щенка. Но теперь-то уж, заверила Снежка завуча, мы на всю жизнь запомним, что такое дисциплина и не будем спорить на уроках...

«Ну, Снежка! Вот настоящий друг!» Я уж думал сказать: прощай, родная турбаза! И Вета Павловна, и завуч, и директор! А она спасла меня, как сенбернар в горах из-под целой лавины!

— Вы осознали свои поступки? — спросил

завуч со слезами на глазах. Он перед этим вопросом долго кашлял.

— Да! — хором ответили мы.

— Идите на урок. Щенок останется здесь, — сказал завуч. — Не бойся. Я его не съем. После урока отведёшь его домой.

— А знаете, что он у вас тут наделает? — спросил я и вкратце объяснил завучу что.

После этого он быстро согласился с тем, что я должен сейчас же отвести Кыша домой. Снежке он велел доложить Вете Павловне о нашем разговоре и попросить её зайти к нему после урока...

Я быстро добежал с Кышем до дома, вымыл вспотевшее от всей этой истории лицо, напился воды и вернулся в школу, уверенный, что уж сегодня Вета Павловна ни за что не забудет зайти к нам домой.

32

Я вошёл в класс в тот самый момент, когда Вета Павловна повторяла с ребятами вчерашний разговор про дисциплину.

— Конечно, легче всего запомнить, что у всех у нас общий интерес — учёба. И что всё мешающее учёбе — нарушение дисциплины. Запомнить это нетрудно. Трудней правильно

поступать. Вот давайте решим несколько примеров по... дисциплине. Кто хочет решить первый пример? Миша Львов, пожалуйста. Допустим, на уроке тебе захотелось сделать шарик из промокашки и бросить его в затылок Грише Сундарёву. Как ты поступишь, как следует всё обдумав?

Тигра встал, подумал и ответил:

— Шарик я скатаю на уроке, а уж брошу его на переменке.

«Молодец Тигра! — подумал я. — Я бы тоже скатал на уроке, а бросил на переменке. Хороший ответ!»

— Почему ты бросишь шарик в своего товарища на переменке? — спросила Вета Павловна.

— Чтобы не мешать Грише Сундарёву учиться на уроке, — сказал Тигра.

И я опять отметил про себя: «Хороший какой ответ!»

— Гриша Сундарёв! Ответь нам, пожалуйста, для чего создана переменка?

— Для того, чтобы отдохнуть от урока, — сказал Гриша и, сжав кулаки, сверкающим от обиды взглядом посмотрел на Тигру.

Можно было подумать, что он только что получил шариком из промокашки по затылку.

— Молодец! Миша Львов, надеюсь, теперь тебе понятно, что на уроке нельзя Сундарёву мешать учиться, а на переменке отдохнуть?

— Понятно, — сказал удивлённый Тигра.

А я подумал: «Какой он решал трудный пример!»

— Между прочим, тебе самому приятно будет получить мокрым шариком по затылку?

— Пусть только попробует! — угрюмо сказал Тигра, исподлобья посмотрев на Гришу.

— Вот и сам никогда не пробуй. И привыкай перед тем, как поступить, думать: хорошо ты поступаешь или плохо. Оля Данова! Реши нам следующий пример. Например, ты ешь на уроке сдобную булку, а Снежана Соколова это заметила. Как ты поступишь?

— Я ей отломлю кусочек, — сказала, подумав, Оля.

— Так. Очень хорошо, что ты не пожадничаяешь и поделишься с подругой. А как поступит при этом Соколова?

Снежка встала, и я почувствовал, что ей очень хочется съесть кусочек сдобной булки, предложенный Олей Дановой.

Она не смогла ответить на такой трудный вопрос и сказала, вздохнув:

— Не знаю...

— Так. Допустим, Оля с тобой поделилась. Обе вы сидите, жуёте, а я стараюсь, объясняю вам новый материал, а, между прочим, у меня в портфеле лежит бутерброд с колбасой. Мне ведь тоже хочется есть. Значит, повашему, я должна достать бутерброд, поделиться с Сероглазовым, потому что он тоже хочет есть и только думает: «Скорей бы большая переменка!», и урок мы превратим в обед. Так?

— Лучше уж не есть на уроках, чтобы никому не было обидно, — сказала Оля Данова.

«Откуда Вете Павловне известно, что я и вправду только и думаю о большой переменке?» — старался догадаться я.

Вета Павловна задавала ещё много вопросов, интересных и трудных примеров, а мы старались правильно их решить.

Меня она неожиданно почему-то спросила, кем я хочу быть.

— Директором Зоопарка, — сказал я.

— А почему, Алёша? — поинтересовалась она.

— Потому что я люблю птиц и зверей и буду для них хорошим начальником, — ответил я.

Вот тут все засмеялись, и урок кончился.

После уроков по дороге домой я сказал Снежке:

— Никогда не забуду, как ты меня выручила у завуча и вылечила от иканья! Значит, мы уже начали есть пуд соли.

Ещё я рассказал, как папу предал его лучший друг дядя Сергей Сергеев и весь их пуд соли пропал.

— У нас так не получится, — сказала Снежка.

Мы зашли ко мне, поели, накормили Кыша и вместе сделали письменные задания.

Потом я показал Снежке, как Кыш зажигает и выключает свет. Потом Снежка позвонила бабушке, чтобы она не беспокоилась, и мы пошли на вычислительную станцию к моей маме. Эта станция находилась недалеко от нашего дома.

Проходной со сторожами на станции не было. Не то что в папином институте.

Мы прошли по коридорам в зал, где работала мама.

— Как будто кузнечики стрекочут, — сказала Снежка.

А Кыш не знал, что ему делать, когда вокруг так много всего жужжащего, стрекочу-

щего и щёлкающего, и мигают сотни каких-то лампочек, жёлтых, зелёных, красных, и по экранам пробегают белые змейки.

Я попросил девушку в белом халате найти мою маму.

Мама очень удивилась, когда увидела нас троих, и рассердилась, но я сказал, что пришёл по делу и что Снежке, которая помогала мне делать уроки, очень нужно подсчитать, сколько денег будет истрачено на её кошку Цапку за двадцать лет, если в день на неё тратят тридцать, а иногда и сорок копеек.

Заодно я попросил маму сделать подсчёт на Кыша тоже на двадцать лет и рассчитать, по скольку граммов соли в день должны есть два друга, пока не съедят целый пуд без вреда для здоровья.

И конечно, я попросил разрешения взглянуть, как машина справится с нашими вопросами.

Мама что-то объяснила сотрудникам, обступившим нас и заигрывавшим с Кышем.

Один из них почесал макушку и сказал, что задачи очень сложные и машине придётся работать на полную мощность.

Он нажал несколько кнопок. Машина защёлкала, на ней замигали маленькие разноцветные лампочки, и вот уже из щели пока-

зался листок голубой бумаги с колонками чёрных цифр.

— Вот смотрите, — сказала мама. — За двадцать лет, Снежка, на твою кошку уйдёт тысяча четыреста сорок рублей; а на Кыша — в полтора раза больше: две тысячи сто шестьдесят рублей.

Все сотрудники ужаснулись.

— Это — «Запорожец», — сказал тот, который нажимал кнопки.

— Целая дача! — сказал другой.

— Несколько мотоциклов, — добавил третий.

— Молочко, колбаска, рыбка, — объяснила Снежка.

— Тысячи пирожных! — воскликнула девушка, которая искала мою маму.

— Действительно, есть над чем задуматься, — сказал пожилой дядя. — Такая кнопка съест за двадцать лет «Запорожца». А какая отдача? Что ты получишь взамен, мальчик? — спросил он.

Я не знал, что ответить, да мне и не хотелось ничего отвечать, но из-за мамы я как можно вежливей сказал:

— Мне ничего не надо. Мне собака нужна.

— А мне кошка, — заявила Снежка.

— Ну, дети, пошли, я вас провожу, — смеясь, сказала мама и отдала нам листок с цифрами.

Оказывается, если бы мы со Снежкой ели в день по восемь граммов соли, то, для того чтобы съесть целый пуд, нам потребовалось бы пять с чем-то лет.

— Тогда мы будем учиться в шестом классе, — сказала Снежка.

— Лучше давай есть по четыре грамма, — сказал я, — чтобы до десятого класса хватило этого пуда.

Снежка согласилась, и напоследок я спросил у мамы, не жалко ли ей истратить на Кыша за двадцать лет такие большие деньги. Может, она лучше будет копить, а потом купит дачу, «Запорожца» или тысячи пирожных?

Мама вспыхнула и ничего не ответила. Я почувствовал: она на меня в обиде за такой вопрос, и сказал, что пошутил. И ещё я никак не мог понять, зачем нам учить арифметику, если машины считают так быстро и без ошибок?

Мы со Снежкой шли домой и спорили: кто главней — кошка или собака. То, что главней собака, мне было ясно без спора, но я

спорил, чтобы не огорчать Снежку. Я говорил, что собаки охраняют границы и выступают в цирке, защищают и спасают людей, находят краденые вещи, знают арифметику. Что может быть веселей и интересней дрессированных собак? Но в ответ на все мои доказательства Снежка упрямо твердила, что всё равно кошки главней! Без них мыши и крысы съедали бы все наши продукты. И нас было не было на свете... А тот, кто не имеет кошки, обязательно покупает холодильник, куда не могут забраться мыши, и холодильники специально мурлыкают во время работы, как кошки, и отгоняют мышей. Но я продолжал спорить.

— Ах, ты мне не веришь? — со слезами на глазах спросила Снежка и топнула ногой. — А знаешь, почему собаки нападают на кошек? Они им завидуют, потому что глупей и не умеют мышей ловить.

— Вот и нисколечко не завидуют! Кошки сметану воруют и сосиски стягивают! — сказал я.

Кыш при этом залаял в мою поддержку.

Снежка горько покачала головой и, ничего не ответив, перешла на другую сторону улицы. Так мы шли до перекрёстка. Тут мне ста-

ло жалко, что не уступил Снежке, и я пошёл на её сторону. Она это увидела, улыбнулась и тоже пошла мне навстречу. Мы встали на самой середине улицы, и я сказал:

— И кошка нужна, и собака нужна. Учёные скоро изобретут новое животное. Оно будет и мышей ловить, и след брать, и в цирке выступать. Это домашнее животное назовут собакокошкой. Голова будет лаять, а остальное до хвоста возьмут у кошки.

И опять я не угодил Снежке.

— Во-первых, его назовут не собакокошкой, а кошкособакой. Впереди будет кошка, а собака сзади, — сказала она. — Как ты не можешь этого понять!

— Это почему же! — не сдержав себя, крикнул я, и в этот момент к нам, свистя, подбежал милиционер, взял за руки и перевёл на другую сторону.

Оказывается, мы заговорились и незаметно встали на пути машин, а они в присутствии регулировщика боялись сигнализировать.

Перестали мы спорить, и оба остались довольны, когда Снежка предложила выпустить всего поровну: половину кошкособак, половину собакокошек.

Правда, про себя я подумал, что неизвест-

но ещё, как произойдёт встреча собакошек с кошкособакой, но заводить об этом разговора не стал...

Недалеко от Снежкиного дома мы остановились рассмотреть рисунки и фотокарточки на витрине домового «Крокодила».

И вдруг я обомлел: на одной фотокарточке

был заснят хозяин Кыша. Он лежал на газоне под молодым деревцем и пытался заслониться рукой от фотографа.

— Снежка! Прочитай, что здесь написано! — попросил я.

— «Гра-жда-нин Хму-ров в не-тре-звом со-сто-я-нии по-вре-дил зе-лё-ны-е на-са-жде-ни-я», — прочитала по слогам Снежка. —

Здесь ёщё его адрес — это совсем рядом, — добавила она. — Он оштрафован.

Я, попрощавшись, но ничего не объяснив Снежке, дёрнул Кыша и побежал к своему дому, подальше от улицы, где жил гражданин Хмурев. Вдруг при встрече он отнял бы у меня Кыша?..

34

Вечером, не успел папа поужинать, как пришли соседи и попросили его не задерживать начала заседания товарищеского суда над Рудиком. Самого Рудика я не видел со вчерашнего дня ни во дворе, ни в школе.

Мама сказала, что ей неприятно присутствовать на таком заседании, и не пошла с нами. Она и меня не хотела пускать. Но соседи вели меня взять, так как я могу быть свидетелем.

Жильцы собрались не во дворе на лавочке, потому что моросил дождик, а в комнате техника-смотрителя.

Рудик уже сидел в углу на табуретке. Вид у него был совсем не пристыжённый и не убитый. Ни отца, ни брата-лётчика я не увидел. Оказывается, Рудик не хотел идти на суд, но

ему пригрозили, что дело передадут в милицию, и он пошёл.

Обвинять Рудика от имени жильцов назначили Лаврова. Папа объяснил мне, что он взаимодействий прокурор, но теперь на пенсии. А защищать Рудика вызвался Зайончковский — дедушка Кольки Зайончковского из второго «А».

Дедушка Кольки тоже раньше работал в суде, но не прокурором, а защитником.

Первой выступила Кроткина, сидевшая за столом.

— Товарищи жильцы! — сказала она. — К сожалению, вместо того чтобы мирно смотреть по телевизору эстрадный концерт, мы вынуждены заниматься неприятным делом. Разбирать поступок Барышкина и вскрывать причины его совершения.

— Не поступок, а вполне уголовное преступление, — грозно поправил Кроткину бывший прокурор Лавров.

А дедушка Кольки Зайончковского вскочил как ужаленный с места и крикнул:

— Это недопустимо! В самом начале процесса прокурор начинает оказывать давление на председателя суда в нарушение всех процессуальных норм! Я протестую!

Я не успевал расспрашивать папу про не-

понятные слова, вроде «процессуальных», но он велел их запомнить и расспросить обо всех сразу.

— Очень прошу стороны не ссориться! — продолжала Кроткина. — Встань, Барышкин!

Рудик встал, стараясь ни на кого не смотреть, но, честное слово, я чувствовал, что ему ни капли не стыдно.

— Вчера вечером товарищ Сероглазов выяснил, что виновником пропажи всех наших газет и журналов являетесь вы. Вы чисто-сердечно вернули похищенное владельцам. Я очень прошу вас признать себя виновным перед всеми нами. Признаёте?

— Признаю, — сказал Рудик.

— Умница! Мы рады, что вы говорите правду. Это — залог вашего морального возрождения! — обрадовалась Кроткина.

— Позвольте начать допрос? — сказал прокурор Лавров таким голосом, что я вздрогнул. — Барышкин, когда вы впервые решились на преступление подобного рода?

— Не помню, — сказал Рудик.

— Следовательно, это было давно, — сказал Лавров.

— Позвольте! Позвольте! — снова запротестовал дедушка Зайончковский. — Необходимо доказать, что это было давно.

— Каждый возвращённый журнал — тому доказательство! — отрезал прокурор. — Вот, например, пятнадцатый номер «Огонька» за прошлый год, похищенный у Сизова. Вот «Юность» Шестикрылова — июль месяца этого года. Я уж не говорю о «Вечёрках» с лотерейными таблицами. Жертвами Барышкина регулярно становились жильцы нашего дома. Я считаю его виновность доказанной полностью. Расскажите, Барышкин, о вчерашнем случае. Расскажите по порядку. Мы ждём.

Рудик неохотно стал рассказывать, как он подсматривал приход почтальона, выжидал на лестнице, когда около ящиков не будет никого из жильцов, открывал самодельным ключом дверцу, доставал журналы и пешком подымался на свой этаж, чтобы не попасться на глаза лифтёрше тёте Клане.

Он рассказывал, и я представлял всё это, но мне было неинтересно и противно.

— Ваш отец и брат, разумеется, ничего не знали об этом? — спросил прокурор.

— Нет.

Вдруг Лавров в полной тишине ошарашил Рудика и всех нас новым вопросом:

— В этом году вы получали от своего отца деньги на подписку?

— Получал, — буркнул Рудик.

— На какие журналы?
— «Юность» и «Знание — сила».
— Вы подписались на них?
— Нет.
— Почему?
— Растратил деньги, — выдавил из себя Рудик.

— На что?

— Это неважно.

— Значит, деньги вы растратили, а журналы ежемесячно крали в разных подъездах, подделывали номер квартиры и, так сказать, отчитывались перед отцом?

— Да, — сказал Рудик.

Все зашумели, и Кроткина вынуждена была постучать ключом по голове чугунного футбольиста, стоявшего на письменном приборе.

— По-моему, всем всё ясно. Вопросов больше не имею, — мрачно сказал бывший прокурор Лавров, положил под язык какую-то таблетку и вытер лоб платком.

После этого Рудику задали несколько вопросов жильцы, сидевшие за столом.

— Почему вы вытаскивали по субботам «Московскую правду»?

— Там кроссворды, — ответил Рудик.

— А вы разгадали до конца хоть один?

— Нет, — сказал Рудик.

— А совесть в вас ни разу не заговорила? — спросила Кроткина. — Вы не представляли, вынимая из моего ящика «Здоровье», как я буду переживать, не найдя его там? Вы не ставили себя на моё место?

На этот вопрос Рудик ничего не ответил. Затем его мягко допрашивал дедушка Зайончковский про то, какие рекорды он установил, каким стилем любит плавать и какие отметки получает в школе.

Ещё он интересовался, помнит ли Рудик прочитанные произведения из украденных журналов, и выразил уверенность, что он будет брать пример с хороших героев.

После ответов Рудика дедушка Зайончковский победно поглядывал на прокурора Лаврова и наконец заявил, что вопросов больше не имеет.

Мне стало скучно. Захотелось домой к маме, к Кышу, но папа велел мне не вертеться на месте.

— Буду краток, — снова сказал Лавров. — Я неплохо знаю людей. Видел преступников и закоренелых и раскаявшихся. Не знаю, как вы, а я не чувствую в Барышкине искреннего раскаяния и душевного потрясения. Всем своим видом он как бы говорит: «Я человек особенный. Мне всё дозволено. Чего пристали?»

— Мы сожалеем, но хотелось бы видеть здесь отца товарища Барышкина, — сказала Кроткина.

— Ночью у него был сердечный приступ. Он плохо себя чувствует, — сказал старший брат Рудика. Он только что пришёл и был почему-то не в военной форме.

— Что крал шестнадцатилетний Барышкин вместе с газетами и журналами? — продолжал Лавров. — Наше настроение! Наше время! Наше чувство доверия друг к другу! И, между прочим, наши деньги! На основании всего этого я считаю необходимым передать дело Барышкина в органы милиции для принятия мер более строгих, чем те, которыми располагает товарищеский суд.

Все громко зааплодировали. Раздались возгласы:

— Не маленький!

— Правильно!

— Я возражаю! — встав, заявил пapa. — Зачем сразу в милицию?

Затем начал речь дедушка Зайончковский:

— Уважаемые члены товарищеского суда! Суровая просьба обвинителя повергла меня в глубокое уныние. Я спросил себя: неужели наш коллектив бессилен помочь Барышкину? Какие обстоятельства данного дела я считаю

облегчающими вину Барышкина? Неплохая учёба в школе. Раз. Спортивные успехи. Два. А главное — тот факт, что на первый роковой шаг юношу толкнул огромный духовный голод. Толкнула жажда чтения. И, мягко говоря, он воспользовался чужим журналом. Затем юноша, мучимый угрызениями совести, сделал робкую попытку исправиться и попросил у отца средств на подписку. Отец с радостью выдаёт просимую сумму. Юноша её тратит. Что делать? Сидеть в читальне некогда. Уроки, тренировки. Поездки на соревнования. Барышкин решает, что нельзя пребывать в невежестве и оставаться в неведении относительно происходящих в мире событий. Отсюда похищение журналов «За рубежом», «Вокруг света» и других. Поистине широк и разнообразен круг интересов этого милого юноши. Наш прямой долг помочь ему их удовлетворить. Я прошу высокий суд вынести справедливый выговор и обязать Барышкина в трёхдневный срок оформить за его счёт подписку на следующие газеты и журналы: «Московская правда», «За рубежом», «Юность», «Знание — сила», «Весёлые картинки». Денежное выражение подписки будет равноценно крупному штрафу. Я сказал!

Просьба приговорить Рудика к подписке на часть того, что он крал, была так неожидана, что все сначала молчали, а потом захлопали в ладоши ещё громче, чем прокурору Лаврову.

А сам Лавров подошёл к дедушке Зайончковскому, пожал ему руку и поздравил с блестящей речью, которая войдёт в какой-то золотой фонд.

— Вы — Плевако! — заявил громко Лавров дедушке Кольки.

Затем Кроткина задала Рудику вопрос, есть ли у него деньги на подписку. За Рудика ответил его старший брат:

— Деньги есть. Отложенные на кинокамеру.

В своём последнем слове Рудик сказал, что он сам не знает, как постепенно втянулся в кражи, и попросил разрешения вместо «Весёлых картинок» оформить подписку на «Спортивные игры». Ещё он пообещал исправиться.

— А зачем же вы брали чужую «Московскую правду»? — опять спросила Кроткина.

— Там кроссворды, — ответил Рудик.

После совещания Рудика обязали подписаться на газеты и журналы в трёхдневный

срок. Было также решено написать в нашу школу о случившемся.

После суда папа остался во дворе поговорить с соседями, а я побежал домой.

И, когда я вспоминал, каким взглядом скользнул по мне Рудик после чтения приговора, на душе у меня становилось холодно и пусто...

35

Мы с Кышем вышли погулять. Было тепло, и жильцы у подъездов всё ещё обсуждали приговор.

Вдруг Кыш дёрнул поводок. Я увидел вышедших из-за угла брата Рудика и Геру и хотел отойти подальше, но Кыш заупрямился и рвался к Гере, как будто это не она хотела разорвать его недавно на части. Гера тоже увидела Кыша, но не залаяла с яростью и даже не зарычала. Она посмотрела на брата Рудика. Он улыбнулся и сказал:

— Поиграй, поиграй, не бойся.

Они подошли совсем близко к нам.

Кыш, позабыв обиды, опять завилял хвостом так, что, теряя равновесие, заваливался из стороны в сторону.

Гера, тихонько вззизгнув, припала на пе-

редние лапы, приглашая Кыша к игре, но я резко отдернул его и хотел увести домой. Я не мог забыть обиду.

Кыш обернулся, посмотрел на меня и сказал:

«Эх, ты! Она же не хочет кусаться!»

И я подумал, что нехорошо быть злопамятым. Тут мне самому надо учиться у Кыша. И правда, что не собаки виноваты, если они злые и неблагородные, а хозяева. Вон брат Рудика совсем другой человек, и Гера не рявкает, а хочет играть.

Я отпустил поводок, Кыш бросился к Гере, и не успели мы оглянуться, как у наших ног собаки подняли весёлую возню.

Гера рычала от досады и головокружения, когда Кыш, маленький и быстрый, носился вокруг неё и юрко проскакивал под животом. Но рык её не был злым.

Зато, выбрав момент, изловчившись, она лапой сбивала Кыша с ног. Он валился на спину, смешно дрыгал ногами, а Гера не давала

ему подняться. И, по-моему, Кыш закатывался от хохота: ему было щекотно.

Они бы ещё долго играли, если бы мама не крикнула с балкона:

— Алёша! Кыш! Домой!

Мы с братом Рудика с трудом оттащили собак друг от друга, и я повёл недовольного, упирающегося Кыша домой.

36

У меня накопилось за день много вопросов, и я стал задавать их папе. Я спросил, что такое вакуум, который приснился папе этой ночью.

— Это пространство. Например, графин, из которого выкачали весь воздух, — сказал папа и взглядом пристыдил меня за то, что мне неизвестна такая простая вещь.

— А что осталось в этом пространстве, когда выкачали весь воздух? — спросил я.

— Ничего, — ответил папа.

— Как это — ничего? Ни одногрошенькового атома?

— Да! Представь себе — ничего! Пустота!

— Нет. Так не бывает! — заспорил я. — Вот выкачали мы воздух из графина. До конца. А что внутри? Ничего? Но я же его вижу! А раз я вижу это ничего, то, значит, он не

ничего, а чего, потому что ничего увидеть нельзя! (Папа растерянно смотрел на меня.) Чем запутывать зря, сказал бы уж сразу, что вакуум — военная тайна и про это нельзя рассказывать.

— Да... вакуум — военная тайна, — сказал папа, ладонями сжав виски. — Но не государственная, а всемирная. Более того: это тайна Вселенной.

— И что же, мы её никогда не разгадаем?

— Вполне возможно, — сказал папа.

— А зачем же тогда учиться, если мы её никогда не разгадаем? — удивился я.

— Кто тебе сказал, что не надо учиться? — крикнул папа, вскипев, и на его крик прибежал, угрожающе рыча, Кыш. — Наоборот, надо учиться и учиться! Если бы человек не учился, мы бы жили не в кирпичном доме, а в однокомнатной пещере, без всяких удобств! Мы ходили бы в шкурах, а не летали бы на реактивных самолётах. И не смогли бы разгадать сотни тайн природы! Тебе это ясно? И таким лентяям, как ты, не удастся заставить человечество стоять на месте! Никто не позволит! Есть ещё вопросы?

— Кто такой Плевако? — спросил я, обидевшись, потому что не собирался заставлять человечество стоять на месте.

— Плевако был великим русским защитником, — сказал папа, успокоившись. — Он боролся с царскими судьями. Ясно?

— Ясно. А кто был сильней как борец — Плевако или Поддубный? И в каком весе боролся Плевако? — спросил я.

— Марина!.. Марина! — застонав, позвал папа маму.

— Что случилось? Что с тобой? — испуганно крикнула мама, прибежав из кухни.

— Объясни нашему сыну разницу между Плевако и Иваном Поддубным. У меня больше нет сил, — попросил папа, растирая виски ладонями.

Мама спокойно объяснила мне, что Плевако защищал обвиняемых, как дедушка Зайончковский. Он, как Поддубный, клал в суде на лопатки жестокость, несправедливость и судебные ошибки.

Я сразу всё понял и стал раздеваться. Но в этот момент зазвонил звонок и залаял Кыш.

Папа открыл дверь.

— Простите, что поздно. Здравствуйте. Я давно собиралась побывать у вас, — услышал я и с ужасом узнал голос Веты Павловны.

Значит, она только сделала вид, что простила меня, а сама пришла жаловаться на меня и на Кыша!

Раздеться, лечь и притвориться спящим было уже поздно. Я вышел поздороваться. Мама тут же попросила меня удалиться в кухню заваривать чай на маленьком огне. И пока я его заваривал, Вета Павловна обо всём успела поговорить с папой и мамой.

Пить чай она не стала, потому что спешила к Снежке. Папа проводил её до остановки и вернулся какой-то совсем грустный и ворчливый. Он ворчал, что зря купил щенка, который отнимает у меня время, но я понял, что Вета Павловна не рассказала, как я принёс в школу Кыша.

Папа топнул на него ногой, споткнулся о мои резиновые сапоги и грозно пообещал маме навести порядок в нашем запутанном хозяйстве.

Мама терпела, терпела ворчанье папы и наконец сказала:

— Пойдём подышим свежим воздухом!

— Я только что им дышал, — сказал папа.

— Не вредно будет подышать ещё раз.

А ты раздевайся и спи, — велела мне мама.

Мне стало грустно-грустно. Второй раз за эту неделю папа и мама ссорились из-за меня

и уходили дышать свежим воздухом, чтобы я не был свидетелем их ссоры.

Когда они оделись и ушли, я позвонил Снежке. Снежка спала, но я сказал, что звоню по важному школьному делу, и её разбудили.

— Слушай! К тебе в гости Вета Павловна пошла! — сообщил я. — Скажи ей, что мы больше не будем.

— А ты почему не сказал? — спросила Снежка.

— Я заваривал чай и не успел. Всего хорошего. Спокойной ночи, — пожелал я, вспомнив, что Снежке это нравится.

— Спасибо. Какая уж теперь ночь! — сказала Снежка и повесила трубку...

И тут мне стало страшно: вдруг Вета Павловна посоветовалась с завучем; он решил, что щенок мешает мне учиться, а она велела маме унести его из дома, пока я не остался на второй год в первом классе?

И вот сейчас, в эту минуту, на свежем воздухе решается его судьба, а сам он ничего не знает и спокойно таскает по полу старый чувяк.

— Кыш! Иди сюда! Всё плохо! Гроза!

«Пр-е?» — спросил Кыш, положив лапы на мои колени.

— Над нами гроза! Но нет! Никогда! Ты мне не мешаешь учиться. Наоборот, я захотел стать лучше, чтобы ты тоже от этого воспитался. Я буду смелым, разгадаю всемирную тайну, а тебя научу считать до десяти!

Я выглянул в окно. Мама и папа сидели около газетного киоска. Папа размахивал руками, а мама его слушала. О чём они говорят, понять было нельзя. И вот первый раз в жизни я решился подслушать их разговор. Только из-за Кыша. Решился только из-за него.

Вдруг они согласились, что он отвлекает меня и однажды, когда я уйду из дома, отнесут Кыша другим людям! Нет! Я сейчас же упрошу папу и маму не делать этого!

Я надел пальто, сапоги, выбежал на улицу и осторожно перелез через ограду.

Выл ветер, словно вправду собиралась гроза. Моих шагов по шуршащей листве не было слышно. Я подобрался к киоску, высунул ухо из-за угла и прислушался.

— ...Ты права. Но я вторую неделю сам не свой. Машина барахлит... Лучший друг предал... Под ногами вертится щенок... А сын обрушивает на меня шквал вопросов. Даже не шквал, а цунами! И я стою, как утёс! Я вынужден ответить на вопрос сына. И рыть-

ся в энциклопедии! Отвечу на один — он находит новый и обрушивает на меня! Я стою, как утёс, но в одно прекрасное мгновение рухну! — печально сказал папа, и я, закусив губу, со страхом представил, как он стоит на берегу моря и об его грудь разбивается девятый вал, но папа только отплёвывается от солёной воды и, сдувая с кончика носа пену, ждёт нового шквала моих вопросов...

— Ну, признайся, что ты неправ, и помирись с Сергеем Сергеевым. Тогда у тебя будет хорошее настроение. Ты начнёшь радоваться каждому вопросу Алёши, как раньше. Ведь ты из-за него пополняешь своё образование! Ты скоро будешь знать всё. Даже как дрессируют кенгуру!

— До этого я не дотяну. Рухну, — снова печально сказал папа.

— Потом, щенка купила не я, а ты.

Я замер, схватившись за сердце, чтобы не услышали его стук.

— Если тебя раздражает, что он лает на бритву, если он стал тебе невыносим... уноси. Пристраивай в другое место. Рань ребёнка в самое сердце. Все мозговые кости будут доставаться тебе.

— За кого ты меня принимаешь? — с оби-

K cmp. 228

дой спросил папа, и я почувствовал, что он не такой человек, чтобы из-за костей отдать Кыша...

Я успокоился и побежал обратно домой.

38

Когда в подъезде перед дверью я обнаружил, что оставил ключи от квартиры в пиджаке, я сразу понял: это в наказание за подслушивание. Прямо в наказание.

Кыш учゅял, что я стою перед дверью, царпал её с той стороны и визжал от нетерпения.

— Что делать, Кыш? — спросил я и ужаснулся: вдруг они не взяли с собой ключи, понадеявшись на меня. Ведь мама без сумки, а папа — в лыжном костюме без карманов! Ой! Что я наделал! Кыш! Что я наделал!.. Кыш! Как быть? — шептал я перед дверью.

«Пр-о! — сказал из-за двери Кыш. — Только не бойся! Попробуй забраться в квартиру по пожарной лестнице с балкона Лёликовых!»

— Ладно. Спасибо. Придётся лезть, — ответил я, а сам сразу почувствовал знакомую слабость в коленках и кислятинку во рту.

Несмотря на это, я решил, что настал тот самый момент для главного испытания, про который папа часто говорил, что настоящий

человек должен готовить себя к таким моментам всю жизнь...

Я поднялся по лестнице и позвонил в квартиру Лёликовых, которые жили под нами.

— Мишка! У меня дверь захлопнулась. Дай по пожарке спущусь, — сказал я заспанному Мишке Лёликому из пятого класса. Причём постарался сказать это так просто, как будто просил чинилку для карандашей.

— А что у тебя зубы стучат? — спросил Мишка.

— Замёрз, — сказал я.

— Не забывай ключей, Портфель!

Мишка знаком велел мне идти за собой. Мы на цыпочках прошли по коридору в кухню. Мишка открыл балкон, раздвинул доски, приподнял квадратный люк и ворчливо заторопил:

— Быстрей! Думаешь, тепло в трусиках!

Я свесил ноги с края люка, напротив

вую перекладину пожарки, встал на неё, крепко держась руками за люк, точно так же нащупал вторую... третью... четвёртую... пятую... шестую... И даже не поверил, когда через целую вечность у меня под ногами скрипнул деревянный настил на нашем балконе...

Тут я почувствовал, что на улице очень холдно, и заметил, как от порывов ветра позванивают стёкла окон. Я посмотрел вниз, и мне было непонятно, куда делся мой страх.

Я стоял на балконе, и вдруг в нашей кухне зажёгся свет. Ко мне подошёл папа и спросил:

— Тоже дышим свежим воздухом?

Тут прибежал Кыш. Он очень удивился, как это я ухитрился попасть в квартиру, хотя сам посоветовал мне спуститься на балкон по пожарке.

Я почувствовал, что теперь мне не страшно рассказать папе, как и из-за чего я подслушал разговор, как забыл ключи и вот... попал на балкон.

Папа закрыл глаза и, помотав головой, спросил:

— Ты знаешь, что было бы с мамой, если бы она увидела тебя висящим над бездной? Ты очумел?

— Ты сам велел, чтобы я был смелым.

И потом, я мог свалиться только на наш балкон, а не на улицу.

— Марина! Мы тут продолжаем дышать свежим воздухом! — крикнул папа в квартиру. — Маме — ни слова! Да, я хочу, чтобы ты не был трусом, но из этого не вытекает, что ты завтра же должен в обеденный перерыв ворваться в клетку к голодным львам или положить за пазуху пару кобр. Нужно шевелить мозгами! Иди спать...

— А о чём ты говорил с Ветой Павловной? — спросил я.

— Это педагогическая тайна, — ответил папа.

Уснул я, представив себя директором Зоопарка. Я вошёл в обеденный перерыв в клетку ко львам и угостил их бутербродом с колбасой, но львы не захотели его есть, чтобы не перебивать аппетита перед едой: им в клетку сторожа уже закинули куски мяса. И мне ни капельки не было страшно в львиной клетке...

И такого утра, как на следующий день, я никогда в своей жизни не видел. Я опять встал из-за прогулки с Кышем раньше всех, подо-

шёл к окну, и мне на секунду показалось, что пятиэтажных домов перед нашим десятиэтажным больше нет, что их снесли за ночь и что нет во дворе ни зелёных газонов, ни тополей. Вот это чудеса!

Я протёр глаза.
Это за ночь и красные крыши домов,
и газоны, и тополя
присыпало снегом,

которого никто не ожидал, и они казались невидимыми.

За окном было туманно и тихо, потому что не скрежетал по асфальту скребок дворника.

— Кыш! Быстрей! Я тебе сейчас покажу твой первый в жизни снег! Пошли!..

...Я открыл дверь подъезда, пропуская Кыша вперёд, но он высунул на улицу нос, принюхался и чихнул, как будто подумал, что незнакомый холодный запах почудился ему спросонья и что нужно поэтому принюхаться как следует.

Я точно так же протирал спросонья глаза.

Принюхавшись, Кыш вышел во двор и угрожающе сказал:

«Рр-ы!»

Он предупреждал, чтобы это мягкое, холодное, белое не вздумало вытворить с ним, с Кышем, какую-нибудь злую шутку.

Он сначала понюхал снег, потом потрогал передней лапой, потом, осмелев, откинул двумя задними ногами, хватанул немного для пробы, пожевал, склонив голову набок; наверно, понял, что он, Кыш, сильней, хотя снега вокруг видимо-невидимо, кувыркнулся и кругами понёсся по двору, оставляя за собой цепочку первых на снегу следов.

Потом он долго размышлял над лужей,

затянутой тонким ледком, похожим на зимнее окошко, и не мог понять, что это такое. Но всё же додумался, потому что вдруг поднял голову и сказал мне:

«Рр-а! Как я сразу не догадался? Ведь это большая тарелка с застывшим супом! Ты видел? Я вчера не доел суп, он остыл и покрылся белой корочкой. Так и тут. Только суп в моей маленькой миске вкусней, чем в этой большой тарелке! Рр-а!»

Я подумал, что Кыш молодец и многому хорошему научит меня в жизни. И я его научу.

Он бросился за воробьями, а я смотрел на тополя, и липы, и рябинки, которые стояли смирно, будто боялись пошевельнуться.

И снег лежал на каждом тополином листочке, на оголённых ветках лип, на красных гроздьях рябинок.

Снег ухитрился поместиться даже на кончиках зелёных деревянных колышков забора, на проводах, не говоря уж о крышах легковушек, стоявших во дворе, и сиденье красного мотоцикла «Ява».

Жильцы выходили из подъездов и, улыбаясь, смотрели вокруг, на утро первого снега, к шли по своим делам...

У Кыша, наверно, замёрзли лапы — всё-

таки бегать приходилось босиком. Он по оче-
реди поджимал под себя каждую лапу, потом
вспугнул голубей, топтавшихся на чёрной
крышке люка, и сам уселся на их место.

Под этой чугунной крышкой находились го-
рячие трубы. Поэтому она не замерзала в са-
мые страшные морозы и быстро оттаивала в
снегопад.

В морозы на ней, нахохлившись, сидели и
грелись голуби и воробы, клюя незамерзаю-
щий мякиш.

Кыш сидел и грелся на круглой чёрной
крышке, как великан на маленькой арене, а
рядом ходил сердитый голубь. Зоб у него раз-
дулся от злости, в нём что-то перекатывалось,
и казалось, что голубь проглотил шарик от
пинг-понга.

Я слегка продрог и позавидовал Кышу. Но
не сгонять же его с тёплой крышки, как он
согнал голубей!

40

Перед уходом в школу я опять привязал
Кыша к батарее.

На улице мне захотелось встретить Снеж-
ку. Я подождал её немного, а потом заспе-
шил, чтобы не опоздать. Снег на улице уже

затоптали. Только на деревьях, растущих вдоль тротуаров, он белел нетронутый и пушистый...

А около школы мальчишки трясли тополь. Снег хлопьями слетал с него, и он весело шумел мокрой, как после дождя, листвой.

В школьном дворе меня вдруг оглушил удар по затылку, и фуражка упала на землю.

Я посмотрел по сторонам, но не увидел никого из нашего класса. За мной шли трое ребят, и среди них Рудик. Кроме него, больше некому было так сильно ударить меня по затылку. Или он кого-нибудь подговорил...

Они прошли мимо. Они сделали вид, что меня не замечают. Они смеялись и разговаривали.

Я стоял, потирая рукой больное место, стараясь не расплакаться, и моя фуражка валялась под ногами в мокром снегу.

Тут зазвенел звонок, я схватил фуражку, побежал в школу и до прихода Веты Павловны успел рассказать Снежке про подлый удар снежком по моему затылку. Ещё я рассказал, как вчера судили Рудика. Снежка была уверена, что он мне мстил, и подула на ушиб.

Мне сразу стало не так больно.

На уроке я сидел тихо, потому что мне было

грустно и обидно, и не получил ни одного замечания.

А на переменке в школьном дворе я опять увидел Рудика. Он лепил снежок и что-то рассказывал Оле, которая приходила к нашему дому. По-моему, ониссорились. Оля вдруг круто повернулась и пошла в школу. Рудик размахнулся и от злости кинул снежок за ограду в прохожего.

На втором уроке Вета Павловна вызвала меня читать. Я читал по слогам, но хуже, чем вчера. У меня болела голова. На уроке пения я получил двойку и замечание, потому что все пели, а я не пел. Мне не пелось, и всё.

Я думал, что если Рудик начнёт мне мстить, то я не испугаюсь и как-нибудь запищуясь. Только я ещё не знал как.

После уроков я попросил Снежку прийти ко мне и принести с собой кошку, чтобы попробовать сдружить её с Кышем.

— Ты знаешь кошачий язык? — спросил я Снежку.

— Назубок. Лучше всего понимаю, когда Цапка мурлыкает, а когда орёт, ничего не могу понять, — сказала Снежка.

— А я выучил собачий, — похвалился я. — Он трудней кошачьего, потому что собаки

умней кошек. А умней собак только гориллы, слоны, дельфины и мы, люди.

— Значит, кошка глупей? А твой Кыш умеет, как Цапка, погоду предсказывать? Ага! А знает твой Кыш, что идут гости, когда их никто не приглашал? Если Цапка умывается, мой пapa говорит: «Кто-то спешит к нам на огонёк, надо бежать в магазин». И бежит за угощеньем, а потом приходят гости. Собака, наоборот, глупей кошки! Она только лает, когда гости уже у дверей.

Мне не хотелось спорить со Снежкой, кто умней. Я и так знал, что всё равно кошка глупей.

— А ты можешь кошачий язык переделать на собачий и наоборот? — спросил я. — Вот, например: рр-е-оурр-рр-уав! Как будет по-кошачьи?

— Это ерунда! Мрр-яй-мирр-яу! — громкомяукнула Снежка, и попавшаяся навстречу бабушка строго на нас посмотрела.

Но нам было весело.

В общем, мы договорились проверить, кто умней — Кыш или Цапка, и я пошёл домой, забыв про удар снежком по затылку.

Только жалко было, что снег уже растаял и на зелёных тополях не было ни одной снежинки.

Кыш опять обиделся, что я его привязал, хотя верёвку я сделал гораздо длинней. Она тянулась до ящика со столбиком, и вообще с ней можно было разгуливать по всей комнате.

«Пр-и! — заскулил, сказал Кыш. — Я люблю свободу и не хочу сидеть на верёвке. Попробуй посиди сам хоть денёк. Узнаешь, сладко это или нет!»

— А что? — ответил я ему. — И попробую. Почему бы мне денёк не посидеть на верёвке?

После того как мы поели, я снял с Кыша ошейник с верёвкой и надел на свою шею, а конец привязал к батарее. Но верёвку я сделал короткой, чтобы мне было тяжелей, чем Кышу, и лёг на пол, представив себя щенком. А Кыш стал бегать по квартире...

...И вдруг я представил, что Хоттабыч превратил меня в собаку. Мама с папой приходят домой, а у нас в квартире два щенка: Кыш и я.

Кыш бегает, играет, а я сижу на верёвке, и мама никак не может угадать, кто из нас её сын Алёша. Тогда папа говорит, что Алёша — это тот щенок, который умеет читать и пи-

сать буквы с хорошим нажимом и считать палочки. И ёщё у него должны быть в чернилах передние лапы, нос и кончики ушей.

Мне стало страшно. Я внезапно позабыл всё, чему учили в школе, и перед приходом папы и мамы вымыл с пемзой и мылом лапы, нос и уши. Как они меня узнают? А если ёщё к тому же старика Хоттабыча опять посадили в бутылку за беспорядки на футболе, то что мне делать? А если Хоттабыча вообще не выпустят, то я проживу всю жизнь щенком, не научусь разгадывать тайны Вселенной и не стану директором Зоопарка?

Папа и мама прямо пришли в отчаяние. Они задумались, как нас проверить.

«Сколько мне лет?» — спросил пapa у Кыша.

«Ав! Ав!» — сказал Кыш.

«Значит, по-твоему, мне два года?»

«Ав!» — сказал Кыш.

И тогда пapa задал вопрос мне: «Если ты мой сын Алёша, то покажи, где лежат заправленные стерженьки от шариковой ручки».

Я обрадовался, что пapa придумал хороший вопрос, запрыгал вокруг него, лизнул два раза в щёку, подбежал к письменному столу и тыкнулся носом в средний ящик.

Пapa достал стерженьки, а мама спросила,

где лежит сломанный и спрятанный от меня будильник. Она думала, что он надёжно запрятан. Но я подбежал к кухонному столику, залез за банки с чёрной смородиной и вытащил будильник. Маму я лизнул в нос.

И вот тогда, вместо того чтобы обрадоваться, что один из щенков — это я, мама и папа хором сказали:

«Сейчас же садись за уроки! Ты даже ухитрился превратиться в щенка, чтобы от них отлынивать. Марш за стол!»

В этот момент я сразу превратился из щенка в первоклассника, встал с пола и принялся за письменные уроки. Со двора до меня доносились крики:

— Алёшка! В лапту!

— Лёха! В штандер!

— Двапортфеля! Выноси щенка!

Один раз к нам позвонили. Я снял ошейник и с тетрадкой в руке открыл дверь.

— Выходи играть! — сказали две девчонки, Ира и Света.

— Ав-ав-пр-е-ав-ав! — ответил я уныло, показав тетрадку.

— Уроки у него. Пошли! — объяснила догадливая Ира раскрывшей рот Свете, и я закрыл дверь.

Я, может быть, бросив уроки, вышел бы во

двор играть в лапту, но понимал, что раз я привязан к батарее, то сделать этого никак нельзя. А то что ж получится? Кыш возьмёт с меня пример и будет перегрызать верёвку. Пробуешь — значит пробуй.

Зато Кыш играл в коридоре с костью, рычал, двигал её лапой по полу, повизгивал от радости свободной жизни и изредка спрашивал меня:

«Р-ра! Ну как, попробовал? Хорошо на верёвке? То-то! Больше не привязывай меня и сам побыстрей отвязывайся!»

Один раз Кыш даже принялся трепать верёвку, чтобы отвязать меня, но я ему сказал:

— Спасибо, Кыш, но опыт надо проводить до конца. Вот когда я почувствую, что начинаю умирать со скуки, тогда отвяжуся.

Я ещё поделал уроки и стал рисовать на полу на большом белом листе. Нам задали задание нарисовать, что захочется. И я нарисовал картину под названием «Птичий рынок». Правда, мне пришлось два раза выходить из ошейника, чтобы сменить воду в стаканчике для кисточек.

На моей картине справа висели клетки с жёлтыми канарейками и разноцветными волнистыми попугайчиками. Внизу лежали пушистые кролики — серые, белые и рыжие.

Посерединке люди держали в банках ярко-оранжевых и чёрных меченосцев и рыбок, похожих на зебр.

А в свободных местах я рисовал голубей, коричневых кошек с голубыми глазами и разных собак. И получилось, что на этой картине не осталось ни одного свободного места. На ней была толпа, как на Птичьем рынке. Только внизу белела полоска, и я поместил на ней во всю ширину сине-серебристую рыбусаблю.

Пока я рисовал, мне не скучно было сидеть на привязи, а вот когда кончил, то почувствовал скуку и прилёг на диванчике. Ведь Кыш на привязи чаще всего лежал. Наверно, лёжа не так противно умирать от скуки.

Я прилёг, задремал, вспомнив, как мы с Кышем вышли утром на улицу и смотрели на первый снег. Глаза у меня стали слипаться, потом совсем слиплись, и я незаметно уснул.

Мне приснилось, что я сижу за столом в кабинете завуча, а он стоит передо мной, держа за ошейник огромного дога. И я говорю завучу:

«Не надо приводить в школу таких больших собак. Они не поместятся под партой. Приводить можно только маленьких собак, и

кошек, и ежей, и черепах, и хомяков. Но только в первый и последний раз».

«Я больше не буду», — сказал мне завуч.

И я спросил у него:

«Ведь правда, я совсем не страшный, а ты меня боялся? Ты меня не бойся!..»

И во сне мне вдруг стало так жутко, что я сказал завучу «ты», что я вмиг проснулся,

42

В квартире было тихо, как будто Кыш тоже заснул где-то рядом.

— Кыш! Ко мне! — позвал я, зевнув, но он не откликнулся, и его коготки часто и весело не задокали по паркету. — Ты где спрятался? Ах ты, хитрец! Ну-ка, выходи! Кыш!

Я снял ошейник, заглянул под диван в большой комнате, на балкон, в ванную, но нигде не находил своего щенка.

Сердце у меня сжалось от предчувствия чего-то страшного, когда я толкнул входную дверь и понял, что она была открыта.

— Кыш! — крикнул я, выбежав на лестницу. — Кыш!

У меня в ушах звенело от собственного голоса.

— Что за сумасшедшие вопли? Ты что, один

живёшь в доме? — напустился на меня кто-то.

Но я взлетел на самый верх, к двери чердака, повторяя про себя: «Не может быть!.. Не может этого быть! Не может! Не может!»

Вниз я слетел ещё быстрей и спросил у лифтёрши тёти Клани:

— Вы не видели? Он не выбегал мимо вас на улицу? Мой щенок Кыш? Вы не видели?

Тётя Кланя проворчала, что не приставлена сторожить щенков.

Я обшарил весь двор, обошёл сверху донизу все подъезды, заглянул в котельную и на помойку и всё время громко звал:

— Кыш! Кыш! Кыш!

Потом я обошёл все до одной квартиры в нашем подъезде, хотя некоторые жильцы, видя меня, ругали за беспокойство, а некоторые, не отвечая, захлопывали двери перед самым моим носом.

И на каждом этаже я орал до хрипоты:

— Кыш! Кыш! Кыш! — в надежде, что он забрался в чужую квартиру, испугался, спрятался и, услышав мой голос, залает от радости. — Кыш! Кыш! Кыш!

Из всех соседей меня пожалела Кроткина и защитник дедушка Зайончковский.

Я даже позвонил в квартиру Рудика. Сразу неистово залаяла Гера, но дверь никто не открыл.

Я ещё раз спросил тётю Кланю, и она наконец припомнила, что совсем недавно услышала, как кто-то повизгивал, и похоже было, что поросёнка несли в мешке.

...Не может быть! Мой Кыш. А я спал... Спал, привязанный к батарее... Я, наверно, плохо закрыл дверь, когда Ира и Света приходили звать меня играть в штандер... Я спал и всё проспал... Не может быть!.. Только нашлись, Кыш! Только не пропадай навсегда! Что же мне делать? Я всё сделаю! Я всё отдам, только бы ты нашёлся! Нет, ты не убежал, тебя украли!

Я ещё раз поискал Кыша во дворе и на улице около дома. А вдруг всё-таки сбежал? Его не видели ни дворники, которые собирали в кучу листья, ни продавщица вишнёвого напитка, ни постовой милиционер, ни почтальонша — никто! Он как в воду канул.

43

Я вернулся домой. В коридоре лежали кость и зелёный резиновый, прокущенный Кышем крокодил.

Я снял трубку телефона, но не знал, куда звонить.

А может, пришла мама и незаметно унесла Кыша?.. Ведь он вилял хвостом и поднимал пыль и оцарапал полированные ножки стола. Или папа? Чтобы спокойно бриться электробритвой и самому гладить все лучшие кости?.. Нет, так не поступили бы папа и мама. Никогда... Главное, Кыш не залаял, а то бы я проснулся... А может, он лаял и звал меня на помощь, а я крепко спал... спал... спал...

И вдруг всего меня больно пронзила догадка: это его украл бывший хозяин! Это он! Больше некому! Выследил и украл! Мы же гуляли по улицам, он и увидел! Быстрей! Надо быстрей!

Трубка тревожно и громко гудела у меня в руках. Я набрал Снежкин номер и сказал:

— Снежка? Слушай! Пропал Кыш! Да. Совсем. Нету его нигде! Была дверь открыта. Это его украл тот самый, которого оштрафовали! Помнишь, в «Крокодиле» его карточка? Небритый. Да, да. Противный. Выходи. Возьми карандаш и бумагу и жди меня там. Быстрей! Я бегу!..

Какой дурак! Надо было записать тогда его адрес... А как записать, если я не умею читать и писать... Ага! Вот теперь пожалеешь,

что не умеешь. Вдруг фотокарточку сняли и повесили другую?.. А мне всё время говорили: «Быстрей учись читать и писать...» Я всё равно найду этого человека!.. И я сам виноват!.. Я спал... спал... И ничего не слышал... Ой, прости меня, Кыш! А может, ты обиделся за верёвку и сам сбежал? Я же не назло тебе привязывал, Кыш!..

Я бежал по улице, не замечая, что реву, и вообще ничего вокруг не замечая, как будто вокруг была мёртвая пустота. Ни домов, ни людей, ни машин, ни деревьев...

Я налетел на столб, но мне не было больно, и на бегу вспомнил, что это тот самый столб, у которого почему-то любил останавливаться Кыш, когда мы гуляли по улице... Да, да! Тот самый столб, второй от угла, между булочной и аптекой...

Я пробежал по луже, обрызгав прохожих и сказав им про себя: «Простите, больше не буду!», завернул за угол и проехал без билета остановку на троллейбусе...

Снежка ждала меня около витрины «Крокодила». В руке у неё была тетрадка.

— Вот, переписала. Тут недалеко. Пошли. Я знаю, — сказала она.

Я посмотрел на помятое лицо человека, ко-

торый украл Кыша, потому что кто же ещё, если не он, и чуть не плонул в него от обиды.
Мы пошли к его дому.

44

— Алексей! Как же ты его прозевал? — спросила Снежка.
— Проспал... — признался я, и вдруг в моей

голове мелькнула мысль, что, может быть, я совсем не просыпал, а, наоборот, меня усыпили воры в чёрных масках. Они впрыснули в квартиру жидкость, от которой уснул папа, когда ему делали операцию. Я от неё захрапел. Кыш тоже. И его, спящего, унесли в машину, и машина стрелой вылетела из нашего двора.

Я рассказал о таком подозрении Снежке.

Она слушала, раскрыв рот, и под конец сказала:

— Ой как интересно! Рассказывай, что было дальше!

— Потом я проснулся, и всё, — сказал я. — И ничего интересного в этом нет...

Наконец мы подошли к дому, в котором раньше жил Кыш.

— У тебя нос красный от рёва и глаза мокрые. Вытри их, — сказала Снежка, когда мы поднимались по лестнице...

Ступенька за ступенькой. Вот та самая дверь... Звонок не работал.

Я постучал и, приложив ухо к двери, молил про себя: «Ну, залай! Залай, мой Кыш! И мы тебя спасём!» Но в квартире не было слышно ни лая, ни шагов, ни звука! Мёртвая пустота. Тогда я изо всей силы забарабанил кулаками по двери. На мой стук из соседней квартиры выглянула старушка.

— Ушли они. Не барабань, — сказала она. — Бумагу небось собираете? Бумаги тоже нет.

— А он собаку сегодня не приводил домой? — спросил я и подумал, что, наверно, спрашивать нужно было не так.

— Собаки с неделю уже здесь нет. И слава богу. Цельные дни визжала. Покоя не было.

Старушка захлопнула дверь.

— Что же делать? — спросил я совсем убито.

Ведь я думал, что мы со Снежкой придём, увидим Кыша, отругаем хозяина и приведём милицию, если он не отдаст щенка. А всё получилось иначе. А может, он и не заходил домой после кражи? Прямо отправился на Птичий рынок и продал Кыша ещё раз?

— Пойдём к твоей маме, — предложила Снежка.

— Нет! Всё неправильно! Бежим ко мне! — сказал я.

45

Нужно было действовать. Времени прошло ещё совсем мало. Дома я сразу позвонил по ноль-два в милицию и, когда меня соединили с дежурным нашего отделения, я сказал:

— Здравствуйте! Обокрали нашу квартиру!
Приезжайте быстрей!

— Адрес? — спросил дежурный.

Я дал адрес.

— Что украли?

— Всё самое ценное, — сказал я и всхлипнул. — Я спал, а они открыли дверь и украли. Приезжайте быстрей!

Снежка стояла рядом и болела за меня, кусая губы.

Дежурный ничего не стал переспрашивать, и минут через семь к нашему дому подъехала машина.

Мы со Снежкой с балкона закричали:

— Сюда! Сюда! — и побежали открывать дверь.

Первым из лифта вышел человек в синем плаще. Руки он держал в карманах. А за ним, к нашему удивлению, показался молодой парень с ищечкой, как две капли воды похожей на Геру.

Мы все зашли в нашу квартиру.

— А наган у вас есть? — первым делом спросила Снежка.

— Всё есть, — сказал человек в синем плаще, вынув руки из карманов. — И наган есть, и пулемёт.

Он начал рассматривать дверной замок и расспрашивать меня, но я вдруг опять разревелся и ничего не мог рассказать толком.

За меня это сделала Снежка.

— А ещё что украли? — спросил человек в синем плаще.

— Вроде больше ничего, — сказал я. — И так достаточно.

— Крепко ты спал. Всю мебель могли вынести!

— Мебель не жалко. Обошлись бы без неё, — сказал я.

— Ну, а, скажем, телевизор и холодильник если бы укради?

— Тоже можно без них обойтись. Обходились же люди в пещерах без телевизора, а без собаки не могли. И мы без Кыша не можем.

— Правильно говорит, — поддержал меня проводник ищечки. — Кто мне Рекс? Родной друг и брат!

Рекс от его слов завилял хвостом, глаза у него радостно сверкнули, и я опять чуть не разревелся и объяснил:

— Он меня, наверно, усыпил.

Человек в синем плаще принюхался к воздуху в квартире и согласился со мной:

— Да, да. Верно. Чувствую запах эфира. Не горюй. Такая доза лошадь бы свалила, не то что тебя. Кого ты подозреваешь?

— Его бывшего хозяина. У которого мы Кыша купили.

Я рассказал, как мы со Снежкой ходили к нему, но не застали дома.

Проводник подвёл Рекса к матрасику. Рекс обнюхал его.

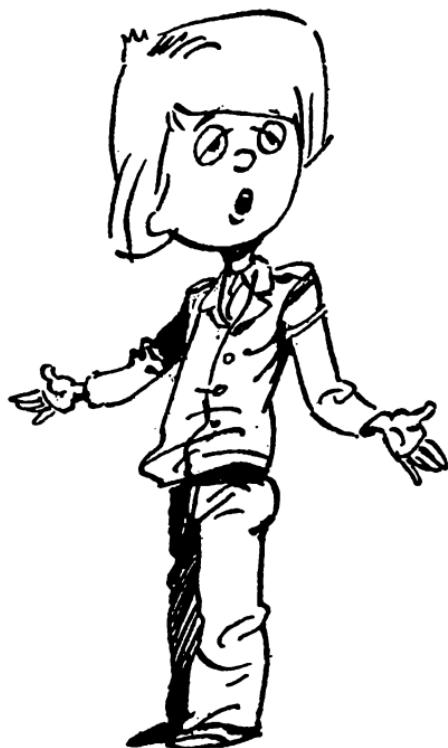
— След! Учи, Рекс, не вещи ищешь, а своего ближайшего родственника. Похитили его.

«Гар-р! — сказал Рекс. — Тут уж я сделаю всё, что смогу».

Он рванулся от матрасика в коридор, всё обнюхал и потянул проводника в подъезд.

«Неужели опять Рудик?» — подумал я.

Но Рекс потоптался на площадке, понюхал перила лестницы и побежал вниз, задрав нос, как будто брал след не на земле, а в воздухе. Я тоже понюхал перила, но запаха Кыша не различил.

— Видно, на руках унесли, — сказал проводник, а Рекс на улице у подъезда заметался, заскулил, и мне стало ясно, что след Кыша пропал. — Тут сто ищеек беспомощны.

Рекс после его слов взвизгнул и виновато взглянул на меня.

«Не бойся! Раз я не взял след, то

люди головой подумают и найдут твоего Кыша», — сказал своим взглядом Рекс.

— Ладно. Ты давай держись. Не горюй! — успокоил меня человек в синем плаще. — Мы покумекаем с Грачёвым. В случае чего — позвоним. Опиши-ка портрет своего щенка.

Я рассказал как мог. Он поговорил о чём-то с тётей Кланей, расспросил некоторых жильцов, сел вместе с Грачёвым и Рексом в машину, толпа расступилась, машина дала сигнал и уехала.

Если бы не Снежка, мне снова показалось бы, что я очутился в мёртвой пустоте.

Снежка меня успокаивала, рассказывала, как её бабушка во время войны потеряла карточки, по которым выдавали хлеб, и чуть не умерла от горя. Но один благородный человек повесил объявление в булочной, что нашёл карточки Соколовых, и вернул их бабушке. А бабушка от радости написала про это письмо на фронт дедушке и Снежкину папе. Снежкин папа ответил, что его батальон шлёт тому благородному человеку боевой привет и обещает быстрей разбить фашистов, чтобы в булочных без карточек продавали чёрный и белый хлеб, бублики и сдобы. Так оно и было. Только Снежкин дедушка не вернулся с войны...

Тут уж мне пришлось успокаивать всплакнувшую Снежку. Маме и папе я решил не звонить. Зачем расстраивать их на работе? Придут домой и всё узнают.

46

В этот день они пришли домой вместе. Папа пожал Снежке руку и сказал, что очень рад с ней познакомиться. Потом он достал из портфеля свёрточек и протянул мне.

Я развернул бумагу. В ней лежал тёмно-жёлтый, с бронзовыми кнопками ошейник и мягкий кожаный поводок.

Новенький ошейник расплывался у меня перед глазами, но я, сжав зубы, старался не зареветь.

— Алёша! Ты не заболел ли? — спросила мама. — Может, в школе что-нибудь натворил. А где Кыш?

И я рассказал маме и папе про весь сегодняшний день...

Мама присела от неожиданности, а папа молча заходил по квартире, потирая обросшие за эти дни щёки.

Несколько раз к нам звонили соседи и высказывали догадки насчёт местонахождения Кыша.

— Надо действовать! — сказал пapa. — Собака — не иголка. Захотим — найдём. Только не ныть! — прикрикнул он на меня.

Мама разогрела обед и сказала, что нужно поесть, набраться сил и терпения и приняться за поиски.

Я с отвращением возился ложкой в тарелке с супом. Снежка ела просто так, чтобы не обижать маму. А мама и пapa здорово проголодались на работе и обедали, правда, тоже невесело.

И вдруг мама, вздохнув, положила в папину пустую тарелку огромную мозговую кость с жиром, мясом и хрящиками. У меня тоскливо заныло сердце. Пapa посмотрел на кость, перевернул её и отодвинул от себя тарелку. Мама положила кость обратно в кастрюлю. И тут я почувствовал, что мы не можем не найти Кыша!

— Только бы он был жив! — сказала мама.

— Что же это происходит! — стукнул пapa кулаком по столу, и вся посуда на нём жалобно звякнула. — Ничего не понимаю! Среди бела дня крадут щенка, то есть члена нашей семьи!

Я отметил, что раз пapa назвал Кыша членом нашей семьи, то, значит, он досрочно

перестал быть щенком с испытательным сроком...

— Это всё равно, что вот сейчас вы закроете на секунду глаза, а меня тяпнут, ляпнут и, так сказать, уведут неизвестно куда!

Снежка закрыла на секунду глаза, потом открыла и вздохнула с облегчением, увидев моего папу на том же месте.

Тогда я тоже закрыл, не знаю на сколько, глаза, потом открыл, и мне стало жутко: папы не было за столом. Только ветер теребил штору внезапно открывшегося окна. Мама рукой смахнула со щеки слезинку, как будто у неё на глазах только что похитили папу — главу нашей семьи.

Тут я услышал его голос. Папа с кем-то говорил по телефону.

47

Потом мы оделись, опять пошли к хозяину Кыша, и папа на десяти домах повесил написанные красным карандашом объявления.

Умей я писать, они давно бы уже висели и, может быть, мы имели какие-нибудь сведения о Кыше.

Объявление папа написал такое:

«Пропал щенок!!! Длинношёрстный. Белый.

Уши тёмные. Чёлка на лбу. Вернувшего по адресу 5-я аллея, 6, кв. 7 ждёт вознаграждение. Будем благодарны за любые сведения».

— Прямо стихи души, — сказал пapa, — уши тёмные, чёлка на лбу...

На улице было темно и холодно. Дул ветер, моросил мелкий дождик. От него всем нам было ещё грустней, и мы не разговаривали.

...На этот раз после громкого стука в дверь в квартире послышалось шарканье тапочек. Кыш, к сожалению, не залаял.

Дверь открыл бывший хозяин нашего щенка, но вот что удивительно: он не был похож на человека с Птичьего рынка и с витрины «Крокодила». Лицо его было побрито, оно не дёргалось, и глаза не бегали по сторонам.

Наш приход его не удивил.

— Можно? — хмуро и нетерпеливо спросил пapa.

— Я случайно не прозевал ваше «здравствуйте»?

Хозяин Кыша стоял на пороге, не приглашая нас войти.

— Извините. Добрый вечер, — поправился пapa. — Тут такой момент, что голова идёт кругом.

— Заходите. Встреча как в сказке, но я

знаю, зачем вы пришли и откуда у вас мой адрес. Меня зовут Николай Иванович.

— А в «Крокодиле» написано Николай Васильевич, — подозрительно заметил я.

— Дежурный составлял в милиции протокол и ошибся, — спокойно объяснил Николай Иванович. — Недавно мне звонил оперативник Володькин. Ничем порадовать вас не могу. Собачку не крал и не знаю, где она.

Папа долго не отвечал. Он смотрел в глаза Николая Ивановича, а Николай Иванович смотрел в глаза папы, как будто они оба играли в гляделки.

— Извините. Но искать-то пса надо, — наконец, смутившись, сказал папа.

— М-да! Спасиочки за подозрение. Прошу в комнату. Садитесь.

Мы зашли в комнату. Снежка сразу засмотрелась на полки, с какими-то странными стеклянными фигурами и трубочками.

Папа коротко рассказал, как всё получилось, и ещё раз извинился за подозрение.

«Прости меня, Кыш! Прости! Если бы я знал, где тебя искать!!» — только и думал я, не находя себе места от горя.

— Подскажу вам вот что, — сказал Николай Иванович. — Здесь неподалёку есть ин-

ститут. Там проводят всякие опыты на животных. Я слышал, что там покупали собак. Сам туда хотел продать. Да жалко стало. Сходите узнайте. Правда, час поздний. Вы зарегистрировали пса?

— Собирались и дособирались, — сказал папа.

— А на кошках там тоже проводят опыты? — испуганно спросила Снежка.

И тут я вспомнил, как однажды папа вслуш читал маме статью из «Знания — сила» про то, как подопытной собаке отрезали голову, а потом пришили обратно. Да не одну, а сразу две. А другую собаку умертвляли и оживляли. А овчарке отрезали заднюю ногу и снова пришили. И она прижилась. Даже фотографию видел.

Папа ёщё восхищался золотыми руками хирургов и доказывал маме, что такие опыты необходимы для всего человечества. И что если одному человеку пересадили чужое сердце, то это сделано благодаря опытам на тысячах собак, обезьян и других животных...

— Быстрей! Быстрей пошли туда! — заторопил я папу.

— Сегодня поздно. Подождите до утра, — посоветовал Николай Иванович.

— А ночью там делают опыты? — спросил я.

— Нет, не делают. Я знаю. Там мой сосед работает, — сказал Николай Иванович.

У меня немного отлегло от сердца.

— Ну что ж, подождём до утра, — решил

папа. — Вы, случайно, не стеклодув? — спросил он, показав на полки с выдутыми фигурами.

— Да. Стеклодув. Устраиваюсь на другое место.

— Я приглашаю вас в свою лабораторию. Хороший стеклодув нужен вот так! Держите адрес. Не пожалеете.

— Зайду. Посмотрим, — сказал Николай Иванович. — Ты как назвал пса? — спросил он меня.

— Кышем. Вы, наверно, ему кричали всё время кыш! Кыш отсюда! — ответил я.

— Да. Я его взял к себе, не подумав о всякой мороке, — согласился Николай Иванович. — Ну, а у вас он натворил дел?

— Кое-что было. Но он же ребёнок, то есть щенок... не без этого, — грустно сказал папа.

Мы попрощались и на всякий случай пошли к институту, в котором мог находиться Кыш. Только по дороге Снежка попросила папу позвонить к ней домой и сказать, что она со взрослыми и скоро вернётся.

Здание института было серым, с тремя колоннами. Ни в одном окошке не горел свет.

Мы, прислушиваясь, прошли вдоль чугунной решётки ограды. Мимо нас проезжали троллейбусы и машины, но всё равно мне казалось, что я слышу отдалённый собачий лай.

— Не бойся. Если он там, мы его выручим, а если нет... дело хуже, — сказал пapa. — Только возьми себя в руки. Будь мужчиной. Не ныть!

Мы проводили Снежку до дверей её квартиры и позвонили. И вдруг дверь открыла Вета Павловна! Она была в боксёрском полосатом халате и с белыми железками в волосах. Я зажмурил глаза и разожмурил, но это всё-таки была Вета Павловна. Папа был удивлён не меньше, чем я.

— Да говорите же! Нашли? — спросила наша учительница.

— Пока нет. Но найдём, — сказал пapa.

Мы ушли. Мне было не до того, чтобы уз-

навать, почему Снежка скрывает, что наша учительница её мама. А может, соседка? Или тётя? Может, и завуч и директор не знают, что Снежка и Вета Павловна ближайшие родственники? Всё-таки интересно! Очень интересно! Вот найдётся Кыш, и я всё выясню!

Вдруг по дороге домой я остановился и сказал:

— Пап! А дядя Саня?

— Что — дядя Саня? — рассеянно спросил пapa.

— Так он же следователь! Ты сам говорил!

— Он следователь по особо важным делам, — сказал пapa.

— Так что же, значит, у нас не особо важное дело, если пропал Кыш? — спросил я.

— Ну что ты говоришь? Пропал один щенок. Позвоню я дяде Сане, а он скажет: «Катись ты с таким делом в стол находок!»

— А если украдут сразу всех щенков по всей стране? Это будет особо важное дело? — спросил я, не двигаясь с места.

— Будет. Но это никогда не произойдёт.

— Как же так? — не понял я. — Один щенок пропал — не особо важное дело, а тыща — особо важное?

Папа на секунду закрыл глаза. Вид у него был измученный. Поэтому, не дожидаясь ответа, я взял его за руку, и мы пошли дальше.

Я чувствовал, что, пока не найдётся Кыш, моё сердце будет тоскливо сверлить тупая боль. И если у следователя дяди Сани есть дела поважней, чем поиски Кыша, то для меня это особо важное дело...

Мама поняла по нашему невесёлому виду, что мы ничего хорошего не узнали. У неё были заплаканные глаза, и за то, что она так жалела Кыша и, конечно, простила его за поднимание пыли хвостом, я поклялся про себя постараться не расстраивать маму и хорошо учиться...

Мама спросила у папы, поинтересовался ли он, за что бывший хозяин Кыша попал в «Крокодил».

Папа сказал, что Николай Иванович прекрасный стеклодув, клад для лаборатории, завтра придёт поступать к ним на работу, и папа обо всём его расспросит. Судя по всему, он не пьяница и неплохой человек...

49

Такой тяжёлой ночи, как эта, у меня никогда раньше не было. Я вскакивал несколько раз с постели и подбегал к входной двери. Мне казалось, в неё кто-то скребётся.

Папа и мама тоже долго не могли уснуть.

Они разговаривали, и мама то и дело повторяла:

— Скорей бы уж утро!

И я шептал: «Скорей бы! Скорей бы! Скорей бы!» Но уснуть боялся, потому что знал, что мне обязательно приснится какой-нибудь страшный сон про Кыша.

И он приснился. Кыш сидел с аквалангом на плечах в аквариуме. Вокруг плавали красивые разноцветные рыбки и приставали к нему. Но деться Кышу было некуда. А главное, я кричу ему:

«Кыш! Я здесь! Прости меня! Сейчас я тебя выручу!»

Только он не слышит из-за толстого слоя зелёной воды. И кислород у него вот-вот должен кончиться в акваланге.

Тогда я надеваю маску и ныряю за Кышем, но ударяюсь о прозрачную, непреодолимую преграду. Я бьюсь об неё лбом, а откуда-то на Кыша надвигается огромная черепаха, медленно перебирая противными лапами...

Тут мне стало так страшно, что я проснулся. Было уже утро. Около меня стояла мама и щупала ладонью мой лоб. Но ни страха, ни жара я не чувствовал и быстро оделся.

— Папу ночью срочно вызвали на какой-то объект, — сказала мама.

— А кто же мне поможет выручать Кыша? — закричал я.

— Мы успеем дойти до института и всё выяснить. Но опоздать мне на работу никак нельзя.

— Никак?

— Сегодня никак. Неужели ты думаешь, я бы не отпросилась?

— А если бы пропал не Кыш, а я? Ты бы отпросилась?

После этих моих слов у мамы стало такое обиженное и беспомощное лицо, что я пожалел, что сказал их.

— Слушай... Случилось горе. И для тебя, и для меня, и для папы. Друзья сочувствуют нам... Но не может же весь мир бросить сейчас все свои заботы и взяться за поиски Кыша! — сказала мама.

— А я бы, если бы у кого-нибудь в Японии, или в Ташкенте, или в Африке, или в Перловке пропал щенок и ко мне пришла бы телеграмма-молния, — я бы сразу бросил все свои заботы, отпросился у завуча и пошёл бы искать этого щенка!

— Лучше давай поспешим! Можешь сегодня не умываться. Позавтракаем на ходу! — сказала мама.

Вдруг кто-то позвонил по телефону. Я замер.

— Да. Доброе утро. Сейчас туда бежим. Спасибо, милая Снежка, мы с Алёшой управимся сами. Спасибо! Он тебе всё расскажет... Передам... — Мама вошла в комнату. — Снежка рвалась идти вместе с нами. Она просила передать, что после уроков весь класс будет искать Кыша и найдёт его.

Мне стало так хорошо, оттого что Снежка — мой друг, настоящий и первый в жизни.

50

Мы с мамой шли по улице, и вдруг навстречу нам попался завуч... Он шёл не спеша, курил, поглядывал на деревья и чему-то улыбался. И хотя вид у него был не такой страшный, как в школе, у меня мурашки пробежали по спине от страха. Завуч тоже заметил нас с мамой и сразу перестал чему-то улыбаться. Мы поздоровались.

— А что это вы удаляетесь в сторону от школы? — спросил завуч, слегка поклонившись моей маме.

Мама быстро всё ему объяснила.

— Надо искать, Сероглазов! Только не взду-

май зареветь! Пёс был очень симпатичный, — сказал завуч.

— Как? Разве вы его знали? — удивилась мама, очень пристально посмотрев на меня.

— Да, я имел честь с ним познакомиться, — сказал завуч, но не выдал меня маме.

— И вот беда, — пожаловалась мама, — мужа ночью вызвали на объект, а мне сегодня решительно невозможно отпроситься. Вы уж извините, что Алёша немного опаздывает.

— Травкина! Здравствуйте! Можно вас на минутку? — позвал завуч ту самую девушку Олю, которая проходила мимо нас с другими старшеклассницами. (Оля подошла к нам.) — У меня, Травкина, к вам просьба. У Сероглазова пропал щенок. Полагают, что он продан в институт. Чтобы Сероглазов один не болтался по улицам, будете его провожатой. Поможете в поисках. Его мама спешит на работу.

— Можно, я?

— Я в этом институте всех знаю!

— Разрешите нам тоже! — с завистью загадели другие девушки.

— Кажется, я принял решение! — строго сказал завуч, и их как ветром сдуло.

Я очень обрадовался неожиданной помощнице Оле, а мама выдала ей денег на разъезды.

— Андрей Иванович! — сказала Оля завучу, приложив руку к груди. — Я всю жизнь буду благодарить вас за сегодняшний счастливый день!

— Это почему же? — подозрительно спросил завуч.

— Сегодня контрольная по геометрии, — сказала Оля.

Мама засмеялась, завуч посмотрел по сторонам, наверно, чтобы заменить Олю кем-нибудь другим, но было поздно. Мы с Олей уже бежали по улице.

В троллейбусе по дороге в институт я рассказал ей, как уснул, надев на себя ошейник, а когда проснулся, Кыш как в воду канул. А оперативник установил, что нашу квартиру забрызгали эфиром. Оля очень пожалела Кыша. Она его хорошо помнила, и он ей нравился больше, чем Гера — собака её приятеля, Рудика.

51

Когда мы приехали, я попросил Олю ни в коем случае не брать меня больше за руку, даже если переходим дорогу. А то как будто я из детского сада. И Оля пообещала.

В институт нас не пустила вахтёрша в зелё-

ной гимнастёрке и с медалью «За отвагу». Она не знала, приносили вчера сюда продавать собаку, похожую на Кыша, или нет.

Мимо нас проходили сотрудники. Они раздевались в гардеробе — снимали пальто, одевали белые халаты и поднимались по лестнице.

И я, и Оля пробовали расспросить четырёх человек про Кыша, но они в ответ смеялись, говорили какую-то ерунду, не пытаясь даже понять, что речь шла о щенке, попавшем в беду.

Тогда Оля подошла к молодому, но лысому человеку в очках и в упор задала ему вопрос.

— Послушайте! В конце концов, вот у вас есть сердце?

Этот человек вздрогнул, приложил руку к груди и сказал, улыбнувшись:

— Фу!.. Стало полегче. На месте... Я вполне мог забыть его дома или в закусочной. Аспирант Пашков к вашим услугам.

— Так вот, узнайте немедленно, не находится ли в вашем... собакариуме щенок Кыш. Вчера его похитили, — потребовала Оля.

Она, как я понял, очень разозлилась за то, что никому до нас не было дела.

— Длинная шерсть... уши тёмные, чёлка на лбу, — сказал я.

— Морда у него похожа на цветок... на хризантему, — добавила Оля.

— Я не знаком с этим цветком, — сказал аспирант Пашков.

— Мне очень жаль вас, — ответила Оля.

— Наука!.. Науке я отдал всё!

Аспирант Пашков, извиняясь за то, что всё отдал науке, развёл руками и ушёл, а я спросил у Оли:

— А для тебя что главней — наука или цветы?

— Наука о цветах, — сказала Оля, засмеявшись.

— Разве такая есть?

— Скоро будете её проходить. Ботаника называется эта прекрасная наука.

— А про собак есть наука — собакотаника?

— Есть, только собакология.

— А про кошек?

— Наверно, кошкология. А ещё есть птицеология, рыбология, слонология, червякология и даже шакалогиенология. В общем, зоология. А я её не люблю. Я люблю ботанику.

Несмотря на тоску по Кышу, у меня дух захватило от радости, что имеется столько наук про животных и что можно будет их изучать, когда я стану грамотным.

Мы с Олей ходили по вестибюлю; я думал

об этих науках и ещё о том, что среди людей, занятых своими заботами, всегда можно найти человека, который тебе поможет. Нужно только хорошенъко поискать...

Когда Пашков пришёл и сказал, что щенок, похожий на Кыша, сидит в клетке и, главное, что его принесли вчера, мне не поверилось.

— И вы его видели? — спросил я.

— Конечно. Уши тёмные, чёлка на лбу. Грустит, — сказал Пашков.

— Так давайте заберём его! Напишите нам пропуск! — крикнул я, не удержавшись.

— Вот тут я ничем не смогу вам помочь. Нужно прийти твоему отцу или маме с доку-

ментами на щенка. Кроме того, институт заплатил за него деньги. Советую поторопиться.

Я закрыл глаза и прикусил губу. Ведь мы ещё не зарегистрировали Кыша.

Пока я стоял, в ужасе забыв обо всём на свете, Оля о чём-то договорилась с Пашковым.

— Пойдём на работу к отцу! — заторопила она меня. — Адрес знаешь? Не бойся! Докажем, что он твой!

— Желаю успеха. Вам повезло, что сегодня я был с сердцем, — сказал Пашков, и я попросил его последить, чтобы на Кыше не делали опытов, ничего не отрезали и не пришивали и не посыпали в космос на долгие годы, потому что Кыш очень глупый щенок.

— На меня он произвёл впечатление умного пса, — сказал Пашков.

На всякий случай я помотал головой и не признался, что Кыш умеет включать к выключать свет и разговаривать.

— Послушайте, аспирант Пашков, вы не спросили, кто его вчера принёс? — поинтересовалась Оля.

— Трое парней. Фамилий не знаю. Пока! Я и так опоздал.

— Спасибо! — крикнул я вслед убегавшему по лестнице Пашкову.

До папиной работы мы доехали на такси за пятьдесят четыре копейки.

— Внутрь нас не пустят. Тут собак не трогают, а отгадывают тайны Вселенной, — сказал я Оле.

Мы подошли к окошечку бюро пропусков, и я попросил девушку найти моего папу Сероглазова по особо важному делу и чтобы он быстрей бежал вниз.

— Он ещё не вернулся, — немного погодя сказала девушка. — Возьми, мальчик, трубку. С тобой будут говорить.

Я, подложив под ноги портфель, взял трубку и спросил:

— Вы кто? Я — Алёша Сероглазов.

— Алёша, здравствуй. Говорит дядя Сергей Сергеев. Что-нибудь случилось или ты просто так?

— А где папа?

— Его не будет ещё часа два. Ты не реветь ли собрался? Подожди, я сейчас спущусь вниз.

— С кем ты говорил? — спросила Оля, когда я протянул в окошечко трубку.

— Сергей Сергеев. Бывший папин друг. Он предал папу, хотя съел с ним пуд соли, — зло

сказал я, но, когда к нам подошёл он сам, мне стало неудобно.

Дядя Сергей Сергеев, которого я давно не видел, совсем не был похож на предателя папы. Просто не мог предать папу такой высокий человек с такими весёлыми и добрыми глазами.

Во рту у него торчала сигара, из кармана — две трубки, и он весь был окутан сизым крепким дымом.

Оля тут же объяснила, что нужно быстрей сделать для спасения Кыша.

Недолго думая дядя Сергей Сергеев, крякнув, посмотрел в свой бумажник, снял белый халат, взял в гардеробе синий плащ и сказал:

— Бегом! За мной!

И первый раз за сегодняшний день я почувствовал, что всё будет в порядке.

Мы с Олей бежали за широко шагавшим дядей Сергеевым, как вагончики за паровозом, окутанным дымом...

Но как доказать без документов, что щенок — наш Кыш? Как доказать? И кто эти трое парней? И зачем они так?..

И вдруг, когда мы ехали уже в машине, я вспомнил удар снежком по затылку и как Рудик прошёл мимо меня, смеясь и разговаривая с двумя парнями, а я стоял, потирая

рукой голову, и под ногами у меня валялась упавшая фуражка...

Это они! Они отомстили за то, что Кыш взял след! За то, что Рудика заставили подписатьсь на газеты и журналы! Они унесли Кыша, и тётя Кланя слышала, когда он визжал в мешке, как поросёнок!

— Дядя Сергей Сергеев! Можно, мы на минутку подъедем к школе? Очень нужно! — попросил я, объяснив шофёру, как проехать.

У меня вмиг родился план, и поэтому я подумал: «Если это вы, то я вас не боюсь! Я, самый маленький в школе первоклашка, по прозвищу Двапортфеля, больше никого не боюсь!»

...Я выскочил из машины, когда мы подъехали к школе, и пулей влетел по лестнице на наш этаж. Шёл урок. В коридоре никого не было. Я побежал к стенгазете и сорвал плохо приклейенную фотокарточку чемпиона по плаванию Рудика Барышкина.

Мне было бы приятней положить в карман двух мокрых жаб, десяток косикосиножек или очковую змею кобру, чем эту фотокарточку!

И только я собрался бежать обратно, как меня строго окликнули:

— Сероглазов!

Я встал как вкопанный, обернулся и похо-

лодел от того самого страха, который, я думал, никогда больше ко мне не вернётся.

Меня окликнул директор нашей школы. Я не двигался с места, пряча фотографию Рудика за пазуху, и это было совсем отвратительно.

Директор быстрыми шагами направился ко мне. Он подходил всё ближе и ближе. Я видел, как у него на переносице сходятся брови и приоткрывается рот для того, чтобы меня спросить: «Ты почему не на уроке? Ты зачем сорвал фотокарточку нашего славного чемпиона Барышкина?»

В моей голове пронеслось: «Кыш! Он один! Он ждёт!»

И тут как будто крылья выросли у меня из спины и появилось дыхание, которое папа называл вторым, а я ещё не хотел папе верить, что оно существует.

Я на этом втором дыхании, не чувствуя под собой ног, слетел по лестнице вниз и уже мчался по двору, включив третье дыхание, а из открытого окна мне вслед кричал директор:

— Сероглазов! Вернись! Куда ты? Призываю меня не бояться!

Я тоже хотел ему крикнуть: «И вы за меня не бойтесь! Мы спасём моего щенка Кыша!

Мне завуч разрешил!» Но дверь такси открылась, дядя Сергей Сергеев втащил меня в машину, крикнул шофёру: «Полный вперёд!» — и она рванулась с места. Не успев отдышаться, я оглянулся и представил, как за нами началась погоня.

Впереди всех, на вороном коне, у которого были перевязаны бинтами коленки, скакал наш директор в папахе и в бурке, а за ним на тачанке — завуч с Ветой Павловной, а за тачанкой, тоже на лошадях, — целый полк старшеклассников. Цокот стоял такой, словно танки мчались, а не конница. У коней развеивались гривы и хвосты! Наш директор всё ближе, всё ближе! Мы летим по улицам, перекрёсток за перекрёстком. Красивая, вытянутая морда лошади с бешеными, весёлыми глазами вот-вот ткнётся в заднее стекло машины, но тут раздаётся милицейский свисток. Какой умница старшина с черно-белой палочкой! Он на ходу ловит поводья лошади нашего директора, а его штрафует за превышение скорости!

— Позвольте мне заплатить штраф! — услышал я, очнувшись от погони, голос дяди Сергея Сергеева. — Шофёр не виноват. Это я попросил гнать на всю железку. Срочное дело.

Старшина, оторвав квитанцию, сказал шофёру:

— Скажите спасибо, что не прошёл талон.

— Спасибо, — зло сказал шофёр, и мы поехали дальше.

53

В вестибюле института дядя Сергей Сергеев велел нам с Олей подождать, а сам надел халат и, на ходу что-то сказав вахтёру, поднялся наверх.

Когда мы его ждали, я заметил, что Оля стала какой-то грустной. Может, она тоже догадалась про Рудика? Каково ей гулять с ним по улице и знать, что он почтовый воришко?

Я даже захотел из-за Оли и отца Рудика, к которому ночью вызывали «неотложку», и из-за брата, военного лётчика, чтобы похитителем Кыша оказался не Рудик, а кто-нибудь другой.

Так мы с Олей ходили по вестибюлю и думали, наверно, об одном и том же. И она не догадывалась, что у меня за пазухой лежит фотокарточка Рудика, которой на каждой перемене любовались старшеклассницы.

— Ты чего? —
спросил я Олю, не
выдержав мол-
чания.

— Так... ниче-
го, — ответила Оля.

— Пошли! По-
шли! — вдруг загре-
мел над нами голос
дяди Сергея Серге-
ева. В руке он дер-

жал какую-то бумажку, и лицо у него было сердитое и красное. Видно, он с кем-то крепко поругался из-за Кыша.

Мы прошли через весь институтский огромный двор и чем ближе подходили к двухэтажному кирпичному дому, тем громче был слышен собачий лай из окон первого этажа.

«Только бы это Кыш! Только бы он!.. Кыш, подожди ещё немножко! Мы идём! Мы рядом! Ещё три минуты... даже две... даже одна... одна минутка! Мы здесь, Кыш!»

Мы зашли в комнату завхоза, и я ахнул от удивления: за столом рядом с завхозом сидел тот самый человек в синем плаще, оперуполномоченный Володькин, и что-то писал.

Подняв глаза и увидев меня, он ни капли не удивился, как будто, напав на след воришек, ждал нас

здесь, а мы взяли да опоздали... Он спросил у дяди Сергей Сергеева:

— Вы отец?

— Странный вопрос, — ответил дядя Сергей Сергеев, чтобы прямо не врать.

— Документы у вас при себе на собаку?

— Щенка только собирались зарегистрировать. Не успели.

— Откуда же известно, что собака ихняя? — спросил завхоз.

— Она нас узнает. Особенно мальчика, — сказал дядя Сергей Сергеев.

— Можно к нему? — крикнул я.

— Он всех рад узнать, лишь бы вырваться куда подальше. Нужны документы, — наставивал завхоз. — Без документов и ошейника с номером собака считается безнадзорной.

— Кыш не безнадзорный. Он породистый! У него прапрапрадед фон Ниппель, а бабушка фон Гуссейн! Можно доказать, что он мой? — сказал я, мучаясь от того, что всё тянетяется так долго.

— Как же ты докажешь? — спросил Володькин.

— Знаю, кто украл! — сказал я и, встав спиной к Оле, чтобы она не видела, достал из-за пазухи карточку Рудика.

Вот тут-то Володькин, взглянув на неё, изумился и показал карточку завхозу.

— Был и этот, — сказал завхоз, — но деньги получал другой.

— Мой Кыш умеет читать мои письма! — выдумал я от нетерпенья.

— Вот и соврал. У нас тут доктора наук занимаются, обезьян никак читать не обучат, а ты говоришь — собака. Собаки у нас только слюни на рефлекс пускают! — сказал завхоз.

— Дайте мне лист бумаги, если не верите, — попросил я, оробев оттого, что совсем заврался из-за желания выручить Кыша. Но отступать было некуда, хотя Кыш, конечно, не умел читать, а я писать ни одного слова.

Долго слюнявя синий карандаш, я ждал прихода второго дыхания и вспоминал буквы. Потом заслонил от всех листок бумаги рукой, высунул язык и медленно вывел, стараясь не сделать ошибки:

Кыш я тут,

а рядом быстро, как взрослый, начеркал две строчки первых попавшихся под руку закорючек и прошептал:

— Ну, Кыш! А ты давай читай на втором дыхании!

Завхоз недовольно взял у меня письмо к Кышу и велел нам идти за собой. Мы спустились по лесенке в полуподвал. Но в помещение, где лаяли собаки, мы не вошли. Завхоз велел стоять в дверях, на площадке.

Я видел, как он подошёл к решётчатой дверце и просунул развёрнутый лист моего письма в клетку. И через секунду я услышал звонкий, с подвизгиванием лай Кыша. Кыш, перелаяв остальных собак, кричал мне из своей клетки:

«Я тебя ждал! Я не пил и не ел! Я тебя люблю! Возьми меня скорей отсюда!»

Завхоз открыл дверь. Кыш что-то примолк, и не успел я опомниться, как он прыгнул ко мне на руки и за секунду, скуля, успел облизать щёки, нос и лоб, и я, прижавшись к нему, дрожащему, лицом, закружился на месте, чтобы никто не видел, как мы оба плачем от счастья...

Ворчавшего завхоза я забыл поблагодарить. Дядя Сергей Сергеев остался улаживать с ним дела. А до выхода на улицу я шёл рядом с Володькиным, держа Кыша на руках. Оля шла поодаль, беседуя с неизвестно откуда взявшимся аспирантом Пашковым.

Потом нас догнал дядя Сергей Сергеев.

Пока мы не вышли на улицу, Кыш лаял на всех людей в белых халатах, а я его успокаивал.

Прощаясь с нами, Володькин сказал мне:

— Если будет сложное, особо важное дело, я приглашу тебя в помощники. Пойдёшь расследовать?

— Только после уроков, — сказал я и от всей души пожал руку Володькина.

Мне, конечно, хотелось расспросить, как он напал на след Кыша, но ещё больше хотелось домой и позвонить маме. А то у неё сегодня тоже особо важное дело и ещё волнения из-за меня с Кышем.

Кыш всё время с большим любопытством к чему-то принюхивался. И я догадался: ведь мама положила в мой портфель булку с колбасой.

— Вот придём и закусим как следует! — сказал я Кышу.

«Рр-а! Ладно, потерплю. Это всё уже пустяки. Я больше терпел», — согласился он.

Я слышал, как Пашков сказал Оле на прощание:

— Советую поступать только в медицинский. Кстати, я принимаю экзамены по химии. Это не шутка!

— Знаем мы вас, экзаменаторов, — ответила Оля. — В дни экзаменов вы оставляете свои сердца дома.

Пашков засмеялся и помахал ей рукой.

«Вот Пашков, — подумал я, — в очках и тоже лысый, как папа, а всё равно он красивей Рудика. И надо объяснить это когда-нибудь Оле».

Оля вдруг заторопилась в школу, потрепала Кыша за уши, погладила чёлку и села в троллейбус.

А мы с дядей Сергеем пошли пешком.

54

По дороге я подошёл к автомату и попросил набрать мамин номер. Когда мама взяла трубку и, волнуясь, спросила: «Да! Это я! Кто говорит?» — я сказал Кышу:

— Ну-ка, отвечай! — и поднёс трубку к его носу.

Кыш услышал голос мамы и залаял.

— Алёша! Это ты! Отвечай же! Я с ума тут схожу! — крикнула мама в трубку.

— Нет, это говорит Кыш! — сказал я. — Я нашёлся и сижу на руках. Мы идём обедать.

Очень охота есть! Мы не ели целые сутки.
С нами дядя Сергей Сергеев.

— Вот как! — удивилась мама. — Передай
ему привет.

...Хорошо как было не спеша идти по улице и смотреть на людей, на деревья, на дома и машины! А ведь вчера я бежал по этой улице к Снежке, ревел, и мне казалось, что вокруг мёртвая пустота...

Прохожие смотрели на Кыша, и улыбались, и оглядывались на высокого, как Гулливер, дядю Сергея Сергеева, сменившего сигару на трубку...

Уроки уже кончились. Нам навстречу стали попадаться сначала ребята из восьмой, а потом из нашей, двадцатой школы.

Вдруг на меня налетел чуть не весь наш класс, и Тигра заорал прямо в моё ухо.

— Двапортфеля! Что же ты мне не сказал!
Мы бы сразу нашли. Всем классом! Где он пропадал?

Я быстро рассказал про наши приключения, а сам искал глазами Снежку. Её среди ребят не было.

«Новое дело. То Кыш куда-то пропадает, то Снежка. Может, обиделась на меня, что не взяли её с собой?» — подумал я.

Больше всех радовался Кышу Тигра, и я, непонятно почему, вспомнил, как Вета Павловна просила нас рассказать, где мы были и что делали в прошлое воскресенье. Миша Яковлев тогда чуть не улетел с ВДНХ на ракете «Восток» в космос, а Тигра ничего не стал рассказывать и сквозь слезы объяснил Вете Павловне, что всё у него было плохо... Очень плохо...

Я вспомнил это и спросил:

— Тигра, а что у тебя было плохого в то воскресенье?

— А то ты не видел, — сказал Тигра.

— Да ты что? Я ничего не видел!

Тигра поверил и рассказал:

— Твоего Кыша должны были мне купить, уже деньги вынули. А я увидел тебя, заорал: «Двапортфе-ля!» — и его не купили, за то что я ору как невоспитанный. Если по правилам, то это мой щенок. — Тигра погладил Кыша.

— Но ведь я же не виноват, что так вышло, — заметил я.

— А кто же? Я ведь тебе кричал, а не другому. А потом было ещё хуже, — продолжал рассказ Тигра. — Мне вместо этого Кыша купили аквариум... большой такой... с рыбками. Двадцать рыбок в нём плавало. Папа дал

мне его подержать, чтобы лицо платком вытереть, а я пошёл, поскользнулся на корке дыни, и всё... Аквариум на кусочки. Восемь рыбок я спас и быстро кинул в чужие банки.

— Есть же ведь такие люди, которые бросают разные скользкие корки на землю! — с досадой сказал я и подумал, что трудно придумать ещё одну такую неудачу, как у Тигры в прошлое воскресенье...

Я пригласил его приходить ко мне играть с Кышем и со мной...

Дядя Сергей Сергеев, пока Тигра рассказывал, читал газету. Мы пошли дальше. По дороге я успел расспросить его, что такое цунами. Оказывается, это самая большая из всех океанских волн, высотой с многоэтажный дом. И папа моих вопросов боялся, как этой волны.

Когда мы подошли к нашему дому, дядя Сергей Сергеев сказал:

— Ну, Алексей, будь здоров. Рад, что смог тебе помочь.

Он был такой высокий, что тётя Женя с первого этажа сердито задёрнула на окнах шторы.

— А вы? — спросил я. — Мы же идём к нам обедать. Скоро мама придёт.

— Зашёл бы, но... хочу успеть в одно место.

Дядя Сергей Сергеев запыхтел трубкой, лицо его утонуло в дыму, и я догадался, что он не хочет заходить к нам из-за ссоры с папой. А расспрашивать, что это всё-таки за ссора, мне было неловко, хотя и очень интересно. Я его поблагодарил. Он погладил меня и Кыша по голове и ушёл. И за ним, как за паровозом, тянулось облако дыма...

Лифтёрша тётя Кланя, когда мы вошли в подъезд, заахала и запричитала:

— Нашёлся касатик... Да кому ты помешала, добрая скотинка?.. Где же ты пропадал?..

Уши твои длин-ныи-и, пыльны-и, курча-
вы-и...

— В институте он был. Опыты на нём хотели делать. На другую планету запустить, — пошутил я.

— Что ж, там собак не хватает, на тех планетах-то? — спросила тётя Кланя.

— Они только у нас на земле водятся, — сказал я, опустил наконец Кыша на пол и, волнуясь, как будто нажимал кнопку пуска ракеты, нажал чёрную кнопку нашего этажа.

Кабина вздрогнула, и мне показалось, что под нами загрохотали двигатели ракет и в круглых иллюминаторах виден покачнувшийся

и уменьшающийся ка глазах краешек Земли. Облака... океаны... и разные страны... На плечи мне давит страшная тяжесть, но я слежу за десятком приборов и управляю ракетой.

— Мы летим на другую планету, — сказал я Кышу. — Там срочно потребовались собаки.

«А мне всё равно, куда лететь. Лишь бы мы были вместе. Без тебя я не могу. Рр-у!» — ответил Кыш, и мы с ним поплавали в невесомости.

Только мне было тоскливо оттого, что я надолго улетел от мамы, и папы, и Снежки... Прямо лучше бы не улетал!..

Вдруг двигатели ракеты, отгрохотав, смолкли, я дотянулся на цыпочках до иллюминатора в железной двери, чтобы взглянуть, что это за планета, на которой не водятся собаки и на которую мы прибыли с Кышем.

Я взглянул, проморгался, ещё раз взглянул и понял, что на ступеньках лестницы этой планеты, подложив под себя портфель, сидит Снежка, уткнувшись подбородком в коленки, и лицо у неё грустное-грустное. И тут меня разобрала такая радость от встречи со Снежкой, что я заорал:

— Э-э-гей! Это мы-ы! Я и Кы-ыш!

Снежка вскочила со ступенек, я открыл

двери и бросился к ней. Ведь мы не виделись целый век, а может, и больше.

Мы со Снежкой взялись за руки, и заплясали от радости на площадке, и хотели, но слов никаких не говорили, как будто я и взаправду прилетел с другой планеты и не знал Снежкиного языка. А Кыш бегал вокруг нас и от радости долаялся до того, что слегка охрип. Но соседи, смотря на нас, не ругались и не просили прекратить шум.

Вдруг внизу забарабанили кулаком по стene шахты. Я забыл закрыть дверь кабину. Подойдя к кабине, я увидел, что Кыш успел налить на пол лужу, и побежал домой за тряпкой. Но соседи закрыли дверь без меня, и лифт поехал вниз. Когда я сбежал по лестнице вниз, тётя Кланя уже сама вытирала пол кабину тряпкой и не сердито сказала:

— Ну, ровно малое дитё... ровно малое дитё...

— Больше этого не будет, — пообещал я ей.

Снежка и Кыш были уже дома. Кыш лежал на своём матрасике и так глубоко вздыхал, что немного приподнимался при каждом вздохе.

«Ну, нету на белом свете сил, чтобы унесли меня ещё раз отсюда!» — говорил он при этом.

— Кыш, по-моему, стал белей, чем раньше. Наверно, поседел от переживаний. Так бывает, — сказала Снежка.

И я ей всё рассказал и про Олю, и про аспиранта Пашкова, который, к счастью для нас, не забыл своё сердце дома, и про дядю Сергей Сергеева, и как я убежал от директора, и про встречу с Володькиным, человеком в синем плаще, и как Кыш прочитал моё первое в жизни письмо, и наконец про Рудика.

Снежка, как только услышала, что это он с какими-то дружками унёс Кыша, так сжала кулаки и сказала:

— Пошли к нему!

— И что мы сделаем? — спросил я.

— Опять струсил? — разозлилась Снежка.

— Ни капельки. Но что мы ему сделаем? — ещё раз спросил я. — Как мы его накажем? Тут надо думать. У меня знаешь какая ненависть? А ведь я его пожалел после приговора на подписку!

Снежка села на диван и задумалась, а я пошёл на кухню, достал из кастрюли замечательную кость, которую из-за большой печали вчера отказался гладить папа, и в миске принёс Кышу.

Он при моём появлении присел на матрасике, потянул носом и от наслаждения замотал головой. Я поставил перед ним миску с костью. Кыш сбежал к входной двери, прорычал своим врагам:

«Не вздумайте красть мою кость и меня!» — и не спеша принял за своё любимое блюдо.

— Я придумала, — сказала Снежка. — Знаешь, что такое дуэль?

Я этого не знал.

— А сказки о Золотом петушке, о рыбаке и рыбке знаешь? И о царе Салтане?

— Это хорошие сказки... Мне папа их читал, — сказал я.

— Их придумал для нас Пушкин, а его убили на дуэли, — сказала Снежка. — Валя, моя сестра, проходит про это в школе. И мы будем проходить.

— Расскажи, — попросил я, и сердце у меня защемило от жалости к Пушкину.

Разве можно убивать людей, которые придумывают для нас такие хорошие сказки!..

Снежка тихим голосом рассказала мне всё, что знала, о Пушкине — весёлом, кудрявом и смелом писателе... Как он был внуком арата Петра Великого, как ругался с царём и защищал разбойника Дубровского, а царь

разозлился и подослал Дантеса, чтобы похитить у Пушкина самую красивую на свете жену Наташу и увезти её за тридевять земель, чтобы Пушкин умер от горя... А сам Дантеس был красивый и противный, как Рудик... Но Пушкин догадался и вызвал его на бой, под названием дуэль. Эта дуэль была на морозе у страшной Чёрной речки. Данте斯 первый выстрелил в Пушкина из нагана, да ещё не по правилам — разрывной пулей. Пушкин упал и тоже выстрелил из последних сил и, главное, попал, но Валя сказала, что у этого негодяя Дантеса, опять же не по правилам, под майкой был железный щит, и он не умер. А Пушкин умер...

После рассказа Снежки мы посидели и помолчали. Кыш продолжал есть кость. А в моём сердце закипела такая злость за то, что Пушкина убил человек, похожий на Рудика, что я вскочил с диванчика и крикнул:

— Я хочу на дуэль! Я его вытащу на дуэль!

— Не вытащу, а вызову, — поправила меня Снежка. — И нужно всё по правилам делать, хотя таких Рудиков без всяких правил выселять надо подальше!

— Тогда говори быстрей эти правила! — заторопил я Снежку.

— Во-первых, у тебя должен быть помощ-

ник. Секундант называется... Им буду я. Я тебя провожу на дуэль и буду следить, чтобы всё было по правилам. Надо только купить бинты, вату и зелёнку.

При упоминании о бинтах и зелёнке я немного затосковал, но пересилил тоску, а Снежка продолжала:

— Во-вторых, сейчас я позвоню Вале, и она скажет, как вызывают на дуэль. — Снежка пошла и набрала Валин номер. — Валя? Это я. Скажи, пожалуйста, как вызывают на дуэль? Очень нужно. Да! Говорю нужно. Так... так... И всё? Он очень плохой человек... Мы ещё не знаем, какое оружие. Пока!

— Ну что? — спросил я, когда Снежка вернулась в комнату.

— Валя сказала, что сначала нужно бросить перчатку. А потом выбрать оружие. У тебя есть перчатки?

— Нет, я ношу только варежки, — сказал я и вспомнил, как каждую зиму мечтал поскорей стать взрослым, чтобы ходить в перчатках и иметь побольше свободных пальцев.

— Варежки некрасиво бросать. Нужно перчатки. Неужели у вас дома нет ни одной перчатки? — удивилась Снежка.

И тут, хотя мне очень не хотелось этого делать, я достал из шкафа новые японские пер-

чатки в прозрачном мешочке, которые мама подарила папе, и спросил:

— По правилам нужно две кидать сразу или одну?

— Одну, — сказала Снежка. — Красивая какая перчатка! Боявшись, что попадёт?

— Ничего я не боюсь, — сказал я. — А обратно можно потом забрать перчатку?

— Ты что? Ни за что! — воскликнула Снежка.

И я, не раздумывая, перерезал ножницами шёлковый шнурочек, соединявший перчатки, о которых давно мечтал папа, и одну спрятал в карман.

После этого я принёс из ящика с игрушками духовой пистолет — он стрелял палочкой с чёрным резиновым набалдашником — и сказал:

— Нужно намазать эту резинку чернилами или чем-нибудь вонючим. Лучше рыбьим

жиром. Я попаду Рудику прямо в лоб.
Смотри!

Я встал у окна, прицелился, нажал курок, и набалдашник прилип к кружку на обоях.

— Не очень мне это нравится, — сказала Снежка.

— Тогда вот две рогатки.

— Не знала я, что ты мальчишка с двумя рогатками! Это не ты, случайно, пробил ка-

мушком в том году мой самый красивый шар? И он лопнул на балконе, — сощурив глаза, спросила Снежка.

И мне пришлось давать честное первоклассное, что это не я и что я вообще ни разу не подбивал ни надувных шаров, ни голубей, а воробьев, наоборот, спасал. Рогатки же я нашёл и просто так положил.

— Рогатки не годятся. А если ты ему глаз выбьешь? — сказала Снежка.

— Тогда давай я его вызову плеваться. Я плюю дальше всех в нашем дворе, — предложил я и хотел точно плюнуть с порога в форточку.

Но Снежка меня остановила:

— Ладно. Сначала пойдём вызовем его на дуэль. А чем драться, потом придумаем. Попшли к нему в квартиру. Как он откроет дверь — ты сразу бросай ему под ноги перчатку. Вот так. И говори: «Ты негодяй, негодяй! Я вас вызываю на дуэль, потому что вы украдли мою любимую собаку». Понятно?

— Понятно, — тихо сказал я и вздохнул, теребя перчатку.

И мне вдруг так расхотелось уходить из нашей квартиры, не дождавшись мамы и папы, и вкусного обеда, и футбольного матча по телевизору. А вдруг я сюда никогда, ни-

когда больше не возвращусь?.. И навсегда покину Кыша...

И как только я подумал о Кыше, с меня как рукой сняло и грусть и страх.

— Пошли! — сказал я Снежке и первым вышел из квартиры.

Мы поднялись по лестнице к квартире Рудика. Я набрал в грудь побольше воздуха, позвонил и отошёл на шаг, размахнувшись перчаткой. В квартире, кроме залаявшей Геры, никого не оказалось. Но я не обрадовался, что дуэль откладывается, а ещё больше разозлился.

Я предложил пойти искать Рудика. Снежка согласилась.

Только перед тем как уйти, мы попили чаю, съели плавленый сырок «Дружба» и полбулки с колбасой, которую утром в мой портфель положила мама.

Потом Снежка взяла с книжной полки альбом Москвы и нашла картинку с памятником Пушкину. И мы долго на него смотрели.

— А может, он стоит и думает: «Зря я тогда на дуэль пошёл... Лучше бы сидел себе дома и писал продолжение «Золотого петушка», — предположил я.

— Пушкин так не мог думать, — сказала Снежка. — Наверно, это ты так думаешь.

Ничего на это не ответив, я одел на Кыша новенький ошейник.

«Пр-ы, — сказал Кыш, помотав головой, — не люблю ходить в новом!»

— А я, думаешь, люблю? — спросил я.

56

Потом мы вышли из дома искать Рудика. Во дворе никто из ребят не мог сказать, где он.

— Может быть, он в «Стекляшке»? Пойдём на сквер, — предложил я.

В нашем сквере недавно построили кафе-мороженое. «Стекляшкой» его называли из-за стеклянных стен. Мы с мамой два раза ели там пломбир и пили газировку.

Мы подошли к «Стекляшке». Там было много народа и играл музыкальный автомат.

— Вон он! — сказал я, сжав Снежке руку, и у меня в глазах потемнело от обиды и злости.

Не выручи мы Кыша, ему сейчас делали бы уколы и отрезали лапы, а Рудик сидел бы, положив ногу на ногу, в «Стекляшке» и на вырученные за Кыша деньги лопал пломбир!

Из-за того, что у меня потемнело в глазах, я не сразу догадался, что напротив Рудика

сидит Оля. Она смотрела в нашу сторону. Но я заметил, что взгляд у неё какой-то невидящий.

«За Пушкина отомщу! И за тебя, Кыш! И за тебя, Оля!» — подумал я.

— Ну, иди! — дрогнувшим голосом сказала Снежка. — Я подержу Кыша. Только не бойся.

Я передал ей поводок, достал из кармана папину перчатку и пошёл вызывать Рудика на дуэль.

Но у дверей помедлил.

Не потому, что струсил, а потому, что представил снежную холодную поляну у Чёрной речки и напротив себя красавца Рудика в царском мундире с золотыми погонами. А я как был в школьной форме, так и остался. Только на голове у меня такая же шляпа, как у Пушкина... Вот Рудик идёт на меня, растянув в ехидной улыбке тонкие злые губы, поднимает наган, прицеливается... Метёт, завывая, метель... Сквозь её завывание я слышу тревожный голос мамы:

«Алёша! Сию секунду марш домой!»

И папин спокойный голос:

«Ты что, захотел попасть в вакуум?»

Но я отвечаю и им и всем:

«Мама, папа и Снежка! Не бойтесь! Я всех вас люблю и победю!.. И побежу!..»

А Рудик в золотых погонах уже совсем близко, и тут я делаю выстрел.

Палочка с резиновым набалдашником, измазанным вонючим рыбьим жиром, перемешанным с kleem и чернилами, попадает Рудику прямо в лоб! Ура! Ура!

Он падает. К нему подбегают санитары с носилками и несут к машине «скорая помощь» с сиреной и мигающей лампочкой. А Рудик кричит с носилок: «Пушкин! Я больше не буду! Я больше не буду!» «Скорая» срывается с места, а я спокойно продуваю дуло нагана...

— С ним сидит Оля, — легонько толкнула меня Снежка. — Ты извинись за беспокойство...

— Ну, пока, Снежка, — сказал я, подтянув штаны. — Как сказать — я победю или побежу?

— Ты победишь, — объяснила Снежка. — Помнишь, как надо вызывать?

— Всё помню. Но скажу я ему не «вы», а «ты». А что потом делать?

— Потом он побоится с тобой драться, и ты сделай вот так.

Снежка гордо закинула голову и смерила кого-то презрительным взглядом с ног до го-

ловы, и вдруг Кыш встал на задние лапы, а передними обнял мою ногу, прижался к ней ухом и заскулил. При этом он говорил:

«Не ходи... не вызывай его на дуэль... Это опасно. Вдруг... мало ли что бывает?.. Мне тебя жалко. Я тебя люблю. И ты меня любишь. Я боюсь... Снежка тоже боится... Чёрт с ним, с этим Рудиком! Ему и без тебя попадёт!..»

Сердце моё сжалось, но, чтобы Кышу не удалось меня уговорить не драться на дуэли, я толкнул тяжёлую...

Я толкнул тяжёлую стеклянную дверь, вошёл в кафе и направился к столику, за которым сидели Рудик и Оля. Рудик, не замечая меня, о чём-то зло упрашивал Олю, а она сквозь слезы два раза сказала:

— Сейчас я уйду... Сейчас я уйду...

Пломбир лежал нетронутым в её металлической вазочке.

Я сделал ещё два последних шага, дотронулся до Олиной руки и сказал:

— Оля, пожалуйста, извини меня за беспокойство. Мне нужно сказать... этому... пару слов.

Снежка со сплюснутым об стекло носом и с Кышем на руках смотрела на меня.

Оля, едва заметно улыбнувшись, кивнула,

и тогда я сделал шаг в сторону и громко объявили, смотря прямо на Рудика:

— Я тебя, нехорошего человека, за то, что ты украл мою любимую собаку,зываю на дуэль!

После этого я сделал выпад правой рукой и кинул в Рудика папину перчатку, но она попала не в него, а сбила вазочку с мороженым, и талые кусочки белого пломбира шлётнули Рудика по носу и щеке. В «Стекляшке» стало тихо. Кто-то захохотал.

Я стоял без всякого страха, ожидая, что будет дальше.

Бледное лицо Рудика покраснело. Оно было смешным от мороженого, стекавшего с носа. Он растерялся, а папина новая перчатка, как я успел заметить, лежала в белой лужице. Я ждал и уже хотел сделать презрительный вид, как учила Снежка, но тут Оля вышла из-за стола и серьёзно сказала мне:

— Пойдём отсюда, Алексей. Таких типов на дуэль не вызывают. Для них это слишком большая честь.

Оля подала мне руку, но я на этот раз не обиделся и подал свою, чтобы помочь Оле уйти. Так мы и вышли из кафе, держа друг друга за руки. Мне хотелось успокоить Олю и развеселить, но я этого не умел. И не знал как.

Снежка, на ходу отдав мне поводок и сказав «молодец», вбежала в кафе, взяла со столика папину перчатку и за большой палец вытащила её на улицу. Кыш подпрыгнул, выхватил её у Снежки из рук и нёс, держа в зубах. Я не стал отнимать у него перчатку. Всё равно она уже не новая. И оттого, что мы возвратим её папе, я в который раз за эти дни подумал:

«Снежка! Ты мой самый лучший друг на всю жизнь, съедим мы с тобой пуд соли или не съедим! И я никогда не буду твоим предателем! И сам сделаю тебе ещё много хорошего!»

Мы со Снежкой шли, ругая Рудика, а Оля всё молчала. И я не выпускал её руку.

— Смотрите! — вдруг сказала Снежка.

Я увидел идущего нам навстречу оперуполномоченного Володькина, а рядом с ним шли двое парней — те, которые кинули в меня снежок. Шли они нехотя, с ненавистью глядя на Володькина.

— Это они, — сказала Оля.

Кыш насторожился, присел и, когда идущие поравнялись с нами, бросился на одного из парней, оскалив зубы. Парень шарахнулся в сторону, а другой спрятался за Володькина. Я оттащил Кыша и спросил Володькина:

— Правда, это они?

Он кивнул.

— А как они всё-таки сумели? — спросил я так, чтобы никто не слышал.

— Дверь была открыта. Щенок вышел на площадку. Набросили на него пиджак, зажали рот, и всё. Смотри не спи больше на посту.

— А вы как напали на след?

— Я сразу подумал, что это — месть тебе и Кышу за то, что вы разоблачили мелкого жулика. А потом, эти голубчики уже не первого пса воруют. Пошли! — сказал им Володькин.

Я ещё раз крепко пожал его руку и попросил не забывать в случае особо важного дела.

Мы не стали смотреть, как Володькин вызывал из кафе Рудика. Кыш лаял, пока мы не зашли за угол.

57

У нашего дома я спросил у Снежки, что сегодня проходили и какие задали на дом уроки, а всё время молчавшей Оле сказал:

— Ты уже взрослая, а мы первоклашки. Тебе с нами скучно дружить. Но всё равно, мы — друзья. Ладно? Ведь смотри: нам со Снежкой по семь лет, а тебе шестнадцать. А когда нам будет по пятьдесят, то никто и не заметит, что ты старше, а когда семьдесят, и подавно.

Тут Оля засмеялась, хотя я не понял, что было смешного в моих словах, и сказала:

— На днях я вас возьму в бассейн. Научу плавать. Только спроситесь у пап и мам.

Снежка ушла с Олей. Они ведь жили рядом, а мы с Кышем пошли домой.

Мама открыла нам дверь и присела. Кыш радостно прыгнул ей на руки. Я добродушно заметил:

— Сама прижимаешься к нему лицом, а мне не велишь...

Мама встала, держа Кыша на руках, и спросила:

— Куда делась вторая папина перчатка? Я обыскала всю квартиру. Её нигде нет.

Мне пришлось издалека начать рассказ о том, как я бросил папину перчатку в Рудика. С того момента, как мама оставила меня с Олей, с разрешения завуча.

Кончил я рассказом про встречу с Володькиным, который вёл похитителей Кыша в милицию.

— И правильны были слова Оли! Не вызывай таких типов на дуэль. Не бросай им перчаток. Ведь я сорок минут стояла за ними в очереди, а у папы пальцы отморожены на правой руке. В чём он будет теперь ходить? — спросила мама.

Тут я вынул из кармана перчатку, немного липкую от мороженого, и мама теперь уже обнимала Кыша вместе с папиной перчаткой.

А самого папы ещё не было дома. Пришёл он поздно, когда я собирался лечь спать. Лицо у него было усталое, совсем обросшее бородой, глаза ввалились, но папа весело крикнул маме, мне и Кышу:

— Товарищи! Выяснилось, что я был неправ! Да, да! Неправ! Здравствуй, Кыш! Сегодня у нас с тобой особенно счастливый день!

Папа, умываясь, рассказал мне, как на испытаниях он вовремя понял свою ошибку, признался в ней своим товарищам, и они все, исправляя эту ошибку, валились с ног от усталости, но всё кончилось хорошо. А с папиных плеч сразу упал невыносимый и неприятный груз. И оказалось, что прав был дядя Сергей Сергеев. Но зато папа всё понял, и у него теперь весёлое и счастливое настроение.

Я всё-таки не мог понять, как это можно быть счастливым и весёлым, если стало ясно, что ты неправ. Но раз папа повеселел, значит, так оно и есть. Наверно, нужно быстрей перестать упрямиться...

Утром мама рассказала, что я стоял, прислонившись к двери ванной, слушал папу, глаза у меня слиплись, я сел на пол и уснул. И не слышал, как папа положил меня оде-

тым на диванчик, накрыл одеялом, и я без единого сна проспал всю ночь до утра.

И это было хорошо — после двух таких тяжёлых дней проснуться солнечным осенним утром, погладить Кыша, прогуляться с ним, потом тихо, чтобы не будить уставшего папу, позавтракать, положить в портфель книжки, азбуку и тапочки и пойти в школу.

Перед уходом мы с мамой всё-таки разбудили папу всякими разговорами. Он сонно пробормотал:

— Сын... подойди ко мне!

Я подошёл.

— Дай руку!

Я протянул руку, и папа слабо, потому что он был спросонья, её пожал.

— Ты настоящий мальчишка... Ты мужчина... только научись читать и писать... это... совершенно...

Тут он снова заснул.

— Ладно. На той неделе обязательно научусь, — пообещал я и понял, что мама рассказала папе про весь вчерашний день.

В школу мы шли вместе со Снежкой и Ветой Павловной. Я догнал их на улице, отозвал Снежку и спросил:

— Ты почему в секрете держала свою маму Вету Павловну? Эх, ты!

— Она вовсе не мама, а двоюродная тётя. А мама с папой на три года уехали в командировку в Африку, — сказала Снежка.

— А почему она тебе даже строже, чем мне, замечания делает? И грозит в другой класс перевести?

— Не знаю сама... Зато она дома добрая.

— А почему тебя в Африку не взяли?

— Потому что не умею переносить жару.

— Я тебе тренировку устрою, — пообещал я. — Зажжём в кухне весь газ и духовку и будем уроки делать при жаре.

— С газом нельзя баловаться. Нашёл игрушку! Хочешь нанюхаться и в больницу попасть? Не вздумай, — сказала Снежка, и мы опять пошли рядом с Ветой Павловной.

До уроков я успел подойти к завучу и сообщил, что Кыша мы выручили благодаря Оле и другим людям.

— В понедельник тебе предстоит разговор с директором, — сказал завуч. — Будешь объяснять, почему ты без спроса срываешь фото с газеты и убегаешь, несмотря на приказ остановиться. Ясно?

— Остановиться я уже никак не мог. Я здорово разогнался, — объяснил я.

— Иди на урок. Будь молодцом, — велел завуч.

60

На первой же переменке меня обступили ребята из разных классов. Но больше было старшеклассников. Они смотрели на меня сверху вниз, смеялись, но не дразнили.

А редактор радиогазеты Коля, по прозвищу Вокруг, присел передо мной на корточки, поднёс к моему рту матовый, с дырочками микрофон и спросил:

— Сероглазов! Не будете ли вы так любезны ответить на ряд вопросов собственного корреспондента нашего радио?

— Задавайте, — ответил я, решив больше ничего не бояться. — Только быстрей. Мне пить охота.

— Товарищи! Прошу абсолютной тишины! Идёт запись! — попросил Вокруг, и все неожиданно притихли. — Сколько вам лет, Сероглазов?

— Восьмой пошёл.

— Занимались ли вы в раннем детстве бок-

сом, самбо, дзю-до, борьбой, стрельбой из огнестрельного оружия или фехтованием?

— Стрелял из нагана, — сказал я, однако умолчал, что умею плеваться дальше всех в нашем дворе. И мне интересно было смотреть на маленький магнитофон Коли-Вокруг с вращающимися кружками и мигающей зелёной лампочкой.

— Каковы ваши личные достижения при стрельбе из нагана?

— Попал в лампочку на кухне. Резинка к ней прилипла, и она лопнула.

— Прекрасный результат. И вам не было страшно, когда вы вызвали на дуэль Барышкина?

— Сначала было страшно, а потом нет. «Вот он о чём! — подумал я. — Уже узнали, но бояться мне нечего! А если хотят посмеяться, пусть смеются!»

— А как себя вёл Барышкин после того, как вы ему бросили вызов?

— Я кинул перчатку, и забрызгал его мороженым, и сказал: выходи на дуэль за то, что ты украл мою любимую собаку! А он покраснел. И всё.

— Покраснел, и всё? А ваш вызов не принял? Повторяю: не принял вызов?

— Нет. Не принял.

— Всё ясно. Сколько у вас было секундантов?

— Один, — сказал я и увидел Снежку.

Она приложила палец к губам.

— Назовите фамилию этого благородного человека!

— Не буду называть.

— Простите, почему?

— Ему попадёт.

— И ещё один вопрос. Из каких источников, письменных или устных, вам стало известно о дуэлях?

— Мне рассказывали, как Пушкина убили на Чёрной речке.

— А про Лермонтова не рассказывали?

— Нет.

— Вы понимали, что результат дуэли мог быть весьма печален... для вас и... конечно, для всех нас?

— Понимал, — сказал я тихо и представил, как всем было бы меня жалко и как Тигра прибывает к моей парте каменную доску, на которой золотыми буквами написано:

ЗДЕСЬ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
УЧИЛСЯ АЛЕША СЕРОГЛАЗОВ

— И последний вопрос: кого ещё вы собираетесь вызвать на дуэль в ближайшее время?

— Пока неизвестно.

— Но будете без страха вызывать таких людей, как Барышкин?

— А как же? Буду всю жизнь! — сказал я, забыв о том, что результат дуэли может быть печален.

— Сочту за честь, Сероглазов, быть вашим секундантом! Спасибо за интервью! — сказал Вокруг.

— Пожалуйста, — ответил я, с трудом пробился сквозь толпу смеющихся ребят и пошёл пить воду. У меня от этого интервью совсем запершило в горле.

61

На остальных уроках мы со Снежкой сидели тихо и внимательно слушали объяснения. Мы получили только одно замечание, когда я спросил Снежку, почему у Коли прозвище Вокруг, и она ответила:

— Фамилия Гурков обратно читается Вокруг.

Я подумал, что тяжело, когда двоюродная тётя твоя же классная руководительница. Зря

Снежка не пошла в первый «Б». Впрочем, правильно сделала. Ведь тогда мы никогда не стали бы друзьями на всю жизнь! А так стали!..

62

Как только я пришёл домой, папа сказал мне:

— Быстрей замори червячка. Мама уже готова. Знаешь, куда мы идём? На выставку собак! Вот куда! Причём в качестве почётных гостей. Сергей Сергеев ждёт нас у входа в парк.

— А Снежку возьмём? Ей скучно. Ведь кошачьих выставок небось не бывает. И Вету Павловну тоже.

— Возьмём. Собирайся.

Я посмотрел на Кыша. Он словно чувствовал, что мы отправляемся на собачью выставку: приглаживал лапами уши и, по-моему, заново учился улыбаться после вчерашнего потрясения. А мама, пока я ел, расчёсывала ему гребешком шерсть на спине и на боках. При этом мама пообещала в ближайшее же время решительно уничтожить всех Кышевых блох.

Но папа ответил, что он категорически про-

тив этой операции, потому что в природе всё находится в разумном равновесии. Он сам читал в журнале, что если уничтожить на берегах рек всех комаров, то рыбам нечем будет питаться, а у рыбаков не будет живки — мотыля! И настанут плохие времена и для рыбы, и для рыбаков. И даже волков теперь бьют осторожно. Без них никто не съедает больных лосей, и они портят всё стадо.

— Человека, — сказал папа, — собачьи блохи не кусают! А со своими блохами Кыш успешно справится сам. Вдруг у него характер испортится, если мы их выведем ДДТ? Вдруг Кышу захочется поймать блоху, устроить грандиозную охоту, погоню и победить блоху в благородном единоборстве? А блохи ни одной нет!.. Душевная драма!.. Давай уж не будем рисковать!

Мама сказала, что всё равно выведет всех Кышевых блох.

Папа после этого разговора стал бриться безопасной бритвой. Электрическая уже не брала его бороду. Он брился и удивлялся, что инженерная мысль человечества додумалась зачем-то до бесшумных пистолетов, а до бесшумных электробритв и автомобилей додуматься не может...

Потом мы зашли за Снежкой и Ветой Павловной. Папа всё время вспоминал, как они учились в одном классе. И вообще он был в прекрасном настроении. Он даже разрешил задавать ему любые вопросы.

Но я, вспомнив его слова о том, что от моих вопросов он рухнет в одно прекрасное мгновение, сказал:

— Вопросов больше нет.

— То есть как это нет? — удивился папа. — Тебе всё ясно?

— Да. Мне всё ясно, — подтвердил я. — Вопросов больше нет.

— Товарищи! Взгляните! Вот первый человек в истории человечества, которому всё ясно!

Тут все засмеялись.

Ехать в троллейбусе до парка всем нам было весело. Папа уговорил кондукторшу не высаживать Кыша и взял на него билет за десять копеек, как за чемодан.

Ещё издалека, у входа в парк, я увидел дымящего сигарой дядю Сергей Сергеева. Он стоял, прислонившись к колонне...

Кыш присел от неожиданности и завертелся на месте: сколько собак незнакомых пород шли мимо него в парк! А уж в самом парке у

Кыша разбежались глаза. Он рвался поиграть то к одной собаке, то к другой, но им дела не было до него, и он тоже стал спокойно ходить со мной рядом, посматривая по сторонам.

Изредка то папа, то дядя Сергей Сергеев объясняли, что за порода попавшейся навстречу собаки и чем эта порода знаменита.

И каких только собак не было в парке! Выдача призов ещё не началась, и собаки прогуливались по аллеям рядом с хозяевами, а если хозяева отдыхали на скамейках, то собаки сидели или лежали у их ног.

Мы смотрели на овчарок, бульдогов, боксёров, эрдельтерьеров, доберман-пинчеров, сенбернаров и догов. У многих собак на ошейниках висели золотые и серебряные медали. Кыш долго не хотел отходить от одной немецкой овчарки. Она лежала за скамейкой на газоне, и штук десять медалей блестело на её ошейнике. Она глухо рычала на Кыша, как будто спрашивала:

«Вот я овчарка, и у меня медали. А ты какой породы?»

Кыш тоже зарычал, но спокойно ответил:

«Я — помесь. И ничем не награждён. Зато ты в наморднике, а я нет!»

И правда, наверно, овчарка злилась на весь

белый свет, что на неё надели намордник, и старалась сбить его лапой...

Все собаки с медалями вели себя по-разному. Одни так, словно у них никаких медалей не было, а другие важно вышагивали и даже головы задирали повыше, чтобы их медали были видней.

— Воображалы! — сказала Снежка про таких собак.

А некоторые хозяева медалистов вышагивали ещё важнее, чем сами собаки, и гордо на всех посматривали. Непородистого Кыша они прямо уничтожали презрительными взглядами.

Я ходил и думал: «Пускай мой Кыш — помесь. Он всё равно самый лучший, самый умный и без ваших медалей. Он умеет зажигать свет, лаять на противно жужжащую бритву и выследить воришку. А кто из вас умеет читать письма хозяина? Вы красивые, знаменитые и очень мне нравитесь, но я не смею Кыша ни на кого из вас, вместе со всеми медалями!»

Снежка, угадав, о чём я думаю, спросила:

— А на бульдога поменяешь Кыша?

— Нет, — сказал я, — ни на кого не поменяю. Даже не спрашивай.

— А на самолёт?

— Не хочу, — сказал я.

— А на необитаемый остров?

— Зачем мне остров, если там не будет Кыша? — сказал я.

— А Гулливером хочешь стать за Кыша?

— Нет. Думаешь, мне легко будет жить среди вас, лилипутов? — спросил я.

— Ну, а волшебником Хоттабычем хочешь?

— Подавно не хочу! Засунет тебя какой-нибудь джинн в бутылку, и сиди там целые века, — сказал я.

Снежка немного разозлилась, что не уговорила меня поменять Кыша, и отстала с этими предложениями.

Потом папа и дядя Сергей Сергеев подошли к палатке и стали пить пиво, макая в него солёные хрустящие хлебцы, а мама и Вета Павловна о чём-то беседовали на скамейке.

Я услышал, как папа говорит:

— Всего мог ожидать, но чтобы лучший друг, с которым я съел пуд соли, на собрании выступил против меня?.. Нет... Я этого не ожидал! Моя голова отказывается понять сей факт. Да. На собрании, когда тебя чихвостят, когда нужна поддержка... Лучший друг всаживает тебе нож в сердце! Бр-р... Уверен: сделай я сейчас рентгеновский снимок, на сердце у меня будет рубец.

Дядя Сергей Сергеев посмеивался и пил пиво, зачем-то насыпав на краешек кружки щепотку соли.

— Не веришь? Да, да! Рубец! Читал, как йог внушил сам себе, что его ошпарили кипятком и у него на теле выскочили волдыри? Так вот, и у меня на сердце рубец от твоей «дружеской» критики! Да! Я был неправ! Но ты не имел права меня ругать. Для тебя я самый лучший, самый умный человек. Как и ты для меня. Пусть нас другие ругают!

— Ну уж нет! — не согласился дядя Сергей Сергеев. — Лучше ты меня ругай, чем человек, с которым я не съел пуд соли.

Тут я не выдержал и спросил у папы, кто такой йог и почему он внушил себе, что его ошпарили. Почему бы ему не внушить себе что-нибудь приятное?

— Откуда я знаю? Я не знаком с этим йогом! Смотри на собак. Дай поговорить взрослым! — вспылил папа.

А дядя Сергей Сергеев спросил у Снежки:

— Снежка, я слышал, что ты большая специалистка по дуэлям. Как ты думаешь, почему перед дуэлью бросают перчатку, а, допустим, не носок с ноги?

— Неужели не понятно? — ответила

Снежка. — Пока вы будете расшнурывать ботинок, вас проткнут шпагой.

Я подумал, что это правда, засмеялся и вдруг увидел в палатке шоколадные медали. Папа охотно купил нам по две штуки.

Снежка хотела сразу съесть одну медаль, но я отозвал её в сторону.

— Дай ленту от своей косички. Я на неё надену весь наш шоколад, и Кыш тоже будет с медалями.

Снежка распустила косу, я гвоздём проделал в трёх шоколадках дырки, а четвёртую всё же съела Снежка. Потом я надел их на

голубую ленту и повесил на шею Кыша. И прямо нельзя было отличить шоколадной медали от настоящей. Наши даже сверкали получше и размером были побольше. И на Кыша сразу стали смотреть по-другому и собаки, и их хозяева. Меня несколько раз спрашивали:

— Что за порода?

И я отвечал:

— Секретная овчарка!

Неожиданно для себя я увидел смотревшую с уважением на медали Кыша ту самую тётиньку с Птичьего рынка, которая купила красавца петуха.

Над шляпой тётиньки колыхалось и радужно играло похожее на саблю перо. Я сразу узнал это перо и догадался, что петух попал в суп. Папа тоже увидел тётиньку и поздоровался с ней.

— Это тот самый пёсик? — с завистью спросила она. — И уже три медали?

— Да. Главное, уметь выбрать собаку, — ответил папа. — Я сразу увидел в нём чемпиона. А как поживает петя-петушок?

— С ним было много мороки, — грустно вздохнув, сказала тётинька. — Пришлось...

— Вы с ума сошли! Что вы наделали? —

сдавленным голосом крикнул папа. (Тётичка растерянно смотрела на него.) — Ведь ваш петух непременно взял бы главный приз Большой петушиной выставки в Клязьме! Вы сошли с ума! Вы сами себе враг!

— Откуда же я могла это знать?

— Вы обязаны были верить в такого красавца! А рыбки? Вы не купили тогда рыбок, а именно эти рыбки стали лауреатами Лисабокской выставки рыбок и крабов! Картина-то хоть цела? — поинтересовался папа.

— Цела. Висит. Но я заметила, что вы большой шутник, — сказала тётичка.

— Митя, мы ушли! — крикнула в этот момент мама, и мы ушли, уводя Кыша от тётички, которая наверняка ругала себя за то, что не купила его раньше нас...

Нам со Снежкой было весело. Невдалеке играла то и дело одна и та же музыка, и по радио вызывали для получения медалей собак.

Кыш всё время беспокойно старался принююхаться к шоколадкам, хотя сладкого не любил.

Мы засмотрелись на боксёра, который держал в зубах зонтик; я забыл про Кыша, по-

том обернулся и увидел его рядом с огромным серым дого.

Кыш стоял и вилял хвостом, а дого лежал перед ним и уплетал последнюю шоколадную медаль. Золотые бумажки валялись на земле, и дого, облизываясь, щурил от удовольствия голубые глаза. А Снежка смотрела на него с обидой.

Съев все медали, дого с большой теплотой и благодарностью лизнул Кыша, и наш Кыш при этом слегка пошатнулся. Я потянул Кыша за поводок, подумав, что к такой огромной собаке дому аппетит приходит во время еды и как бы он не съел незаметно для себя Кыша...

Мы ушли, оглядываясь на прекрасного серого дога, увешанного золотыми медалями, а он лежал и, наверно, соображал и никак не мог понять: за какие такие подвиги, за какую такую службу этот маленький добрый пёс заработал такие вкусные медали?..

64

Мы ели под зонтиками сардельки с горчицей, а потом усталые поехали домой.

Когда мы стояли в очереди на такси, я увидел, как какой-то верзила, ругаясь, оттолк-

нул от дверцы машины бабушку с мальчишкой и хотел первым залезть в машину.

Я вырвал из кармана у папы правую перчатку — ту самую, которую кидал в Рудика, чтобы сейчас же кинуть её в верзилу, но папа, опередив меня, взял его за руку и отвёл в сторонку.

— Ой, больно! — ахнул этот тип.

— А мне тоже больно, — сказал папа. — Больно смотреть, как хамы толкают пожилых людей. Вам всё ясно?

Он отпустил руку, и верзила встал в самый конец очереди.

— Ты, я вижу, стал заядлым дуэлянтом, — сказал папа, пряча перчатку в карман.

— На тебя теперь варежек не напасёшься, — добавила мама.

А Снежка стояла задумавшись. Вдруг она сказала:

— Надо у нас во дворе устроить выставку кошек. А то что же? И собачьи есть выставки, и рыбы, и птички, и каких-то корешков лесных, и цветочные, а кошачьих нет! Так дело не пойдёт!

Я пообещал Снежке помочь устроить такую выставку, хотя сам подумал: «Зачем кошкам выставка? Они все одинаковые. Только разного цвета...»

В общем, этот день был один из самых лучших дней в моей жизни.

Прошла целая неделя... Прошли семь дней, и чего только не было за эти дни!.. И очень хорошего, и очень плохого...

Засыпая, я старался вспомнить каждый день и, как в кино, просматривал его заново...

Вот я выпускаю на улицу воробья и муху, и мы с папой едем на Птичий рынок, где рыбки, кролики, кошки, волнистые попугайчики... где мы купили Кыша и боялись, что мама прогонит нас вместе с ним обратно. Это был очень хороший день...

Вот я познакомился со Снежкой и ещё не знал, что она будет моим лучшим, самым первым в жизни другом. А сколько нам с ней делали замечаний, пока мы не поняли, что такое дисциплина! И главное, кто делал? Двородная тётя Снежки! И потом. Снежка укрутила бедного Тигру, который должен был стать хозяином Кыша, если бы умел хорошо себя вести на рынках... Это тоже был хороший день, хотя Кыш устроил дома большой ералаш...

Вот я делаю ловушку в почтовом ящике и

ждут, когда в неё попадёт похититель моих «Весёлых картинок». Вот Кыша зажигает и выключает свет, и мама обижается на него за то, что он виляет хвостом и поднимает пыль... А меня папа ругает за то, что я ещё не научился учиться в школе. Это был уже не такой хороший день...

Вот я спорил со Снежкой, и она ела на уроке жареную саблю... В этот день я привязывал Кышу к батарее и на уроке изобрёл для него ящик со столбиком. Потом Рудик приказывал Гере рычать на Кышу и пугать меня до смерти.

В этот день Кыш напал на след Рудика, и начались плохие дни. В них тоже было много хорошего, но лучше бы никогда не быть мне на товарищеских судах и не получать снежком по затылку и, главное, не терять Кыша...

Я просмотрел заново историю его спасения и ещё раз сказал спасибо всем, кто помогал мне в те два дня.

Но вот свою дуэль с Рудиком я не вспоминал. Вместо этого я думал про Пушкина на Чёрной речке и про то, сколько хороших сказок он мог бы ещё сочинить...

Скоро я сам прочитаю все его сказки. Потом буду ходить почаше в Зоопарк и на собачьи выставки... Буду задавать папе вопросы

обо всём интересном и дружить со Снежкой. И постараюсь никогда в жизни не иметь серого настроения, самого плохого из всех настроений... И не быть трусом.

...Прошла всего одна неделя... прошли семь дней, а сколько ещё впереди хороших недель, и дней, и часов, и минуток, и секунд!.. Тик-так... Тик-так... Тик-так...

Я с трудом открыл слипавшиеся глаза и, перед тем как заснуть, совсем счастливый, посмотрел в освещённый луной угол комнаты: там на матрасике, свернувшись в клубок, спал Кыш — моя любимая собака.

серия «БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

БИАНКИ В. «Рассказы»
БУЛЫЧЕВ К. «Путешествие Алисы»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Приключения Электроника»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Рэсси — неуловимый друг»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Победитель невозможного»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Новые прикл. Электроника»
ВОЛКОВ А. «Волшебник Изумрудного города»
ВОЛКОВ А. «Семь подземных королей»
ДЕФО Д. «Робинзон Крузо»
ЖЕЛЕЗНИКОВ В. «Чучело»
ЖИТКОВ Б. «Рассказы для детей»
КИПЛИНГ Р. «Маугли»
КИРНОСОВ А. «Страна мудрецов»
КУН Н. «Легенды и мифы Древней Греции», т.1
КУН Н. «Легенды и мифы Древней Греции», т.2
КЭРРОЛЛ Л. «Алиса в стране чудес»
ЛАГИН Л. «Старик Хоттабыч»
МИЛН А., ЗАХОДЕР Б. «Винни-Пух и все, все, все»
НЕКРАСОВ А. «Приключения капитана Врунгеля»
ПОЛОНСКИЙ Г. «Доживем до понедельника»
РЫБАКОВ А. «Приключения Кроша»
СВИФТ Д. «Путешествия Гулливера»
СТИВЕНСОН Р. «Остров сокровищ»
ТВЕН М. «Приключения Тома Сойера»
ТВЕН М. «Приключения Гекльберри Финна»
ТВЕН М. «Том Сойер — сыщик»
ТОМИН Ю. «Шел по городу волшебник»
УСПЕНСКИЙ Э. «Школа клоунов»
УСПЕНСКИЙ Э. «Грамота для Кощея»
ЧУКОВСКИЙ К. «Доктор Айболит»

Для того чтобы получить все эти книги, необходимо выслать заявку в адрес редакции. На почтовой карточке укажите названия книг и их количество. Книги будут высланы наложенным платежом. Оплата при получении книг на почте.

**Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефон: (095) 285-8807, 362-8996.**

Для младшего школьного возраста
АЛЕШКОВСКИЙ Иосиф Ефимович
Кыш, двадцать шесть и целая неделя
Повесть

Художник Л. Хачатрян
Художественно-технический редактор Н. Ганина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.08.2001. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 14,3. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1903.
Издательство «Мир Искателя», 125015, Москва, Новодмитровская, 5А.
Издательская лицензия ИД № 00829 от 25.01.2000.

Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П.354.4.00 от 05.04.2000 г.

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для справок:
(095) 285-88-07, 362-8996

ISBN 5-93833-053-X

9 785938 330535 >

Книги издаательства «Мир Искателя»
вы можете заказать по адресу:
125015, Москва,
Новоохтинская улица, 5а.
Наши телефоны:
(095) 285-88-07; 285-47-06.